

СЕВЕРНАЯ

АЗИЯ

КЧ 5-6. 1930

Вогулки в сахеех.
Северный Урал. Бассейн р. Ульи)

5А

Кр.

1929

№ 5-6
(29-30)

СЕВЕРНАЯ АЗИЯ

ОБЩЕСТВЕННО - НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

КНИГА ПЯТАЯ--ШЕСТАЯ

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ УРАЛА,
СИБИРИ и ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

NORTH ASIA

JOURNAL OF SOCIAL SCIENCE

п
стная
КА
ЖИНА

NUMBER FIVE—SIX

THE SOCIETY FOR THE STUDY OF THE
URALS, SIBERIA AND THE FAR EAST

1930

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
К. И. Игнатович. Проблемы китайской колонизации Северной Манчжурии и методы ее осуществления	5
Б. Д. Сысоев. Топливные и энергетические ресурсы Уральской области и пятилетний план выплавки чугуна на Урале	24
Баллод. К проекту ж.-д. линии Кустанай-Акмолинск-Караганда-Турксиб	47
А. Н. Лаврухин. Торговля и кооперация в Якутии	54
С. Фридлянд. Кустарно-ремесленная промышленность Сибирского края	70
В. Шунков. К истории крестьян Сибири в XVIII в.	82

Наша трибуна.

Д. Т. Янович. По поводу наблюдений В. А. Варсанофьевой над вогулами	104
---	-----

Советское строительство

В. Шипихин. К созданию национально-туземных округов	107
---	-----

Хроника

А. И. Ярхо. Антропологический тип кемчикских танну-тувишцев . . .	127
Г. Дебец. Краниологический очерк танну-тувишцев (с рисунками) . .	133

Библиография

Рецензии: И. Черемных, В. Л. Попова, П. М. Захарова, К. Б., С. И. Гессена, К. Пушкаревича, А. И. Ярхо, Б. Ф. Адлера, Г. Дебеца, П. П. Хороших, Н. И. Леонова, А. Ч., Ю. А. Филиппова	141
П. Ф. Коногоров. Новости урало-сибирской литературы. (Продолжение)	169

Письмо в редакцию

П. В. Иванов. Тем, кто любит свою реку.	179
---	-----

C O N T E N T S

K. I. Ignatovich. Problems of Chinese Colonisation of Northern Manchuria and Methods of Its Realisation	5
B. D. Sisoev. Fuel and Energy Resources of the Ural District and the Five Year Plan For Iron Smelting in the Urals	24
Balld. On the Project for the Rai Road Line Kustanai-Akmolinsk-Karaganda-Turksib	47
A. N. Lavruchin. Trade and Cooperatives in Yakutia	54
C. Friedland. Handicraft-Artisan Industry of the Siberian Section . .	70
V. Shunkov. The History of Siberian Peasant in the XVIII Century .	82

OUR TRIBUNE

D. T. Yanovich. On the Observations of V. A. Varsanofev on the Vaguls	104
---	-----

SOVIET CONSTRUCTION

V. Shipichin. The Formation of National Districts	107
---	-----

CHRONICLES

A. I. Yarcho. Anthropological Type of the Kemchiksk Tannu-Tuvintsev	127
G. Debetz. Chronological Outline of the Tannu-Tuvintsev (with illustrations)	133

BIBLIOGRAPHY

Reviews by: I. Cheremnich, V. L. Popova, P. M. Zacharova, K. B., C. I. Gassena, K. Pushkarevich, A. I. Yarcho, B. F. Adler, G. Debetz, P. P. Horoshich, N. I. Leonov, A. Ch., U. A. Filippov	141
P. F. Konogorov. Recent Ural-Siberian Literature (Continuation) Letter to the Board of Editors	169
P. V. Ivanov. Those who Love Their River	179

ПРОБЛЕМА КИТАЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРНОЙ МАНЧЖУРИИ И МЕТОДЫ ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ¹⁾

Территория Сев. Манчжурии на западе граничит с землями нашего Дальне-Восточного района (Забайкальская обл.) по р. Аргунь; на севере (Приамурская обл.) по р. Амур и на востоке (Приморская обл.) по р. Уссури; на юге земли Сев. Манчжурии отделены от внутреннего Китая Мукденской провинцией (Южная манчжурия) и, наконец, на юго-востоке она граничит с землями Японской Кореи.

В состав Сев. Манчжурии входят две из Трех Восточных (Манчжурских) Провинций Китайской республики — Хейлуцзянская с плоскогорьем Барга и Гириная—общей площадью 1008,5 тыс. кв. клм., что составляет по отношению ко всей Манчжурии (1210,1 тыс. кв. клм.) 83,5% и по отношению ко всей территории Китайской республики (11.064 тыс. кв. клм.) около 9,1%. По своим размерам Сев. Манчжурия превышает площадь Англии (314 тыс. кв. клм.) в три раза с лишним, Японии (383 тыс. кв. клм.)—в три раза и Германии (472 тыс. кв. клм.) в два с лишним раза, составляя, однако, по отношению к Дальне-Восточному району СССР (2717,7 тыс. кв. клм.) 37%. Одна только полоса, тяготеющая к К.-В. ж. д., которая в настоящее время является наиболее развитой в хозяйственном отношении²⁾, составляет 704,2 тыс. кв. клм., превышая по своим размерам территорию Японии и Германии, взятых вместе.

Климатические условия Сев. Манчжурии подходят приблизительно к условиям нашей Центрально-Промышленной области или Средне-Волжского района, с той только разницей, что амплитуда температурных колебаний в Сев. Манчжурии значительно шире —

¹⁾ Статья написана до захвата Китайско-Восточной ж. д. мукденскими генералами, и потому китайско-советский конфликт остался не освещенным. В ближайших номерах „Северной Азии“ будут освещены экономические последствия этого конфликта.—*Редакция.*

²⁾ Она состоит из 8-ми районов: Барга (155,6), Цицикарский район (233,2), Аньдинский (77,3), Харбинский (30,3), Н.-Сунгарийский (36,8), Бодунэский (40,9), Южный (26,5) и Восточный район (53,6 тыс. кв. клм.).

январская температура соответствует температуре Иркутска, Гренландии или Сев. Аляски, а июльская — Якутска, Киева, Алма-Аты, Вены и Нью-Йорка. Зима сурова и малоснежна, лето обильно осадками, а конец весны и осень засушливы. Вот наиболее характерные черты климатических условий этого края, которые в значительной степени способствуют созреванию хлебных злаков (рожь, пшеница, овес, ячмень, кукурузы, рис, бобы соевые, таолян, туцза и др.).

Естественные богатства края носят, главным образом, сельскохозяйственный характер: необъятные пространства еще не тронутой плодородной земли (20—30% территории) и значительное количество леса (25% территории). Кое-где встречаются каменноугольные, свинцово-рудные, золото-серебряные и другие залежи (но в этом отношении Сев. Манчжурия непочатый угол для изучения, — до сих пор мы не имеем достаточно достоверных данных о минеральных богатствах, заложенных в недрах этой страны). Почва Сев. Манчжурии, по мнению проф. Глинки³⁾, весьма схожа с луговыми и луго-степными почвами САСШ в бассейне реки Миссисипи, обильна перепоем, отличается большим плодородием.

Таким образом, географическое положение, климатические и почвенные условия делают этот край наиболее пригодным для земледелия.

Условие это наложило свой отпечаток на всю современную хозяйственную структуру Сев. Манчжурии. В настоящее время около 80% населения занимается земледелием и около 77% годовой продукции падает на долю земледелия, если же к этому прибавить продукцию лесоводства (13%) и скотоводства (6,0%), то получается, что на долю минерально-добывающей (1,0%) и обрабатывающей (3,0%) промышленности падает только 4,0% всей готовой продукции края — в ценностном выражении и только 3,0% в натуральном выражении.

Население края в настоящее время состоит из 12.895 тыс. душ⁴⁾, т.-е. превышает население нашей Дальне-Восточной области (1875,2 тыс. душ) в семь с лишним раз, тогда как по территории она меньше последнего в два с лишним раза. На 1 кв. клм. территории в Сев. Манчжурии приходится 12,8, а в Дальне-Восточной области только 0,7 душ. Но при сравнении Сев. Манчжурии с Китаем в целом и с его отдельными частями, а также с Японией и другими странами видно ясно, что плотность населения ее, в условиях перенаселенного Востока, представляет из себя ничтожную величину.

³⁾ К. Д. Глинка, „Почвоведение“, 1908 г.

⁴⁾ Основную массу населения составляют китайцы. На 1000 мужчин приходится 888 женщин. См. Е. Е. Яшнов — „Китайская колонизация Сев. Манчжурии“.

Население дальне-восточных стран.

	Тыс. душ	Плотность населения на 1 кв. км. территории.
I Япония ⁵⁾	59737	154,0
II Китай в целом ⁶⁾	498131	48,0
В том числе:		
А. Внутрен. Китай ⁷⁾	458779	138,0
Б. Шаньдунская пров. ⁶⁾	34376	251,0
В. Гжилийская пров. ⁶⁾	38906	263,0
Г. Манчжурия ⁷⁾	30000	24,8
В том числе:		
а Сев. Манчжурия ⁸⁾	12895	12,8
В т. ч. полоса, тяготеющая к К. В. ж. д. ⁸⁾	9300	13,2
б. Южн. Манчжурия	17105	168,0
III Сев. Дальне-Восточн. район ⁵⁾ . .	1875	0,7

Началом колонизации Сев. Манчжурии обычно принято считать 1644 год, когда там появились первые китайские переселенцы, которые спускались из внутреннего Китая по притокам р. Сунгари и селились на ее берегах, занимаясь охотой, рыболовством, а иногда и сельским хозяйством; но фактически она началась несколько позже. С 1644 по 1878 год переселение в Манчжурию из Китая было запрещено в силу того, что после покорения Китая в 1644 г. манчжурами, династия их Дай-Цзин, водворившаяся в Пекине, смотрела на нее, как на свою родину и всячески старалась оберегать ее от проникновения как русских (уже в то время появившихся на берегах Амура), так и от китайцев. С этой целью туда посылались войска и ссыльно-поселенцы, которыми заселялись приграничные

⁵⁾ „Десять лет советской власти в цифрах“, изд. ЦСУ СССР—1928 г.

⁶⁾ „Вестник Манчжурии“ № 2 (1928 г.) стр. 59, Е. Е. Яшнов—„Источники познания населения и крестьянского хозяйства Китая“.

⁷⁾ Е. Е. Яшнов—„Китайская колонизация С. Манчжурии“, ст. 21 Харбин, 1928 г., изд. Эк. Бюро К. В. ж. д.

⁸⁾ Статистический ежегодник К. В. ж. д. на 1928 год. Харбин, изд. Эк. Бюро К-В. ж. д. 1928.

участки, где население было организовано в так называемые «знаменные войска» (нечто вроде нашего казачества) и жило в военных поселках. К этому периоду относится постройка целого ряда крепостей: Айгунь (1684 г.), Мергень-Нуныцзян (1686 г.), Болдунэ (1692 г.), Цицжар (1691 г.), Хуланьчин (1734 г.) и др.

Начиная с 1878 г., когда под влиянием многомиллионного китайского населения маньчжурская нация ассимилировалась, а их династия в достаточной мере китаизировалась, переселение из Китая в Манчжурию стало регулироваться правительством. В 1891 г. по прубым китайским данным население Сев. Манчжурии составляло 1,5 млн. чел.

Географические, климатические и экономические условия края стали, начиная с этого года, привлекать в Сев. Манчжурию все большие и большие кадры переселенцев, которые направлялись из Южной Манчжурии и других северокитайских провинций, гонимые оттуда недостатком свободной земли, безработицей, войнами и т. д. Большую роль в этом отношении сыграла постройка К.-В. ж. д., которая, начиная с 1898 г., стала привлекать к себе рабочих, нередко оставшихся здесь на постоянное жительство. В 1903 г. К.-В. ж. д. была открыта для движения и тем самым открылась новая фаза в хозяйственном развитии Сев. Манчжурии, так как проведение этой дороги связало страну с торгово-промышленными центрами и значительно облегчило доступ туда для переселенцев из внутреннего Китая.

Другими факторами, способствовавшими заселению Сев. Манчжурии, бесспорно, являются перенаселенность и недостаток свободных земель в ближайших территориях (Южная Манчжурия, Чжили, Шаньдунь и др. провинции). Большую роль в этой области, за последние годы, сыграла также гражданская война, разруха и неурожай в Китае, вследствие которых жизнь в провинциях Чжили и Шаньдунь, а отчасти и в Южной Манчжурии, стала невероятно дорога, безработица, преследования милитаристов стали неизбежными там явлениями. Возрастающее по годам количество крестьянского населения двинулось оттуда в Сев. Манчжурию, где жизнь значительно дешевле, где ощущается недостаток рабочих рук для обработки угодий, развития добывающей промышленности и отчасти обрабатывающей промышленности, нового ж.-д. строительства и т. д., где цены на землю значительно ниже, а климатические условия и плодородие почвы даже лучше, чем на родине.

Цены на землю в мекс. долл.

Шаньдунь и Чжили за 1 шан ⁹⁾	от 150 до 300
Сев. Манчжурия " " " 	9 . 22 ¹⁰⁾

⁹⁾ 1 шан=2/3 десятины=0,73 га.

¹⁰⁾ Пустыри.

Помимо этого, известную роль сыграли содействие колонизации со стороны китайского правительства, которое стремилось заселить этот пустынный край исходя из чисто стратегических соображений. В 1880 г. было создано особое колонизационное бюро, которое стремилось заселить наиболее важные со стратегической точки зрения районы. С этой целью оно старалось привлекать переселенческие партии из Китая и заселять ими приграничные области. Для этого оно открывало для перенаселения одни и закрывало другие местности, осушало болота, проводило грунтовые дороги и проч. Но эти меры если и способствовали заселению края, то во всяком случае незначительно. Основную роль сыграло, конечно, стихийное переселение с юга на север в наиболее плодородные районы, через которые прошла К.-В. ж. д. Районы, колонизовавшиеся стихийно, в настоящее время показывают наиболее высокие коэффициенты плотности населения — Аньдинский район (16,2), Харбинский (43,8), Южный район (69,6), Бодунэский (20,1) и т. д., тогда как в уездах удаленных от жел. дороги и колонизовавшихся административными способами она не превышает 0,5 чел. на 1 кв. клм. территории.

Это заставило китайские власти отодвинуть на задний план мысль искусственного заселения края и вынудило заняться вопросом овладения этим стихийным потоком переселенцев с тем, чтобы все же осуществить свои намерения. С этой целью, на смену особому колонизационному бюро, в 1914 г. было создано Главное Межевое и Колонизационное Управление Хейлуньцзянской провинции, которое, произведя обмер площадей, стало содействовать переселенцам в эту провинцию (землеустройство, мелиорация, дорожное строительство, советы, разбор жалоб, выдача свидетельств на льготный проезд, провоз переселенческой клади и т. д.) вплоть до 1919 г., когда оно было расформировано за окончанием межевых работ.

Начиная с 1919 г. переселенческое дело находится в руках общедминистративных органов и отчасти им занимаются коммерческие и с.-х. организации и общества (в том числе К.-В. ж. д., японские и др. концессии, заинтересованные в привлечении рабочей силы к заселению края).

Мероприятия обще-административных органов почти совпадают с мероприятиями упраздненного Межевого и Колонизационного управления. Мероприятия же коммерческих и с.-х. предприятий, компаний и организаций в области содействия колонизации края выражаются в том, что организуется приток из внутреннего Китая недостающей здесь рабочей силы для обработки громадных земельных участков и для обслуживания добывающей и обрабатывающей промышленности и вообще оказывается поддержка переселенцам. В Чжилийской, Шаньдуньской и Мукденской провинциях создан це-

льный ряд вербовочных бюро, которые набирают там желающих получить в Сев. Манчжурии временную и постоянную работу, а также ведут агитацию за переселение в край среди обедневшего крестьянства.

Особенно интенсивную деятельность в этой области развивают японцы, которые не только создают вербовочные бюро, но и снабжают рабочих (соглашающихся ехать на работу в японские сев.-манчжурские концессии) деньгами, продовольствием и т. д., предоставляя помимо этого особо-льготные условия проезда по линии Ю.-М. ж. д. до станции Чанчунь К.-В. ж. д.: В целях поощрения притока переселенцев, японское правительство в лице Ю.-М. ж. д., установило еще с 1910 г. льготные ставки для перевозки рабочих переселенцев (в 1925 г. эти ставки были пересмотрены, а в 1927 г. контингент пользующихся льготным проездом был расширен). В настоящее время переселенцы, едущие от Дайрена до Чангуня по Ю.-М. ж. д. пользуются скидкой в 35—40% с обычной стоимости пассажирского билета 3-го класса, при чем женщины платят только половину, дети и старики в возрасте до 15 и от 60 лет перевозятся совершенно бесплатно.

Китайско-Восточная ж. д. для переселенцев, едущих на Север от Чанчуна, так же предоставляет льготные тарифы, а в 1927 г. ввела даже специальные вагоны, в которых перевозятся переселенцы со скидкой до 42% против стоимости проезда в вагоне 4-го класса. Старики и дети, а также беднейшие переселенцы, по правилам 1927 г. перевозятся бесплатно.

Вот, в общих чертах все те мероприятия, которыми китайские власти пытались и пытаются при содействии организованной «общественности» овладеть переселенческим потоком и направить его в желательную для себя сторону. Но, несмотря на это, переселение в Сев. Манчжурию продолжает носить стихийный и неорганизованный характер. Перенаселенный Китай с каждым годом выбрасывает все большие и большие толпы изголодавшегося крестьянства, идущего в край самотеком, мечтающего найти в Сев. Манчжурии новую родину и лучшую жизнь.

Однако, необходимо отметить, что колонизация края с 1908 по 1925 г. отличалась все же сравнительно небольшими размерами и в сущности сыграла второстепенную роль в области наблюдаемого роста численности населения края. Динамика численности населения Сев. Манчжурии (млн. душ) такова:

1891 г.—1,5	1919 г.— 9,0
1908 „— 5,7	1925 „— 10,3
1914 „— 8,1	1926 „— 12,9

Авторитетные исследователи ¹¹⁾ этого вопроса, не оспаривая

¹¹⁾ Е. Е. Яшнов, А. П. Кобзарев, И. В. Павлов, А. В. Кармазов и др. См. „Вестник Манчжурии.“ 1928, №№ 1, 2, 7; 11-12 и 1929—№ 1.

превалирующей роли колонизации в увеличении населения за период с 1891 (1,5) по 1908 г. (5,7 млн. душ)¹²⁾, говорят, однако, что в течение последующих лет — с 1908 по 1925 г. — колонизация в области увеличения численности населения играла более скромную роль и что, начиная только с 1925 г., ей, несомненно, принадлежит решающее значение в силу того, что размеры ее по более или менее точным данным, начиная с этого года, под влиянием общехозяйственной и политической ситуации во внутреннем Китае, обнаруживают головокружительный рост.

Действительно, с 1908 по 1925 г. население Сев. Манчжурии увеличилось на 4,6 млн. душ, что дает ежегодный прирост около 270 тыс. душ. Естественный же прирост, составляющий в Сев. Манчжурии в среднем 2,1%¹³⁾ по данным того же Эк. Бюро К.-В. ж. д., дает за то же время ежегодное увеличение населения около 140 тыс. душ, т.-е. на долю переселения падает только 130 тыс. душ или 48% ежегодного прироста.

Последующие же годы 1925—1927 обнаруживают совершенно иную картину. Железнодорожное сальдо пассажирского движения через ст. Чаньчунь и Куальченцзы за 15 лет (с 1908 по 1925 г. включительно, с перерывом между 1916 и 1921 г.)¹⁴⁾ дает превышение въезда над выездом из Сев. Манчжурии на 183,6 тыс. душ, что составляет в среднем за год 12,2 тыс. душ, или 9,4%¹⁵⁾ ко всему средне-годовому механическому приросту населения в крае (130,0 тыс. душ). Начиная же с 1925 г. оно обнаруживает бурный рост, во много раз превышающий среднюю годовую цифру.

¹²⁾ Крупную роль в этом увеличении несомненно сыграла русско-японская война, вызвавшая стихийное движение беженцев с юга в Сев. Манчжурию, которые видимо и осели там в своей значительной части.

¹³⁾ Коэффициент естественного прироста в Сев. Манчжурии (2,1%) установлен Экономическим Бюро К.-В. ж. д. по наблюдениям над неколонизируемыми уездами. По своей величине он значительно превышает коэффициенты естественного прироста населения почти во всех странах мира, за исключением Явы — 2,2%, Капской колонии — 2,5% и дореволюционного Дальне-Восточного края — 2,1%. (Теперь естественный прирост в Дальнем Востоке не превышает 1,0%.)

Естественный прирост населения в главн. странах мира (средние величины).
до 1914 г. в 1926 г.

СССР	1,6	1,9
Германия	1,3	0,8
Англия	1,1	0,6
Япония	1,2	1,5

¹⁴⁾ Данные за эти годы отсутствуют.

¹⁵⁾ Этот процент показывает, что большая часть переселенцев прибыла в Сев. Манчжурию из ближайших перенаселенных провинций Китая по грунтовым дорогам. См. об этом у Павлова — „Вестник Манчжурии“ 1928, № 7.

Сальдо движения по жел. дор. пассажиров.

Через ст. ст. Чаньчунь и Куаньченцзы (классные пассажиры. Тys. душ).

Годы	Прибыло	Отправлено	Сальдо
1908	110,7	129,6	— 18,9
1909	199,0	199,1	— 0,1
1910	213,7	211,6	+ 2,1
1911	166,7	173,7	— 7,0
1912	241,5	224,4	+ 17,1
1913	226,9	210,2	+ 16,7
1914	235,4	227,9	+ 7,5
1915	229,6	214,5	+ 15,1
1916	374,4	316,5	+ 57,8
1921	375,7	329,4	+ 46,3
1922	327,3	346,2	— 18,9
1923	382,0	381,2	+ 0,8
1924	362,5	347,1	+ 15,4
1925	407,4	357,7	+ 49,7
1926	519,4	314,0	+105,7
1927	736,4	493,9	+242,4

В 1924 г. въезд превысил выезд на 15,4, в 1925—49,7, в 1926—105,7, а в 1927 г.—на 242,4 тыс. душ, что уже дает цифру, значительно превышающую естественный прирост населения за этот год (150 тыс. душ)¹⁶⁾.

Таким образом, принимая во внимание, что значительная часть переселенцев движется в Сев. Манчжурию «гужем» и просто пешком по грунтовым дорогам, можно прийти к заключению, что переселенческое движение за эти годы далеко превысило свои прежние

¹⁶⁾ Исчислено исходя из средне-годового естественного прироста в неколонизирующихся уездах Сев. Манчжурии (по данным Эк. Бюро К.-В. ж. д), составляющего в среднем 2,1%.

размеры и, действительно, играет колоссальную роль в заселении и, следовательно, экономическом оживлении края.

До 1926 г. переселенцы двигались, главным образом, из Южной Манчжурии. Переселение же из внутреннего Китая играло ничтожную роль. Это подтверждается тем же железнодорожным салдо пассажирского движения через станцию Чаньчунь, которое за 15 лет дает лишь 183,6 тыс. душ, оставшихся в Сев. Манчжурии пассажиров, или 0,2% по всему населению Чжили и Шаньдуня (73 млн. душ). Если же принять во внимание, что переселенцы из внутреннего Китая большей частью движутся по ж. д. (так как проезд по грунтовым дорогам из внутреннего Китая, отделенного от Сев. Манчжурии многими сотнями километров, сопряжен с большими трудностями), а в числе 183,6 тыс. душ, осевших в крае, несомненно, есть наиболее зажиточные слои переселенцев из Южной Манчжурии, прибывших по жел. дор., то вполне очевидно, что застенный Китай за это время дал вряд ли более 10% к общему итогу всех переселившихся в Сев. Манчжурию.

Но уже в 1927 г. выходцы из внутреннего Китая составили большую часть переселенческого потока. Так, переселенцы, прибывшие в Сев. Манчжурию в этом году по жел. дор., разбиваются по месту выхода следующим образом: из Шаньдуньской провинции—70%, Чжилейской—20% и из Южной Манчжурии только 10%. Таким образом, за 1927 г. застенный Китай дал 90% пассажиров, прибывших по жел. дор. и осевших в крае, тогда как в 1925 г. до 40%, а в течение предшествующих лет еще меньше.

Такой бурный рост объясняется тем, что за последнее время во внутреннем Китае все чаще и чаще повторяются засушливые и неурожайные годы (особенно лето 1926 г.), растет безработица, повышается прожиточный минимум, цены на землю дорожают, а наряду с этим усиливаются беспорядки и притеснения населения со стороны милитаристов. В Северной Манчжурии, чжилейские, шаньдуньские и др. переселенцы находят обилие свободных земель и пустырей с высоким плодородием почвы¹⁷⁾, продающихся по ценам значительно более низким, чем у них на родине (в 15—17 раз дешевле; см. табл. № 5), высокий спрос и хорошую сравнительно оплату рабочей силы. В настоящее время пашня составляет лишь 7,6% по отношению ко всей поверхности края. В Чжилейской провинции средний заработок рабочего—20 мекс. долларов в год, тогда как в Сев. Манчжурии в наиболее горячее время он достигает 1 доллара в сутки.

Совершенно особо стоит вопрос о приливе в Сев. Манчжурию корейского населения (из японской Кореи), влекомого сюда с одной стороны экономическими трудностями существования на полу-

¹⁷⁾ В настоящее время пашня составляет лишь 7,6% по отношению ко всей поверхности края.

острове и с другой — вследствие тех же причин, которые влекут в Сев. Манчжурию чжилийских и шаньдунских землеробов, т.-е. обилием естественных богатств края и в частности большими площадями заливных земель, пригодных для водного рисосеяния, которое является одним из основных корейских занятий.

Эти причины привели к тому, что переселение корейцев в Сев. Манчжурию обнаруживает, начиная с 1870 г. непрерывное развитие. В 1870 г., под влиянием неурожая в Корее, население 6-ти местечек перешло в Гириинскую провинцию, а уже к настоящему времени в Сев. Манчжурии насчитывается до 490—510 тыс. корейцев¹⁸). Характерно, что корейцы, являющиеся по словам газеты «Цзи-чан-жи-бао» (официоз Гириинской провинции) «авангардным отрядом, командированным согласно плану японского экономического завоевания Манчжурии», организуют на территории Сев. Манчжурии коммерческие общества и ухитряются не только арендовать, но и скупать в собственность обширные земельные участки¹⁹), которые затем уже «охраняются», как японское имущество японской полицией и войскамн, вторгающимися для этого нередко в глубь китайской территории. В настоящее время около 350 тыс. га заливных земель, купленных и арендованных у китайцев по берегам р. Муданьцзян (юго-восток Сев. Манчжурии) занято корейцами (посевы риса).

Конечно, не все корейцы, живущие или пребывающие в Сев. Манчжурии, могут считаться японским «оплотом», так как многие из них покинули Корею, как политические эмигранты, недовольные японским управлением, но тем не менее значительная часть из них достаточно «японизирована», чтобы служить орудием японской агрессии в Сев. Манчжурии.

«Экстерриториальность» корейцев в Китае, которую так бдительно охраняют японцы, заявляющие: «Считаем корейцев равноправными подданными японской империи» (что не мешает им, однако, применять в Корее одни законы для корейцев, а другие для японцев — в пользу последних), говорит только о том, что на корейское переселение в Сев. Манчжурию Япония смотрит, как на способ проникновения в эту страну и укрепления в ней своих позиций, и нужно сказать, пользуется этим способом чрезвычайно тонко и умело, проводя свою политику на Дальнем Востоке.

Дальнейшие перспективы этой «колонизации» не могут не привлечь к себе самого пристального внимания в силу того, что темпы дальнейшего переселения корейцев, несомненно, будут возрастать (в 1928 г. ожидалось прибытие в Манчжурию до 30 тыс. корейцев

¹⁸) А во всей Манчжурии около 700 тыс. душ. См. И. С. Горшенин „Земельная аренда японцев в Манчжурии“. „Вестник Манчжурии“, № 7 (1928 г.).

¹⁹) В виду запрещения китайскими законами продажи земель иностранцам, корейцы фиктивно переходят в китайское подданство.

против 15 тыс. в 1927 г.), увеличивая тем самым японский «авангард» в районе Муданьцзяна и Нингуты (вблизи Владивостокского округа), где в настоящее время сконцентрировалась основная масса корейских колонистов.

Большинство переселяющихся в Сев. Манчжурию, помимо рабочих, едущих наниматься на рудники, копи и др. предприятия, составляют землеробы; они ставят своей целью заняться мелким трудо-интенсивным, товарно-земледельческим хозяйством, но, конечно, не все из них в состоянии осуществить свое намерение тотчас же по прибытии в край. Большинство из них — люди в конце разоренные, без всяких средств — вынуждено либо батрачить, либо брать в аренду небольшие земельные участки у крупных землевладельцев, успевших уже скупить у казны большие площади и нуждающихся для их обработки в рабочей силе, недостающей в крае.

Землевладельцы помимо найма с.-х. рабочих для работы в наложенных зерновых хозяйствах, в целях извлечения наибольшей прибыли из принадлежащих им целинных земель, применяют систему сдачи небольших участков в аренду. Для этого они подыскивают арендаторов среди неимущих переселенцев, которые представляют им рекомендации — поручительства от торговых фирм или частных лиц и т. п. Получив такую рекомендацию-поручительство, землевладелец отводит арендатору небольшой участок земли, возводит на нем фанзу (хижину) и др. постройки, роет колодец, ставит мельницу, приобретает необходимый примитивный инвентарь и скот, а также выдает арендатору на первое время ссуду — продукты и семена с условием, что арендатор выплачивает эту ссуду в течение трех лет с начислением 20% годовых. За предоставленные постройки и инвентарь арендатор не платит, но ремонтировать их обязан за свой счет. По истечении первых трех лет арендатор начинает платить землевладельцу арендную плату, которая устанавливается в зависимости от качества земли, удаленности ее от транспортных средств и т. п. в размере от 25 до 45% урожая. Несмотря на явную кабальность этих условий переселенцы с жадностью бросаются на такие сделки, обеспечивающие им все же лучшее существование, чем на родине. Таких хозяйств в Сев. Манчжурии насчитывается до 27%; к этому числу следует добавить 18%, сеющих одновременно на своей и на арендованной земле.

Другую категорию аграрных переселенцев составляют более зажиточные крестьяне, менее многочисленные, которые располагают (частично или полностью) необходимым капиталом для организации самостоятельного хозяйства. При недостаточности капитала, они вынуждены также арендовать земельные участки, но на более льготных условиях, или к своей земле прибавлять арендованную, имея достаточный капитал, они приобретают самостоятельно необходимую землю, которую с одной стороны распродает казна в неогра-

ниченном количестве в одни руки, но не менее 33 га 145 шан, а с другой — частные собственники. Большой частью колонисты вынуждены покупать землю у «частников», в силу того, что почти все удобные земли, расположенные вблизи путей сообщения уже скуплены последними, казна же располагает землями, удаленными пока от транспортных средств, а, следовательно, от рынков и торгово-промышленных центров. Обстоятельство это увеличивает размеры потребного для организации самостоятельного хозяйства капитала и уменьшает категорию переселенцев, располагающих нужными средствами.

Для того, чтобы заняться самостоятельным крестьянским хозяйством в Сев. Манчжурии, переселенец должен располагать, по данным бюджетного обследования, произведенного в 1923/24 г. Эк. Бюро К.-В. ж. д., не менее 700—800 мекс. долларов (включая стоимость построек, скота, инвентаря, домашнего имущества и т. д.), не считая суммы, которую необходимо затратить на приобретение земли.

Цены на землю, как было сказано выше, в Сев. Манчжурии претерпевают в различных районах различные колебания в зависимости от их качества, социального признака владельцев (частные и казенные), месторасположения и др. причин. Так, в уезде Бу-си Цицикарского района 1 шан лучшей казенной целинной земли оценивается в 1,7 мекс. доллара, средний—1,1 мекс. долл., а 1 шан частновладельческой—в 10-20 раз дороже. Цены на частную землю в уезде Бу-си Цицикарского района (за 1 шан в мекс. долл.) таковы:

	Распаханная	Целина
Среднего качества	30—40	15—25
Низшего „	20—30	10—15

Намечаемые и осуществляемые планы ж.-д. строительства изменить этого положения не смогут, так как в районах, где пройдут ж.-д. пути, земля тотчас же будет скуплена крупными скупщиками, да и сейчас уже они успели скупить большие площади, которые пустуют уже по 20 и более лет (есть такие случаи на берегах Амура²⁰⁾). Поэтому, несомненно, категория переселенцев, закабаляемых «арендными» договорами будет и в будущем довольно значительной.

Таковы, причины, методы и формы колонизации сыгравшей немаловажную роль в общехозяйственном развитии в Сев. Манчжурии.

Население Сев. Манчжурии к 1928 г. составляло около 14 млн. душ, т.-е. увеличилось против 1891 г. (1,5 млн душ) почти в 10 раз. Основную массу населения составляют землеробы — самостоятель-

²⁰⁾ Е. Е. Яшинов „Китайская колонизация Сев. Манчжурии“.

ные крестьяне и наемные с.-х. рабочие (80%). Этим и обуславливается товарное с.-х. направление развития края и его современная структура. В настоящее время на долю земледелия падает 77% годовой продукции, 91% всего экспорта и 78% всего ж.-д. грузооборота Сев. Манчжурии. Товарная часть продуктов земледелия составляет 72,8% всей товарной массы, обращающейся в стране, при выходе на рынок только 38% годовой продукции (в ценностном выражении).

Следующая таблица дает цифры о размере коммерческих грузов, отправляемых со станций К.-В. ж. д. (в тыс. тонн)²¹⁾:

Годы	Все грузы	В т. ч. хлебные	Удельный вес хлебных грузов в %%	Вывоз хлебных грузов из страны	Удельный вес вывоза по всем отпр. хл. по ж. д. в %%
1903	335	113	34	5	4
1908	550	277	50	195	70
1913	1223	578	47	485	84
1925	3386	2298	68	2028	88
1926	4233	2862	68	2364	83
1927	4899	3279	67	2600	79

За 24 года весь грузооборот К.-В. ж. д. увеличился почти в 15, а грузооборот хлебных товаров—почти в 30 раз. Удельный вес хлеба в ж.-д. грузообороте возрос с 30% в 1903 г. до 67% в 1927 г. Отправление хлебных грузов по ж. д. на вывоз за те же 24 года возросло в 520 раз, а удельный вес экспортных, в общем итоге хлебных, перевозок поднялся с 4% в 1903 г. до 79% в 1927 г. Правда, за последние годы (см. табл. № 7), удельный вес экспорта в хлебных перевозках падает в связи с непрерывным увеличением размеров потребления хлебных товаров внутри страны за счет все возрастающего переселения в край, но абсолютные размеры вывоза продолжают расти—с 2.028 тыс. тонн в 1925 г. до 2.600 тыс. тонн в 1927 г.

Структура хлебного экспорта и всех хлебных перевозок обуславливается структурой посевов и валовой продукции земледелия, свойственной китайскому крестьянину, принесшему в Сев. Манч-

²¹⁾ По данным Эк. бюро К.-В. ж. д. „Статистические ежегодники на 1927-28 годы“.

журию старые традиции и привычки родины: основную массу хлебного экспорта Сев. Манчжурии составляют бобы—65%, на втором месте стоят жмыхи (главным образом бобовые)—19% и на третьем—гаолян и просо—8%. Остальные 8% падают на долю всех прочих хлебов.

Такой высокий вес бобов в сев. манчжурском экспорте объясняется тем, что бобы (соевые) являются одной из самых распространенных культур в Китае и служат главным источником денежных поступлений в крестьянское хозяйство. Соевые бобы (их до нескольких сот разновидностей), как чрезвычайно неприхотливое азото-собирающее растение, дающее до 90 пудов зерна с одной десятины, были вывезены в Сев. Манчжурию из внутреннего Китая и очень быстро привились на ее благодатной почве и уже сейчас занимают свыше 33% всего посева, тогда как на долю пшеницы падает 9%, просяных хлебов—22%, гаоляна—16%, кукурузы—8% и остальных хлебов—12%. Валовой сбор соевых бобов составляет в среднем 29%, пшеницы—6%, гаоляна—20%, просяных хлебов—21%, кукурузы—10% и проч.—14% всего валого сбора зерна.

Главнейшим потребителем сев.-манчжурских бобов, также как и всех остальных хлебов²²⁾, является Япония, которая поглощает основную массу этого зерна (около 50%), остальная часть идет в Европу и Америку, а также на маслобойные заводы Дайрена, откуда в виде жмыхов направляется почти полностью в Японию и в виде бобового масла вывозится также в Японию, Англию, Германию, САСШ и др. страны.

Являясь наиболее товарной культурой, дающей максимум денежных поступлений, бобы за последние годы обнаруживают тенденцию непрерывного роста посевной площади. Так, в 1922 г. на 100 шан посева бобами было засеяно 26,7, а в 1928 г.—уже 35,5 шан, т.-е. на 33% больше, за счет вытеснения с поля остальных культур. Динамика валового сбора хлебов и посевной площади в районах тяготения К.-В. ж. д. видна из следующей таблицы²³⁾:

	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928 пред- вар.
Валовой сбор (тыс. тонн) . .	8764	8355	9714	10617	11024	11065	12220
Посевная площадь (тыс. шан)	9250	9390	9400	9745	10565	11125	11560

²²⁾ В Японию импортируется в среднем до 58—59 всего хлебного северо-манчжурского экспорта, поступающего во Владивостокский, Дайренский и др. японские порты.

²³⁾ Данные позаимствованы из статьи Е. Е. Яшнова—„Урожай в Сев. Манчжурии“, в 1928, году“. („Вестник Манчжурии, 1928, № 11—12.)

	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928 пред- вар.
На кажд. 100 шап посеви. площ. засеяно: (в шанах) .							
1) Пшеницей	17,6	18,3	10,7	9,3	9,0	10,8	11,0
2) Соевыми бобами	23,6	24,9	27,7	29,5	31,0	31,8	32,3
3) Прочими бобами	3,1	3,1	3,6	3,5	4,0	3,3	3,2
4) Гаоляном	14,9	14,3	15,7	15,9	15,0	14,9	14,7
5) Гуцзой	16,9	16,3	18,3	17,9	17,0	16,1	15,6
6) Прочими просьяными .	3,9	3,9	4,1	4,3	4,0	3,5	3,5
7) Кукурузой	7,7	7,6	8,1	8,1	8,5	7,6	7,4
8) Остальными злаками .	12,3	11,6	11,8	11,5	11,5	12,0	12,3

Общее развитие земледелия в крае за последние 6 лет может быть охарактеризовано нижеследующими данными, собранными Экономич. Бюро К.-В. ж. д. и относящимися к полосе экономически тяготеющей к дороге. Посевная площадь за 6 лет возросла на 25%, а валовой сбор зерна—на 40%, т.-е. средний ежегодный прирост за это время составил: посевной площади около 4%, а валового сбора—до 7% в год. Коэффициенты довольно высокие, особенно, если их сравнить с аналогичными коэффициентами других стран. В САСШ валовой сбор 5-ти главнейших хлебов, составлявший в среднем за 1909 до 1913 гг.—1.090 млн. квинталов, в 1926 г. возрос до 1.133 млн. кв., т.-е. за 15 лет увеличился лишь на 4%, в Канаде—на 63%, в Австралии—на 59% и т. д., что при переводе на средне-годовые величины приростов дает значительно меньшие цифры. Исключением является СССР, который до 1927/28 г. давал более высокие коэффициенты.

Таким образом, в связи с непрерывным увеличением населения растет и объем земледелия в крае на основе не только расширения посевной площади, но и подъема урожайности главнейших хлебов, за счет, главным образом, роста интенсификации обработки земли и изменения структуры посевной площади в сторону расширения посевов под бобовыми, просьяными злаками и рисом, дающими наибольшие сборы с 1 шана (в ущерб пшенице, ячменю, овсу, гречихи и друг. менее урожайным культурам).

Средние сборы зерновых хлебов в Сев. Манчжурии²⁴⁾ в среднем за 1922—1925 гг. (в тоннах с 1 шана):

Пшеница	1,85	Гречиха	0,65
Желтые бобы	0,98	Рис	1,31
Гаолян	1,20	Мелкий горошек	0,90
Гуцза	1,11	Зеленый горошек	0,82
Кукуруза	1,24	Прочие бобы	0,82
Ячмень	0,90	Овес	0,98

В настоящее время Сев. Манчжурия, дающая до 70% всего китайского хлебного экспорта (4,8 млн. тонн)²⁵⁾ и будучи, в этом отношении (3,3 млн. тонн)²⁶⁾ выше СССР (2,5 млн. тонн) и на 32% (по 1926/27 г.), бесспорно, является житницей Дальнего Востока, объем которой, с каждым годом, непрерывно возрастает и с каждым годом все больше и больше приковывает к себе загадочные взгляды японского империализма, а вместе с ними и взгляды САСШ, Англии и др. стран.

Помимо земледелия в Сев. Манчжурии непрерывно развиваются остальные отрасли народного хозяйства, но темп их развития значительно уступает земледелию.

Второе после земледелия место занимает лесопромышленность, на долю которой в 1927 г. падало 13% годовой продукции края и 3% всего экспорта. Таким образом, обладая огромными ресурсами (25% территории покрыто лесом), эта отрасль народного хозяйства обслуживает пока только требования внутреннего топливного рынка и рынка деловой древесины. Рост ее за последние годы выражается незначительными цифрами — продукция лесоводства в 1927 г. дала 3,3 млн. тонн древесины, что составляет рост против среднего за 1917—1921 год (3,0) на 10%, тогда как продукция земледелия за то же время показывает увеличение (с 7,0 до 11,0 млн. тонн) на 57%. Крупная лесопромышленность сосредоточена в руках различных концессионеров, среди которых видную роль играют бывшие русские купцы — Шевченко, Скидельский, Ковальский и др., а также японские фирмы. Основным потребителем древесины, вырабатываемой этими концессиями, помимо крупных торгово-промышленных центров, является К.-В. ж. д., поглощающая до 70% их годовой продукции²⁷⁾.

Третье место занимает скотоводство, но удельный вес его продукции упал в 1927 г. против 1925 г. с 8,9 до 5,6%, вследствие того, что эта продукция на протяжении последних лет остается стабильной по своим размерам—0,25 млн. тонн.

Добывающая и обрабатывающая промышленности находятся пока в зачаточном состоянии. Удельный вес обрабатывающей промышленности достигает лишь 0,9% всей продукции страны, но за

²⁴⁾ Е. Е. Яшнов—„Китайское крестьянское хозяйство в Сев. Манчжурии“. Харбин 1926.

²⁵⁾ См. „Вестник Манчжурии“ 1928, № 11—12.

²⁶⁾ 1926|27 с-х год дал цифру 3,3 мл. тн., а 1927|28—3,0 мл. тн. (7 п. предв. дан).

²⁷⁾ „Справочник по Сев. Манчжурии и К.-В. ж. д. за 1928 г.“.

последние годы обнаруживает довольно значительный рост (0,4% в 1926 г.) абсолютных размеров — с 0,4 млн. тонн в среднем за 1917—1921 гг. до 0,5 млн. тонн в 1927 г., или на 37,5%. Увеличение это произошло за счет небольшого развития металло-добывающей и довольно значительного развития каменно-угольной промышленности (Мулинские каменно-угольные копи К.-В. ж. д. и др.). Продукция потребляется пока исключительно внутри страны. Несколько большим удельным весом обладает обрабатывающая промышленность, главным образом, маслостроительная—3,0%, но и она находится пока в первой стадии своего развития и еще не может конкурировать с зарубежной (южно-маньчжурской, японской и т. д.).

Касаясь вопроса о размерах всей внешней торговли, следует иметь в виду, что главную статью экспорта составляют хлебные товары, поглощаемые на 58—59% Японией, а в области импорта главную роль играют промышленные товары — каменный уголь, главным образом для нужд К.-В. ж. д. (47%), соль (11%), металлы и металло-изделия (7%), масла минеральные (4%), мануфактура, москательные, химические товары, машины и проч.—31%, при чем значительная часть всех этих товаров идет из Японии, остальное ввозится из САСШ, Англии, Германии и др. стран.

Внешняя торговля Сев. Маньчжурии еще в 1924 г. составляла около 9% всего оборота Китая—12% экспорта и 6%—импорта. Удельный вес Сев. Маньчжурии во всем маньчжурском экспорте равняется 35,9%, а в импорте—39,4%. Экономическое сальдо края резко отличается от сальдо всего Китая и Японии. В Китае в целом также, как и в Японии сальдо пассивное, а в Сев. Маньчжурии — активное. Экономический баланс Китая и Сев. Маньчжурии в 1924 г. представляется в следующем виде (млн. местн. долларов²⁸⁾:

	Экспорт	Импорт	Сальдо
Китай в целом . . .	1180,8	1589,9	—409,0
Маньчжурия	319,0	208,2	+ 93,5
Сев. Маньчжурия . .	134,9	108,7	+ 26,2

По своей структуре внешняя торговля Сев. Маньчжурии также отличается от обще-китайской. Китай ввозит продукты земледелия, а Сев. Маньчжурия вывозит эти продукты.

Таковы результаты и характерные черты общехозяйственного развития Сев. Маньчжурии. Каковы же возможности и дальнейшие перспективы края?

²⁸⁾ „Справочник по Северной Маньчжурии и К.-В. ж. д. на 1927 г.“.

До 1927 в Сев. Манчжурия уже вместила около 12,9 млн. душ населения. Под пашней в настоящее время занято только 8% поверхности. Выявленный и зарегистрированный фонд земель пригодных для колонизации дает еще 17,3%, из которых 20% под лесом и 80% удобных пустырей, остальные 74,7%—леса (25% поверхности) и еще необследованные и неудобные земли—49,7%.

Колонизационный фонд Сев. Манчжурии (в тыс. кв. клм.):

Вся территория	1008,5
Обследованная	862,8

В том числе:

Лесная площадь	212,3
Посевная площадь	82,3
Колонизационный фонд	188,2

Зародышевое состояние внеземледельческой деятельности в крае и ее незначительный удельный вес в общехозяйственной структуре позволяет нам, приняв во внимание с.-х. характер заселения Сев. Манчжурии и его широкие возможности (обилие земли) прийти к выводу, что в ближайшее десятилетие навряд ли внесут серьезные изменения в существующую экономическую характеристику страны.

Таким образом, в основе дальнейшего развития Сев. Манчжурии будет, повидимому, лежать непрерывное увеличение численности населения и особенно его с.-х. части, а в связи с этим расширение посевной площади и рост абсолютных размеров товарно-зерновой продукции (что не исключает, однако, возможности развертывания в крае, например, лесоводства, скотоводства, добывающей и обрабатывающей промышленности), а это, несомненно, отразится на развитии торговли в сторону ее значительного увеличения.

Темп дальнейшего экономического роста края будет зависеть от общехозяйственных и политических условий. Таковы: экономическая и политическая ситуация в Сев. Манчжурии и в остальной прилегающей к ней части перенаселенного Китая, развитие ж.-д. строительства в крае, спрос на зерновую (в частности на бобовую) продукцию за рубежом и т. д., что, несомненно, отразится на размерах притока свежей людской массы извне и следовательно на развертывании земледелия.

Колонизационный процесс Сев. Манчжурии, как и всякой другой подобной страны, обуславливается наличием в ней лучших условий существования, чем в районах, являющихся источником переселения. В этом отношении, на основании всего изложенного выше, страна находится в весьма выгодном положении.

Развертывающееся ж.-д. строительство расширит территорию, обслуживаемую транспортом, улучшит связь ее с торговопромышленными центрами, оживит отсталые районы, облегчит доступ пере-

селенцам в Сев. Манчжурию и тем самым будет стимулировать колонизацию страны.

Соседство таких перенаселенных районов, как Чжили и Шаньдунь с плотностью населения от 257 до 263 душ на 1 кв. клм., где дальнейшее развитие земледелия упирается в отсутствие удобной земли, где за последние годы все чаще и чаще повторяются неурожаи, усиливаются беспорядки, вызываемые разыгрывающимися там гражданскими войнами, растет безработица среди сельского и городского населения, повышается прожиточный минимум, возрастают земельные цены и т. д. Все это вместе взятое не может не играть значительной роли в области отлива избыточного населения в Сев. Манчжурию.

Конечно и здесь возможны некоторые отрицательные для колонизации явления, например, влияние на приток колонистов по отдельным годам могут сказывать повышенные урожаи в Чжили и Шаньдуне, которые резко отражаются на улучшении экономики этих также с.-х. районов и следовательно неизбежно будут замедлять отлив избыточного населения. 25-летняя история переселения в Сев. Манчжурию после сооружения К.-В. ж. д. показывает, что наибольшего повышения движение переселенцев достигало тогда, когда в соседних районах происходили неурожаи или другие бедствия; напротив, хорошие урожаи на юге вызывали снижение наплыва переселенцев.

Это заставляет нас, несмотря на «благоприятные» сейчас условия для прилива колонистов в край, принять для определения перспектив колонизации и общехозяйственного развития Сев. Манчжурии осторожный расчет одного из видных исследователей этого вопроса Е. Е. Яшинова ²⁹⁾, который, учитывая, что за последние 16 лет средний годовой прирост посевной площади и населения, составляет цифру близкую к 5% и что в будущем он будет составлять даже несколько меньше—3—4%, предсказывает (с учетом емкости колонизационного фонда и исходя из расчета), что душевая обеспеченность сельского населения посевами будет не 1,14, а 1,26 шана на душу, рост на ближайшие 30—40 лет: численности населения с 13 млн. душ в 1927 г. до 35 млн. душ, посевной площади—с 8 до 27 млн. га и хлебных избытков—с 3,3 ³⁰⁾ до 10,0 млн. тонн. Население всей Манчжурии в целом за тот же период вероятно достигнет 75 млн. душ.

Таким образом, Сев. Манчжурия накануне высокого экономического развития, основанного на великом переселении китайского народа, которое неизбежно послужит одной из причин величайших империалистических столкновений и катастроф.

²⁹⁾ „Китайская колонизация Северной Манчжурии“. Харбин. 1928.

³⁰⁾ В 1926/27 с.-х. году с учетом гужевых перевозок.

Б. Д. СЫСОЕВ.

ТОПЛИВНЫЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ И ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН ВЫПЛАВКИ ЧУГУНА НА УРАЛЕ.*)

I.

Древесное топливо.

Жизнь Урала, как горно-металлургического района, прервалась с началом революции на несколько лет. Урал был занят белыми войсками, на Урале происходили жесточайшие бои и лишь с 1921/22 г. он вновь начинает оживать. К этому времени относится первая пореволюционная попытка учесть топливные и энергетические ресурсы Урала в новых административных единицах, которые к тому времени уже были выдвинуты жизнью, оформившей Урал, как одно целое и неделимое хозяйство¹⁾. Однако, в отношении учета древесно-топливных ресурсов, встретились чрезвычайно серьезные трудности: если взять Урал в его современных границах с включением Тобольского округа, то лишь 39,4% всей лесной площади Урала относится к обследованной, а к устроенной—только 21,2%. Уже один тот факт, что общая площадь лесов за 4 года—с 1924/25 по 1928—1929 г.г. сократилась на 100% (это катастрофическое сокращение лесной площади Урала надо отнести исключительно за счет уточнения исчисления ее), показывает, сколь мало изучены леса Уральской области.

По тем неполным и неточным сведениям, которые имеются в настоящее время, площадь всех лесных фондов и лесистость области характеризуется следующими величинами (на 1/X—28 г. в тыс. га)²⁾. (См. табл. на стр. 33).

Лесистость Урала—21% по всей его территории; 31% при условии исключения тундры—близка к лесистости Союза, равной 29,7% (по данным управления лесами НКЗема на 1/X—25 г.). Однако, в результате меньшей плотности населения на Урале, сред-

*) Печатается в дискуссионном порядке.—Редакция.

¹⁾ См. сборник „Урал“ под ред. Грум-Гржимайло № 4—1922 г.

²⁾ Уральское хозяйство в цифрах, Свердловск. 1929.

	Общ. пл. лесов.	В т. числе		Находящаяся в пользовании			
		Уд. лес.	Экспл.	НКЗем	Урал-мет.	Уч. зав.	Местн. зн.
По области . . .	74269,2	35083,4	20621,0	62227,0	68061,6	1010,3	4170,3
Сев. Предуралье.	7917,8	6709,9	4559,9	6070,6	649,7	889,2	308,3
Центр. и южн. Предуралье . .	3910,9	3714,8	3403,5	2303,8	995,2	28,2	583,7
Горнозав. Урал .	12529,3	8500,2	7306,0	6627,6	5216,7	51,3	633,7
Сев. Зауралье . .	44198,5	12532,1	2216,0	43563,2	—	4,5	630,8
Центр. и южн. Зауралье	5712,7	3626,4	3135,4	3661,8	—	37,1	2013,8

ная обеспеченность лесами на душу населения выше средней по Союзу, не говоря уже об иных государствах: Урал на душу населения имеет 5,4 га, в то время, как средняя обеспеченность лесом в СССР равна 1,31 (в Германии—0,44, во Франции—0,54 и в б. Австро-Венгрии—0,64).

В эксплуатацию по области вовлечено 59% всей удобной лесной площади. Рассматривая степень эксплуатации лесов Урала по полосам лесистости, следует прийти к заключению, что трудно в ближайшем будущем ожидать каких-либо особо резких сдвигов эксплуатации лесной площади: по отношению к удобной лесной площади, леса Центрального и Южного Предуралья эксплуатируются на 92%, Центрального и Южного Зауралья—на 87%, Горнозаводского Урала—на 86% и лишь леса Северного Предуралья вовлечены в эксплуатацию на 68% и Северного Зауралья—на 18%. Для вовлечения же в интенсивную эксплуатацию лесов двух последних полос и в особенности лесов Тобольского округа, требуются весьма решительные сдвиги во всем хозяйстве области и, в первую очередь, в транспортных связях ее отдельных частей. Пятилетний план развития хозяйства области не предполагает в ближайшем будущем освоения лесных массивов Тобольского округа в сколько-нибудь крупных размерах, тем более, что освоение затрудняется малой населенностью округа и необходимостью его колонизации; это обстоятельство вновь ставит на очередь вопрос об осуществлении проекта Северной Сибирской магистрали или постройки ряда лесовозных линий меридионального направления.

При изучении лесов области, как топливного ресурса, необходимо обратиться к их производительности. Как установлено было

специальной комиссией, обследовавшей леса Урала в 1922 г., ежегодный прирост древесины равен $\frac{1}{3}$ куб. саж. (таксационной) на десятину, что дает на один гектар 1,84 куб. метр. плотной массы. Исходя из этой величины прироста мы получим годичный прирост по всей лесной площади области в 64,5 млн. кубометра плотной массы. Проф. К. С. Семенов в своей работе, посвященной вопросу о производительности лесов Урала³⁾, ежегодный прирост древесины исчисляет в 45 млн. кубометров (включая Тобольский округ; без Тобольского округа леса Урала ежегодно дают 35 млн. кубометров). Наконец, председатель Лесной секции Госплана СССР В. И. Майер исчисляет годичный прирост древесины в 20 млн. кубометров. Этот разноречивый в исчислениях производительности лесов заставляет отнестись к ним с чрезвычайной осторожностью. Как известно, исчисление прироста древесины требует знания трех величин: площади лесов, запаса древесины на единицу площади и возраста леса; из этих величин нам известна, с очень большой неточностью, лишь площадь покрытая лесом. Запас древесины на 1 га известен нам лишь по лесосеке (при чем этот запас — величина очень гадательная); наконец, возраст лесных насаждений Урала нам совершенно неизвестен, а, между тем, определение возраста леса является чрезвычайно существенным, ибо в зависимости от него изменяется и прирост; но прирост находится также в тесной связи с породой леса, почвенными и климатическими условиями. При наличии на Урале 60% необследованных лесов при различных природных условиях в разных его частях, — совершенно немыслимо пользоваться какими бы то ни было средними коэффициентами, полученными по части лесов, подвергнутых обследованию, и зачастую основанными скорее на общем впечатлении, чем на изучении. Известно, что, например, на севере Урала возраст леса доходит до 300—400 лет; в таких лесах невозможно говорить о каком-нибудь приросте, в них существует обратное явление — убыль древесины. Исчисление прироста древесины, произведенное проф. К. С. Семеновым, ближе всех остальных к истине, так как последний пользовался сведениями о запасае древесины на лесосеках, дифференцированными по округам. Однако, как указывает сам автор работы, при отсутствии твердого плана лесного хозяйства на Урале, под лесосеку, само собой разумеется, отводятся лучшие участки леса. Опорачивает результаты исчисления проф. Семенова и то обстоятельство, что возраст леса во всех округах Урала принимался им равным 100 годам.

Помимо прямой неправильности исчисления годового прироста древесины, существует еще одно обстоятельство, не позволяющее принимать метод исчисления древесно-топливных ресурсов области

³⁾ К. С. Семенов. Прирост уральских лесов и пути к увеличению их продуктивности. („Хозяйство Урала“, 1927. № 8—9.)

по приросту древесины: цифры, полученные путем такого исчисления, являются чисто академическими, ибо, как само собой понятно, нас может интересовать не то количество древесины, которое ежегодно прирастает в лесах Урала, а то количество ее, которое при конкретных, современных нам, условиях эксплуатации леса может быть взято с лесной площади.

Поэтому мы, исчисляя прирост в лесах Уральской области по запасу древесины на лесосеке и принимая возраст леса равным 100 годам, особенно подчеркиваем ориентировочность своих расчетов и будем в дальнейшем опираться, главным образом, на сметную лесосеку, исчисленную НКЗемом:

	Уд. лесн. пл. в тыс. га.	Усл. прир. в год		Сметн. годичн. лесосека на 1/X—28 г.		
		на 1 га кб. мет.	По всей уд. площ. млн. к. м.	Площ. тыс. га	Запас на 1 га. кб. м. пл. м.	По всей лесосеке млн. кб. метр.
По области . . .	35.083,4	1,27	44,1	331,5	86	28,5
Сев. Предуралье .	6.709,9	1,41	9,5	64,8	63	4,1
Центр. и Южное Предуралье . .	3.714,8	1,42	5,3	54,8	82	4,5
Горновзв. Урал .	8.500,2	1,60	13,6	118,4	115	13,6
Сев. Зауралье . .	12.532,1	1,02	12,8	44,5	56	2,5
Центр. и Южное Зауралье . . .	3.625,4	0,83	3,0	48,9	78	3,8

Если откинуть Северное Зауралье, леса которого, как мы видели выше, эксплуатируются лишь на 18%, то весь условный прирост древесины будет исчисляться в 31,2 млн. кубометров, а запас на сметной лесосеке — в 26 млн. кубометров. Исходя из того, что леса Северного Предуралья также вовлечены в эксплуатацию далеко не полностью, придем к заключению, что цифры условного прироста древесины значительно преувеличены и большинство лесных массивов Урала, расположенных более или менее благоприятно в хозяйственном отношении, эксплуатируются с весьма большим перерубом. Внешнее благополучие в соотношении прироста древесины и сметной лесосеки объясняется преувеличенностью прироста при исчислении его по запасам на лесосеке, в особенности за счет северных лесов Урала.

Как видно из таблицы, в 1928/29 г. могло быть взято со сметной лесосеки области 28,5 млн. кубометров древесины плотной

массы, при чем почти половина — 48% древесины должна была быть отпущена из лесов Горнозаводского Урала. Цифр фактического отпуска древесины за 1928/29 г. мы в настоящее время не имеем. Такими сведениями мы располагаем за 1926/27 и 1927/28 г.г. Фактический отпуск древесины равнялся в 1926/27 г. 72% от предназначенной к отпуску, в 1927/28 г.—80%. Надо при этом иметь в виду, что разрыв между фактическим отпуском и сметной лесосекой происходит исключительно за счет лесов НКЗема, в то время, как древесина, назначенная к отпуску из лесов Уралмета, на все 100% отпускалась потребителю. В то же время за два истекшие года выплавка чугуна на древесном топливе на Урале далеко не достигла довоенного уровня; это говорит о том, что, при дальнейшем разветривании производства, древесно-угольной металлургии Урала придется опереться на леса НКЗема и на ту часть древесного топлива, которая освободится в результате внедрения минерально-угольного топлива в топливные балансы всех отраслей промышленности.

В пятилетнем плане развития народного хозяйства РСФСР за-проектирован следующий лесосечный фонд по Уральской области (в тыс. кубометрах):

	По леснич. НКЗема		По лесн. Уралмета		Всего	
	Деловая	Дровян.	Деловая	Дровян.	Деловая	Дровян.
1928 29 г.	8.022	9.878	1.350	8.070	9.372	17.948
1929 30 г.	8.359	9.955	1.380	8.240	9.739	18.195
1930 31 г.	8.746	9.882	1.432	8.538	10.178	18.420
1931 32 г.	9.473	10.173	1.470	8.750	10.943	18.923
1932 33 г.	10.225	10.445	1.470	8.750	11.695	19.195

Никаких особенно резких сдвигов по отношению к сметной лесосеке пятилетним планом не намечается. Сметная лесосека в 1932/33 г. исчисляется в 30,9 млн. кубометров, что дает рост в пятилетие на 8,5%. Не намечается также и резких сдвигов в отношении лесосечных площадей и по районам. Можно считать, что в ближайшем будущем лесосечные площади будут распределяться между полосами лесистости в том же отношении, как и в прошлом. Но мало того: предполагаемый отпуск леса по району в пятилетие совершенно не сближается с лесосекой.

Отпуск древесины в тысячах кубометров плотной массы.

	По леснич. НКЗема		По лесн. Уралмета		Всего	
	Деловая	Дровян.	Деловая	Дровян.	Деловая	Дровян.
1928 29 г.	4.350	7.630	1.200	6.700	5.550	14.330
1929 30 г.	4.970	8.030	1.380	6.785	6.350	14.815
1930 31 г.	5.561	8.884	1.432	7.000	6.993	15.884
1931 32 г.	5.935	9.065	1470.	7.330	7.405	16.395
1932 33 г.	6.335	9.215	1.470	7.760	7.805	16.975

Отпуск древесины к концу пятилетия равен будет 24,8 млн. кубометров, что составляет от сметной лесосеки те же 80%, что и в 1927/28 г. Такая «косность», отсутствие значительных сдвигов в эксплуатации лесов Урала объясняется отсутствием рабочей силы на лесозаготовках и отсутствием удобных и дешевых путей сообщения. Последнее обстоятельство учтено в пятилетнем плане ж.-д. строительства на Урале; однако, намеченные к постройке лесовозные линии вступают полностью в эксплуатацию лишь к концу пятилетия, поэтому на снабжение Урала древесным топливом в текущем пятилетии влияния оказать не смогут.

Недостаток рабочих рук на лесозаготовках в течение пятилетия ликвидирован быть не может. Поэтому Уралмет вступил на иной путь — механизацию дровозаготовок и рационализацию транспорта. Механизация дровозаготовок предполагается в первую очередь в северных, мало эксплуатируемых и мало населенных районах, особо остро испытывающих нужду в живой рабочей силе. Уралмет предполагает, что механизация дровозаготовок и рационализация транспорта дадут следующий эффект:

	1928/29 г.	1932/33 г.
Охвачено механизацией в % от общей заготовки дров	13,9	39,0
Понижение себестоим. одного кубометра дров в копейках	2,5	11,9
Применение механизации сокращает в % к общему числу:		
Рубщиков	6,7	17,2
Возчиков	9,9	30,4

Если принять во внимание, что в настоящее время зарплата лесорубам и возчикам к цене древесного топлива составляет 70%, а дрова составляют 55% стоимости чугуна, то ясно станет, что механизация дровозаготовок и рационализация транспорта должны быть проведены в значительно больших размерах, чем это предусмотрено Уралметом.

В заключение не лишним будет остановиться на вопросе о том, в какой степени добыча древесного топлива на Урале корреспондирует потребности в нем одного из наиболее крупных и организованных потребителей — древесно-угольную металлургию Урала. По годам пятилетия выплавка чугуна проектируется в следующих размерах (в тыс. тонн): ⁴⁾

	1928 29 г.	1929 30 г.	1930 31 г.	1931 32 г.	1932 33 г.
Древесно-угольн	610	715	840	1026	1116
На минер. топливе на су- ществ. заводах	159	290	421	764	1002
Магнитогорский зав.	—	—	5	160	1100
Итого	769	1005	1266	1950	3218

Увеличение выплавки древесно-угольного чугуна в пятилетие вдвое потребует соответствующего количества древесно-угольного топлива. Расход горючего на тонну чугуна, по предположениям Уралмета, сократится с 7,3 кубометра в 1928/29 г. до 6,68 в 1932/33 г. По этой норме в 1932/33 г. для выплавки 1.116 тыс. тонн чугуна, потребуется 7.650 тыс. кубометров древесины плотной массы. В передел будет пущено в том же году 1.440 тыс. тонн древесно-угольного чугуна, что потребует — при расходе на одну тонну передела 0,3 тонны условного топлива — еще 432,0 тыс. тонн условного топлива. Прокат ориентировочно составит по древесно-угольным заводам Урала 1.060 тыс. тонн; принимая средний расход топлива на тонну проката в 0,131 тонну условного топлива, получим потребность в топливе 139 тыс. тонн условного топлива. Таким образом, для производственных целей древесно-угольной металлургии потребуется в 1932/33 г.:

⁴⁾ По последнему варианту пятилетнего плана уральской черной металлургии, составленному специальной комиссией Главчермета в сентябре 1929 г. Кроме того, проектируется постройка в тек. пятилетии Кизеловского металлургич. з-да (на Троицком железорудном месторождении).

	Тыс. тонн кубометров усл. топл. = древесины	
Для доменного процесса . . .	1510	= 7650
Для передела	432	= 2200
Для проката	139	= 706
На проч. надобн. произв. . .	125	= 635
Итого . . .	2206	= 11191

Около 10% топлива будет замещено доменными газами, благодаря чему потребность в древесном топливе сокращается до 10 млн. кубометров. Затем, на многих заводах представляется экономически целесообразным передел и прокат вести на минерально-угольном топливе, благодаря чему еще больше сокращается потребность в древесине.

Однако, отпуск древесины из лесов Уралмета в 7.760 тыс. кубометров плотной массы отнюдь не покрывает потребности в ней заводов Уралмета, особенно, если принять во внимание повышение постоянных переходящих запасов древесного топлива. Последнее вытекает из необходимости общей рационализации топливоснабжения древесноугольных заводов Уралмета и, в частности, централизации углежжения, проводимой в текущем пятилетии на Урале.

Твердое минеральное топливо.

Выше мы привели программу выплавки чугуна на Урале в текущем пятилетии. Как необходимость максимального освобождения древесного топлива из отраслей промышленности, не требующих высоко-качественного, бессернистого и малозольного топлива, и направления его для целей выплавки древесно-угольного чугуна, так и необходимость обеспечить в достаточной степени каменноугольным топливом выплавку коксового чугуна, предъявляют к каменноугольной промышленности Урала весьма серьезные требования. Можно смело утверждать, что в настоящее время, при необходимости самой срочной минерализации топливного баланса уральской металлургии, вопрос о местном каменноугольном топливе становится проблемой не только уральского, но и всего народного хозяйства Союза.

Запасы углей в СССР по сводке Угольной секции Геолкома 1927 г. исчислялись в 474.622,9 млн. тонн; однако, за период, истекший с момента подсчета до последнего времени произошли весьма

серьезные изменения и в настоящее время запасы всех углей в СССР по группам «А», «В» и «С» исчисляются в 546 млн. тонн. Изменились в результате изысканий, в сторону весьма значительного повышения, и запасы уральских месторождений и в настоящее время выражаются в цифре 2 миллиарда тонн.

По отдельным месторождениям запасы распределяются следующим образом (в тыс. тонн натурального топлива):

Месторождения	Категории запасов по номенклатуре Геолкома.			Всего	В % к итогу
	А	В	С		
Кизеловское	39.700	45.350	1.818.000	1.903.050	96,2
Челябинское	18.617	7.449	4.000	30.066	91,5
Богословское	15.018	—	26.600	41.618	2,1
Егоршинское	Не определ.		2.000	2.000	0,1
Полтаво-Брединское . . .	49	—	2.900	2.949	0,1
Итого . . .	73.384	52.799	1.853.500	1.979.683	100

Несмотря на увеличение запасов угля на Урале за последние годы, запасы эти все же чрезвычайно ограничены по количеству и низки по качеству. В самом деле, даже исчисляемые в 2 млрд. тонн запасы Урала составляют от общесоюзных лишь 0,36%. Если иметь в виду, что население Уральской области составляет от населения Союза 4,65%, что продукция промышленности в 1927/28 г. составила по отношению к продукции промышленности Союза 4,8%, что капитальные вложения в промышленность будут равны 13,2% от союзных в пятилетие, — то на этом фоне наличие на Урале минерально-угольных запасов в 0,36% от запасов Союза говорит о безусловном недостатке их, далеко не соответствующем развитию хозяйства области.

Однако, на обозримый период времени тех 2-х млрд. тонн, которыми в настоящее время обладает Уральская область, количественно вполне достаточно для удовлетворения всех сторон развития ее хозяйства ⁵⁾.

⁵⁾ При оценке удельного веса уральских минеральноугольных запасов надо иметь в виду, что четырехсотмиллиардный запас углей Кузбасса активизирован в настоящее время в весьма незначительной своей части, благодаря географической удаленности от промышленных центров Кузбасса. Можно думать, что далеко не скоро добыча Кузбасса будет соответствовать его

Черная металлургия больше, чем какая либо другая отрасль промышленности, предъявляет чрезвычайно серьезные требования к качеству каменноугольного топлива. В последние годы на Урале интенсивно производились изыскания твердого минерального топлива, могущего быть примененным в доменном процессе; с этой целью, помимо геологических изысканий, производились также опыты по обогащению — с целью уменьшения серности и зольности, и коксованию кизеловских углей. Кизеловский уголь имеет от 17 до 25% золы, от 3 до 8% серы, от 33 до 40% летучих в безводном и беззольном угле. По данным о коксовании, имеющимся в нашем распоряжении ⁶⁾, получался кокс следующего состава:

	Тонк. пласт Губах. копи	Толст. пласт Гу- бах. копи	Крест. уголь	2-и тон. пласт Лен. копи	Толстый пласт Лен. копи
Влаж. тотчас после тушен.	1,5—1,6	6—12	6,5—8,0	6—10	1,5—6,0
Легуч. вещ.	0,08—1,2	1,2—1,3	0,4—1,1	0,2—0,8	0,4—1,2
Сера	2,04—2,26	2,15	1,6—2,1	2,3	1,8—1,9
Зола	16—10,8	16—18	14,8—16	16—16,5	15,2
Теплотв. спос. . . .	6600—6950	6984	6600—6700	нет сведений	
Бараб. * проба д/ост. на бар. круп. 25 м/м	52—68%	70%	53%	52—64%	64%

До последнего времени существовало широко распространенное мнение о полной невозможности как по высокой зольности, так и по содержанию серы в кизеловском коксе выплавлять на нем чугуна, соответствующий предъявляемым к нему в настоящее время требованиям. Однако, опыты выплавки чугуна на кизеловском коксе, проведенные в последнее время в заводском масштабе, опровергают ходячее мнение об его отрицательных качествах. Если и с экономической стороны выплавка на уральском коксе себя оправдывает (а пока нет причин предполагать обратное), то для уральской черной металлургии открываются значительно более широкие возможности, чем это можно было предполагать до сих пор. Даже если кизелов-

потенциальным возможностям. Поэтому правильнее было бы вычислять уд. вес каменноугольных запасов Урала в общей сумме запасов лишь европейской части Союза. (Прим. ред.).

⁶⁾ По материалам Промсекции Госплана РСФСР.

ский уголь будет коксоваться не один, а в смеси с кузнецким (по 50% того и другого), то и тогда это повлечет за собой значительный экономический и народно-хозяйственный эффект по сравнению с принятым год тому назад решением комиссии Главгортопа ВСНХ СССР производить на Урале коксование кузнецкого угля с примесью лишь 25% кизеловского.

Добыча твердого минерального топлива на Урале недостаточна по сравнению с потребностями хозяйства Урала. Следующий ряд цифр говорит о размерах добычи каменного угля (в млн. тонн):

1910/14	1915/17	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1923/4	1924/5	1925/6
1,00	1,5	1,8	0,7	0,9	1,0	1,0	1,2	1,0	1,3	1,6
				1926/7		1927/8				
				1,9		2,1				

Надо иметь в виду, что главную массу каменноугольного топлива давал Кизеловский район (60% в 1927/28 г.), остальное же топливо добывалось в Челябинском районе.

Другие уральские месторождения или не разрабатывались вследствие своей малой изученности, как, например, Алапаевское, или давали совершенно незначительные количества каменного угля (Егоршинские—65 тыс. тонн в 1927/28 г.).

В текущем пятилетии предполагается довести добычу твердого минерального топлива на Урале до следующих размеров (в тыс. тонн натурального топлива):

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
Кизел. район . . .	1.128	1.260	1.675	2.390	2.945	3.675
Челяб. райн . . .	500	540	590	655	850	1.345
Егорш. район . .	126	130	160	160	160	160
Богосл. район . .	375	460	515	700	850	900
Прочие	336	260	289	417	670	920
Всего по Уралу . .	2.465	2.650	3.229	4.322	5.475	7.000

Добыча растет в 2,8 раза. Как видно из таблицы, в приходную часть топливного баланса на Урале включаются только Кизеловское, Челябинское, Егоршинское и Богословское месторождения. Для осуществления добычи в запроектированных размерах необходимо проведение на Урале крупного капитального строительства: намечена проходка за пятилетие пяти капитальных шахт, восьми мелких и средних и постройка двух батарей коксовальных печей в Кизеловском районе. Необходимо признать, что как размер добычи, так и темпы нового строительства, являются напряженными. Этому способствует малая разведанность промышленных запасов угля: на Урале из пяти мощных шахт на западном склоне хребта, намеченных к пятилетию к проходке, разведанные запасы имелись в начале текущего пятилетия лишь для одной шахты.

Главным потребителем каменноугольного топлива является черная металлургия Урала. Однако, едва ли в текущем пятилетии удастся в значительных количествах выплавлять чугун на Урале на кизеловском коксе. Причина тому — ограниченность добычи каменного угля. Приведенные выше цифры добычи по Кизелу были запроектированы с максимальным напряжением всех производственных возможностей бассейна. Несомненно, что в связи с удачными опытами выплавки чугуна на кизеловском коксе будет предусмотрена и производственная программа бассейна. Однако, разведанность бассейна, если эта сторона дела не будет в максимальной степени форсирована, ставит весьма жесткий лимит новому шахтному строительству. Сжатие сроков нового строительства в бассейне и вступление новых шахт в эксплуатацию раньше намеченного срока не даст особо крупного эффекта уже потому, что такого рода сокращение сроков реально мало вероятно.

Представляется весьма вероятным, что брикеты из Богословского угля на Надеждинском заводе пойдут в домы в значительном количестве по отношению к общей потребности завода в топливе. Затем, на ряде заводов, переходящих на выплавку коксового чугуна, будет, очевидно, коксоваться кизеловский уголь в смеси с кузнецким. На древесно-угольных заводах Урала, где это будет признано экономически выгодным, в переделе и прокате должны будут применяться местные сорта каменного и бурого углей. И, наконец, местные угли области будут в текущем пятилетии направлены для удовлетворения потребности в топливе других отраслей промышленности и транспорта с целью высвобождения максимального количества древесины для пополнения дефицита в древесном топливе черной металлургии Урала.

Одним из организованных и крупных потребителей топлива является железнодорожный транспорт. Пермская железная дорога еще в 1922 г., в виду напряженного состояния дровозаготовок на Урале, поставила себе задачей перейти на местное минерально-

угольное топливо. В результате весьма долгих опытов к настоящему времени топливный баланс дороги минерализирован в такой степени, что расход дров сведен к минимуму. За два последние года различные виды топлива потреблялись на дороге в следующих соотношениях:

	1926 27	1927 28 г.
Дрова	1,39	1,5
Кизеловский уголь	42,81	72,11
Богословский уголь	7,81	9,42
Челябинский уголь	2,41	2,04
Сибирский уголь	45,57	14,93
Егоршинский антрацит . .	0,01	—
Итого .	100	100

Обращает на себя внимание не только минимальное количество древесного топлива, потребляемого дорогой, но и резкое сокращение потребления привозного каменно-угольного топлива, замененного кизеловским углем. Для оценки результатов минерализации топливного баланса Пермской жел. дороги надо иметь в виду, что в 1922/23 г. 64% топлива, потреблявшегося дорогой, составляли дрова; главной причиной такого быстрого и радикального проведения минерализации топливного баланса было следующее соотношение стоимости древесного и каменноугольного топлива на Урале (за 1926/27 г.). Стоимость 1 кубометра дров—3 р. 33 к.; эквивалентная стоимость: для анжеро-суджанского (кузнецкого) угля—2 р. 39 к., для кизеловского (1-й сорт)—1 р. 61 к., челябинского сортированного—1 р. 63 к., богословского—1 р. 80 к.

Необходимо, чтобы остальные уральские жел. дороги оценили по достоинству имеющийся в наличии опыт и провели, в большей или меньшей степени, минерализацию своих топливных балансов.

В текущем пятилетии на Урале будут выстроены три тепловые районные электростанции: Челябинская, Егоршинская и Кизеловская (Губахинская; расширение мощности), при чем две из них—Челябинская и Кизеловская—в качестве топлива будут потреблять местный уголь. (Относительно Егоршинской—вопрос не решен; возможно, что на ней будет потребляться егоршинский антрацит).

Мощность Челябинской электростанции к концу пятилетия будет равна 90 тыс. квт., мощность Кизеловской—72 тыс. квт. ⁷⁾; считая, что каждая из них будет работать по 6 тыс. час. в год, получаем, что Кизеловская станция потребует для своего питания 370 тыс. тонн кизеловского угля, Челябинская—670 тыс. тонн (в натуральном топливе). Как видно, потребность каждой станции равна производительности одной капитальной шахты.

Наконец, по топливному балансу Уральской области на пятилетие предполагается довольно значительное внедрение каменного угля Кизеловского района и бурого угля челябинского в топливный баланс отраслей промышленности, не предъявлявших особых требований в отношении чистоты топлива от примеси серы. Надо думать, что стимулом к внедрению минерального топлива будет являться его цена.

Как мы видели выше, соотношение цен на кизеловский уголь и древесное топливо говорит в пользу применения первого предпочтительней перед вторым.

Само собой понятно, все сказанное выше далеко не исключает необходимости изысканий на Урале месторождений каменного угля, удовлетворяющего требованиям, предъявляемым к нему черной металлургией. В частности, большой интерес представляют изыскания в Алапаевском районе, производимые инж. Н. С. Михеевым. В том случае, если в Алапаевском районе будут обнаружены запасы коксующегося угля, свободного от примеси серы, будет иметься налицо идеальное соединение в одном месте угля и руды.

Давно признано, что Урал чрезвычайно страдает от малой своей разведанности. Факт случайного открытия проф. Преображенским на Чусовой месторождения нефти, достаточно говорит о том, сколь мало мы знакомы с недрами Урала.

Как упомянуто выше, черная металлургия Урала должна дать в последний год пятилетия 3.218 тыс. тонн чугуна, в том числе 1.116 тыс. тонн древесно-угольного и 2.102 тонн коксового. При недостатке на Урале собственного каменного угля, удовлетворяющего требования металлургии, потребность в таковом должна быть удовлетворена дальнепривозным топливом—кузнецким. Принято думать, что осуществление Урало-кузнецкого проекта начнется с начала эксплуатации Магнитогорского металлургического завода, требующего в год 1.600 тыс. тонн кузнецкого угля; в действительности дело обстоит несколько иначе: началом осуществления Урало-кузнецкого проекта является 1 января 1925 г.— момент введения в действие льготного тарифа в 0,38 коп. с тонно-километра на пе-

⁷⁾ Мощность электростанций на конец пятилетия взята по материалам промсекции Госплана РСФСР.

ревозку кузнецкого угля. К настоящему времени мы имеем в топливном балансе Урала весьма большие количества кузнецкого топлива — угля и кокса, столь органически в него вошедшие, что прекращение снабжения им Урала путем хотя бы изменения тарифа в сторону его обратного повышения, катастрофически снизило бы выплавку чугуна на Урале, заставило бы железные дороги как Урала, так и Сибири переходить вновь на дрова так же, как и промышленные предприятия; и т. д. Все это, а в особенности сокращение выплавки чугуна, при его дефиците в стране в 20%, весьма резко сказалось бы не только на уральском хозяйстве, но и на хозяйстве всей страны. В 1932/33 г. далеко не один Магнитогорский завод пойдёт на кузнецком топливе, — целый ряд других металлургических заводов войдет также в число его потребителей. В дальнейшем мы изложим те предпосылки, которые толкают плановые и хозяйственные органы, несмотря на кажущуюся целесообразность переброски столь мало транспортабельного по своей дешевизне топлива, как каменный уголь, на расстояние в 2.200 км., питать уральскую металлургию кузнецким топливом. Сейчас мы приведем лишь одно соображение, побуждающее поддерживать идею Урало-кузнецкого проекта. Темп индустриализации СССР, являющийся выражением основной идеи экономической политики страны, требует максимального развития выплавки черного металла; мы уже сейчас имеем дефицит на металл, при чем весьма знаменательным является то обстоятельство, что дефицит растет за последние годы. Урал не имеет в настоящий момент минерального металлургического топлива или имеет его в недостаточном количестве, а Юг при самых форсированных темпах строительства металлостроительных заводов один не сумеет удовлетворить всю потребность страны в коксовом чугуне. Если принять к тому же во внимание, что: 1) Юг подходит к истощению своих богатых по содержанию железных руд, 2) с точки зрения сбытовой ориентации значительно выгоднее строить заводы именно на Урале (параллельно строительству на Юге), ибо произведенные расчеты убеждают, что черный металл, доставляемый с Юга, обойдется потребителю в районе сбыта уральской металлургии дороже магнитогорского, 3) выплавка чугуна на Магнитогорском заводе, несмотря на дальность перевозки топлива, будет стоить дешевле выплавки на криворожских заводах, главным образом, благодаря дешевизне добычи руды, что является результатом добычи большей части ее открытыми работами (а это невозможно в Кривом Роге), и ее высоких качеств, 4) необходимость индустриализации окраин и, в частности, Сибири, требующая максимального развития производительных сил Кузбасса, 5) при проведении магистральной сибирских железных дорог, вызываемой отнюдь не только необходимостью перевозки кузнецкого топлива на Урал, а в гораздо большей степени усилением хозяйственных связей Сибири с Европейской

частью Союза, себестоимость перевозки кузнецкого угля (в части расходов, зависящих от движения) не будет превышать льготного тарифа в 0,38 коп. с тонно-километра,—то необходимость и возможность участия Урала в выплавке коксового чугуна не подлежит сомнению.

Теперь больше, чем когда либо, Уралу необходимо производить в самом срочном порядке широкие изыскания коксующихся малосернистых углей, но в настоящее время Урал должен и будет выплавлять чугун на кузнецком топливе, ибо это диктуется самыми насущными потребностями страны и не выходит из пределов коммерческой рентабельности.

Выплавка чугуна на минеральном топливе в пятилетке будет вестись на следующих заводах (в тыс. тонн):

	1928/29 г.	1932/33 г.
Кушвинский	61	160
Н.-Салдинский	48	135
Надеждинский	—	84
Н.-Тагильский	60	378
Саткинский	—	180
Кусинский	—	65
Магнитогорский	—	1100
Итого	169	2102

Само собой разумеется, что увеличение выплавки чугуна в 12 раз потребует соответствующего количества минерального топлива. Зная программу выплавки чугуна на Урале, можно произвести следующий ориентировочный расчет минерального топлива для черной металлургии Урала.

1. Магнитогорский завод. Тепловой баланс завода строится с таким расчетом, чтобы уголь, поступающий в коксовые печи завода при использовании отходящих газов и газов доменных печей, обслужил бы все стадии металлургического производства. Потребность в коксе для доменного процесса при полной производительности завода равна 1.100 тыс. тонн в год, что потребует при выходе кокса из угля в 68%—1.600 тыс. тонн угля. Проект завода предусматривает присадку к кузнецкому углю при коксовании 10% брединских антрацитов; однако, месторождение столь ненадежно и добыча, благодаря нарушенности залегания, столь сложна (мелкими шахтами), что правильнее рассчитывать на коксование одного кузнецкого угля. Таким образом, Магнитогорский завод в 1932/33 г. потребует 1.600 тыс. тонн кузнецкого угля.

2. Нижне-Тагильский завод, по проекту имеющий свои коксовые печи, потребует в 1932/33 г., исходя из того же

расчета, что и по Магнитогорскому заводу (1 тонна кокса на одну тонну чугуна) 290 тыс. тонн кокса. Если коксование будет производиться исключительно кузнецкого угля, то последнего потребуется 430 тыс. тонн. Однако, Урало-Сибирская комиссия нашла вполне возможным производить коксование кузнецких углей с присадкой 25% кизеловского угля к общему его количеству, загружаемому в коксовальные печи завода. В таком случае, получаем для Нижне-Тагильского завода потребность в кузнецком угле 320 тыс. тонн и кизеловском—115 тыс. тонн⁸⁾.

3. Потребность Нижне-Салдинского, Кушвинского, Надеждинского, Саткинского и Кусинского заводов, выражающаяся в 424 тыс. тонн кокса, будет, повидимому, удовлетворяться коксом как привозимым из Кузбасса, так и кизеловским, и потребует добычи 710 тыс. тонн каменного угля. Помимо того, эти заводы, в виду получения ими со стороны готового кокса и, следовательно, отсутствия в тепловых балансах заводов коксовальных газов, принуждены будут потреблять энергетическое топливо. Считая передел на обоих заводах в 550 тыс. тонн, а прокат—390 тыс. тонн, получаем потребность условного топлива на передел 165 тыс. тонн и на прокат—50 тыс. тонн. Считая, как и прежде, что 10% топлива будут замещены доменными газами, мы снижаем расход на передел и прокат по заводам с 215 тыс. тонн до 194 тыс. тонн. Затем, по пятилетнему плану Уралмета по Нижне-Тагильскому объединению предполагается добыть в 1932/33 г. 13 тыс. тонн торфа, что в условном топливе составит 5 тыс. тонн; тем самым потребность в каменноугольном топливе по переделу и прокату на заводах равны ориентировочно 190 тыс. тонн, а с учетом прочей потребности производства и ежегодной потребности заводов в доменном топливе (с переводом кокса на уголь) 950 тыс. тонн.

4. Потребность в топливе для передела и проката и прочих надобностей производства древесно-угольной металлургии Урала равна, как было вычислено выше, 700 тыс. тонн условного топлива. При напряженности топливного баланса Уралмета в текущем пятилетии не представляется возможным вести передел и прокат целиком на древесно-угольном топливе. Отчасти сдерживающим стимулом в отношении применения древесного топлива является его цена. Многие древесно-угольные заводы Урала уже в настоящее время перешли на минеральное энергетическое топливо, при чем в качестве такового фигурирует куз-

⁸⁾ По пятилетнему плану предполагалось довести к концу пятилетия до указанной мощности Н.-Салдинский завод; в настоящее время на первый план выдвигается Н.-Тагильский, а на Н.-Салдинском будет проведен малый план реконструкции с развертыванием выплавки чугуна до 160 тыс. тонн.

нецкий каменный уголь. В текущем пятилетии должно быть проведено в жизнь максимальное внедрение местных видов топлива в топливный баланс Уралмета за счет перевода на них передела и проката. По пятилетке Уралмета в 1932/33 г. будет потреблено торфа (за вычетом 5 тыс. тонн в условном топливе, учтенных нами по Нижне-Тагильскому заводу) — 62 тыс. тонн условного топлива, челябинского угля — 174 тыс. тонн и богословского — 162 тыс. тонн. Тем самым на долю кузнецкого и кизеловского энергетических углей приходится 300 тыс. тонн в условном топливе. (В 1926/27 г., по сведениям, сообщенным Н. Я. Курбатовым, уральскими металлургическими заводами было потреблено 207 тыс. тонн кузнецкого угля в качестве энергетического).

Суммарная потребность черной металлургии в каменноугольном топливе выражается, таким образом, в следующих цифрах (тыс. тонн условного топлива):

1. Магнитогорский завод	1600
2. Нижне-Тагильский завод	430
3. Нижне-Салдинский, Кушвинский, Надеждинский, Саткинский и Ку- синский заводы	950
4. На передел и прокат для древесно- угольной металлургии	300

Итого . . . 3.280

Торф.

Торф, как промышленное топливо, стал играть более или менее значительную роль в самые последние годы. Можно утверждать, что лишь революция и связанный с ней распад народно-хозяйственных связей страны, резко сказавшийся в недостаточном снабжении как промышленных предприятий и транспорта, так и населения топливом, поставил вопрос о необходимости использования местных топливных ресурсов. С этого времени начинается изучение как запасов, так и теплотехнических свойств местных низкокалорийных видов топлива, как-то: торф, сланцы и т. п. Ясно отсюда, что запасы торфа, благодаря сравнительно краткому периоду применения его в широких масштабах, как промышленного топлива, далеко еще не изучены и здесь приходится оперировать с грубо ориентировочными цифрами.

Площадь зарегистрированных уральских торфяников на 1/X—1926 г. равна 932.987 га. По округам эта площадь распределяется следующим образом:

	Число торфяников	Площадь в га	Запасы возд.-сухого торфа в тыс. тонн	Запасы усл. топлива в тыс. тонн
Верхне-Камский	27	320.086	766.020	352.813
Златоустовский	37	10.176	26.030	12.024
Ирбитский	12	14.476	31.800	14.610
Коми-Пермяцкий	7	80.965	191.585	87.685
Кунгурский	23	8.819	10.660	4.895
Нижне-Тагильский	126	300.721	737.820	342.320
Пермский	23	14.181	32.500	15.000
Сарапульский	7	7.920	19.390	8.805
Свердловский	131	145.325	272.875	124.615
Тюменский	11	2.530	26.030	3.920
Шадринский	48	27.788	78.050	35.895
Итого	452	932.987	2.192.760	1.002.582

По сообщению В. М. Гейнрих расположение многих болот чрезвычайно благоприятствует их промышленной разработке: в пятикилометровой полосе от линии железных дорог расположено 162 болота с площадью 83 тыс. га и запасом воздушно-сухого торфа в 250 млн. тонн.

Перспективы использования торфа лежат не только в области сжигания его под котлами фабрик, заводов и в бытовом потреблении, но также и в обслуживании электростанций. По свидетельству покойного проф. Грум-Гржимайло, торф во многих случаях оказывается значительно более дешевым топливом, чем всякое другое. Последнее подтверждается и стоимостью механизации добычи торфа. По данным пятилетки УО СНХ для проведения механизации требуется затрат на одну тонну 7 тыс. калорийного топлива:

Кизеловские копи	26 р. 26 к.
Челябинские	34 р. 01 к.
Егоршинские	33 р. 99 к.
Полтаво-Брединские	49 р. 98 к.
Богословские	21 р. 59 к.
Торф	15 р. 00 к.

Чрезвычайно удачны попытки газификации торфа как за границей, так и у нас. Например, в Италии работают на торфе три

сравнительно крупные силовые установки; газификация торфа на Урале на Алапаевском заводе показала следующие результаты: 1 кубометр дров ценой 2 р. 60 к. заменяется 1,75 кубометра торфа (влажность 40%) по 1 р. 13 к., или всего на 1 р. 38 к., другими словами, каждый кубометр торфа экономит 62 коп. и сберегает дров 0,57 кубометров. На торфе работает мартен, при чем плавка идет вполне нормально.

По пятилетке Госплана РСФСР добыча торфа на Урале достигает следующих размеров (в тыс. тонн натурального топлива):

	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
Машинный	272	353	434	503	557
Резной	200	200	200	200	210
Населенческий	20	25	40	65	90
Всего	492	578	674	768	857

Населенческий торф не будет направлен для удовлетворения потребности промышленности в топливе. Кроме того, часть машинного и ручного торфа также, очевидно, пойдет в безлесные местности на удовлетворение потребности населения, наркоматов и пр. групп потребителей не-промышленного характера. Нужды черной металлургии будут удовлетворяться исключительно торфом, добываемым предприятиями Уралмета (вошедшими в выше приведенную таблицу).

Добыча торфа по предприятиям Уралмета (в тыс. тонн натурального топлива):

	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
Алапаевское объединение .	24,5	63,0	83,5	100,0	108,0
Миасское объединение . .	44,0	60,0	76,0	76,0	76,0
Верх.-Исетское объединение	17,5	17,5	17,5	17,5	17,5
Н.-Тагильск. объединение .	6,3	12,6	12,6	12,6	13,0
Проч. торфоразработки . .	15,5	16,5	17,5	18,5	22,5
По тресту	107,8	169,6	207,1	224,6	237,0

Таким образом, добыча торфа Уралметом возрастает в 3,3 раза. Нам лично кажется, что сказанное нами выше о запасах торфа, о дешевизне и возможности его применения говорит о необходимости значительно большего форсирования добычи его Уралметом.

Белый уголь.

По вопросу об исчислении запасов белого угля на Урале существуют подсчеты проф. Грум-Гржимайло. В подсчет вероятного белого угля вошли только части рек с большим падением, протекающие в скалистом грунте и удобные для сооружения высоких каменных плотин. Все остальные запасы белого угля отнесены к разряду вероятных и не были приняты во внимание.

Суммарные ориентировочные и минимальные запасы белого угля западного и восточного склонов хребта Урала исчисляются в следующих величинах:

Западный склон			
гидравл. сила лош. сил всей реки . . .	125.905	использ.	4.198
Восточный склон:			
гидравл. сила лош. сил всей реки . . .	64.418	„	12.603
Итого . . .	190,323	„	16.801

Таким образом, утилизировано лишь 8,6% всей вероятной гидравлической энергии Уральской области.

Подсчет гидроэнергии Урала, произведенный проф. Грум-Гржимайло, не является исчерпывающим. В настоящее время суммарная мощность уральских рек оценивается в 1 млн. лош. сил. Ориентировочно по районам мощность водной энергии распределяется следующим образом:

Гидроэнергетические ресурсы Уральской области (мощность рек в квт).

Верхне-Камский	92.800
Златоустовский	8.550
Ирбитский	36.500
Коми-Пермяцкий	15.400
Кунгурский	30.070
Курганский	4.520
Пермский	127.280
Сарапульский	133.900
Свердловский	9.500
Тагильский	98.255
Троицкий	27.870
Тюменский	200.960
Челябинский	7.360
Шадринский	43.230
По области	836.195

Об использовании гидроэнергии говорилось выше. Иного подсчета мы не знаем, а потому принимаем цифру проф. Грум-Гржимайло. В плановом порядке не предполагается в текущее пятилетие использование гидроэнергии Урала.

Говоря о запасах гидроэнергии на Урале, нельзя обойти молчанием вопрос, которому в настоящее время уделяется в печати мало внимания, но который является чрезвычайно актуальным для хозяйственного развития ряда округов Урала, — вопрос о сооружении Камско-Печорского водного пути. Камско-Печорский край, по своим природным богатствам представляющий для хозяйственной эксплуатации чрезвычайный интерес, в настоящее время связан с остальными частями Союза весьма несовершенными путями сообщения. Между тем, надо иметь в виду, что грузы Прикамско-Печорского края — калий, туки, соль, нефть, лес, являются грузами массовыми, требующими дешевого водного транспорта. В текущем пятилетии Камско-Печорский край должен получить весьма широкое развитие и огромное количество перечисленных грузов направить в центральную и южную части Союза. Отсюда возникла идея соединения бассейнов Камы и Печоры водным путем. Это соединение не только даст возможность сообщаться Печорскому краю с остальными частями Союза, но и значительно улучшит условия водного транспорта на р.р. Каме и Печоре, где они в настоящее время совершенно неудовлетворительны. По проекту предполагается постройка трех плотин: на р. Колве — ниже устья р. Вишерки, на р. Печоре — около Якшинской пристани и на р. Неми; между плотинами образуется водохранилище площадью в 1,5—2 тыс. кв. клм., куда будут стекаться весенние воды р.р. Печоры, Колвы и Неми. Увеличивая меженное питание Колвы, Камы и Печоры на 200 кубометров в секунду, можно повысить стояние горизонта воды на р. Колве у дер. Бобыки на 2,1 метр., на Каме выше Чусовой — на 55 см., у Перми — на 40 см., у устья Илыча — на 1 метр (согласно кривым расхода гидрометрических станций указанных мест). Это повышение горизонта воды позволит бесперебойно пропускать речные суда со значительной осадкой.

Но, кроме разрешаемой таким путем транспортной проблемы, проект предполагает устройство на плотинах трех гидростанций, общей мощностью свыше 100 тыс. квт., общей отдачей энергии 550—600 млн. квт. часов. Это должно в очень большой степени повлиять на энерго-снабжение прилегающих округов Уралобласти.

Осуществление энергетической части Камско-Печорского водного пути сулит весьма крупные выгоды хозяйству Урала, особенно если принять во внимание, что стоимость киловатт-часа на этих станциях будет значительно ниже стоимости его на современных станциях.

Наконец, в отношении топливоснабжения Урала надо иметь в виду, что Камско-Печорский водный путь пройдет вблизи весьма мощных месторождений каменного угля и, в случае их разработки, сыграет не малую роль в транспорте угля.

В связи с открытием проф. Преображенским несколько месяцев тому назад месторождений нефти в Уралобласти (Чусовские Городки), весьма вероятно, изменится и топливный баланс как всех отраслей хозяйства Урала, так, в частности, и его черной металлургии. В настоящее время невозможно сказать что-либо определенное по этому поводу, так как не имеется не только цифр, говорящих о возможной добыче нефти на Урале, но и сведений о запасах месторождения и о качестве нефти.

30/IX—1929 г.

К ПРОЕКТУ ЖЕЛЕЗНО-ДОРОЖНОЙ ЛИНИИ КУСТАНАЙ—АКМОЛИНСК—КАРАГАНДЫ—ТУРКСИБ ¹⁾

По почвенным и климатическим условиям Сев.-Западный Казакстан представляет собою крупную снабженческую базу товарной продукции сельского хозяйства и животноводства. Хлеб, мясной и рабочий скот и масло, направляются в центральные промышленные районы и на Урал из Кустанайского, Петропавловского и Акмолинского округов, дающих значительные товарные излишки к вывозу. В 1926/27 г. эти излишки исчислялись в размере до 400 тыс. тонн хлеба, главным образом, пшеницы, 23,5 тыс. тонн мяса и 3 тыс. тонн коровьего масла. В текущем году хлебные излишки в означенных округах определяются в размере до 450 тыс. тонн. Наличие свободного земельного фонда является предпосылкой дальнейших крупных перспектив развития земледелия и скотоводства и вместе с тем товарных выходов продукции. Потенциальные возможности края, однако, остаются в значительной мере неиспользованными, поскольку он обладает пока лишь двумя ж.-д. ветками: Кустанай—Троицк и Петропавловск—Щучье, обслуживающими только окраины; глубинные же районы соединены лишь гужевыми дорогами, находящимися в весьма неудовлетворительном состоянии.

Все эти моменты выдвинули кардинальный для развития края вопрос о продлении действующей ж.-д. линии Петропавловск—Щучье до Акмолинска.

По постановлению СТО, линия Щучье—Акмолинск должна быть закончена для открытия временного движения к 1 декабря 1929 г.

В район тяготения новостроящейся жел. дороги, входит территория в 300 тыс. кв. км с населением 773 тыс. чел. Хлебные излишки по району в 1926/27 г. составили 200 тыс. тонн, скотомясные—11,2 тыс. тонн, масло коровье—1,7 тыс. тонн, разное сырье—6 тыс. тонн. В текущем году хлебные излишки исчисляются в 250 тыс. тонн. Таким образом, район может дать до 270 тыс. тонн товарных грузов продукции сельского хозяйства и животноводства. Проведение жел. дорог, естественно, внесет в экономику района новый импульс развития, перспективы которого дают осно-

¹⁾ Печатается в дискуссионном порядке.

вание исчислять к 1932/33 г. весь вывоз продукции в размере до 300 тыс. тонн. Продукция этого богатейшего района, должна будет поступать по проектируемой линии на Сибирскую магистраль для дальнейшей реализации на союзных рынках.

Существовавший еще в дореволюционное время проект Южно-Сибирской магистрали давал иное направление товарным грузам, рассматриваемого района — на Запад, к портам Черного моря, а также и на Урал, что вполне осуществимо при соединении Акмолинска через Атбассар с Орском и с существующей веткой Троицк—Кустанай. При таком варианте Урал мог бы получать в кратчайшем направлении потребную ему товарную массу сельского хозяйства и скотоводства из двух наиболее мощных округов КССР—Акмолинского и Кустанайского, при чем зона влияния ж.-д. сети значительно увеличилась бы в связи с приобщением соседних районов.

Проект непосредственного соединения ж.-д. магистралью Урала и Казакстана приобретает особо актуальное значение, помимо вышесказанного, при учете наличия в Акмолинском, Каркаралинском и Павлодарском округах КССР крупных металло-рудных месторождений и огромных запасов каменного угля (Карагандинские и Экибастусские копи). По изысканиям Геолкома запасы Карагандинского месторождения исчисляются в 5 миллиардов тонн, запасы Экибастуса до 1 млрд. тонн.

В настоящее время запроектировано строительство трех мощных металлургических заводов, долженствующих покрыть острый дефицит Союза в черных металлах. Один из этих заводов предполаген на Урале, на Магнитной Горе. Когда встал первоочередной вопрос об источнике топлива для этого завода, то в этом отношении были высказаны различные мнения, из коих особо заслуживает внимания одно, базирующее производство на углях Казакстана. Действительно, вышеупомянутые запасы Карагандинского угля могли бы обеспечить пятисоткратную годовую потребность в коксующемся угле будущего Магнитогорского завода и тысячекратную годовую потребность предполагаемого Каркаралинского железодельного завода. Если учесть, что кузнецкий уголь обойдется с доставкой на Магнитную Гору в 24,6 р. тонна, при стоимости кокса в 34 р. 80 к. и 1 тонн чугуна — 47,4 р., то, естественно, приходится подумать о более дешевом угле в интересах рентабельности производства. Стоимость добычи Карагандинского угля—4,8 руб. тонна франко вагон; ж.-д. тариф (предполагая продолжение линии Щучье—Акмолинск до Караганды)—13 р. 62 к. тонна; всего стоимость угля—18 р. 42 к. тонна на Магнитной Горе. По калькуляции Гиромез'а, стоимость одной тонны кокса выжиги из карагандинского угля—25 р. 20 к., т.-е. на 9 р. 60 к. ниже стоимости кокса из Кузнецкого угля, что в свою очередь снижает стоимость тонны чугуна до

37 р. 20 к. Сторонники Урало-Кузнецкого комбината пытаются удешевить кузнецкий уголь путем применения к нему особо-льготного тарифа, но последний даст ежегодный убыток для транспорта до 10 млн. руб., что является в сущности забалансовым убытком производства.

Казалось бы несравненно более целесообразным вместо этого и за счет капитализации ежегодных убытков соединить ж.-д. линией Караганды — Акмолинск с Кустанаем. Провоз Карагандинских углей при этом сократился бы на 400 км, что удешевило бы стоимость тонны угля до 16 руб.

Кроме того, карагандинский уголь, будучи длиннопламенным, мог бы пойти на снабжение Омской ж. д. и Турксиба.

Эти выкладки говорят за необходимость перенесения центра внимания на угольные месторождения Казакстана и базирования на них работы уральских заводов.

Каменноугольная промышленность Казакстана должна найти себе выход, имея на то все основания экономически-производственного характера, не только с точки зрения КССР, но, главным образом, в интересах металлургии и индустриализации Союза.

Северный и Восточный Казакстан сосредоточивают в себе крупнейшие в СССР месторождения цветных и черных металлов. Не перечисляя их, так как это не уложилось бы в рамки настоящей статьи, упомянем лишь главнейшие: 1) Майкаинская группа — в 40 км от Экибастусса с запасом руд до 3,3 млн. тонн, содержащих 51 тыс. тонн меди, 212 тонн серебра и 8,9 тонн золота; 2) Баян-Аульская группа с запасом 1 млн. тонн руды; определившееся уже содержание металла составляет по свинцу—7,8 тыс. тонн, цинку—16,4 тыс. тонн, меди—2,5 тыс. тонн, серебра 12,3 тонн; потенциальный запас металла исчисляется в 60 тыс. тонн; 3) Чидертинская группа, содержащая 7,3 млн. тонн руды (в 60—80 км от трассы Акмолинск—Караганды) и до 120 тыс. тонн меди, 4) Коктас-Джартасская группа в 50 км от трассы Акмолинск—Каркаралинск с запасом руд в 3 млн. тонн и меди—200 тыс. тонн; 5) Успенско-Спасская группа с запасом руд до 10 млн. тонн; разведанные запасы меди одного Успенского рудника определяются до 30 тыс. тонн; 6) Центральная Каркаралинская группа (Каркаралинск — оз. Балхаш), содержащая полиметаллические, меднорудные и железорудные месторождения. Запасы меди в одном Коунрадском районе определяются в 375 тыс. тонн. Из железо-рудных месторождений (всего 16) Кентюбе-Тогайское содержит 43 млн. тонн железных руд, с 62—69-процентным содержанием железа (6—8 раз превышает разведанные запасы Тельбеса).

Из этого краткого перечня рудных месторождений, входящих в Карагандинский бассейн, можно усмотреть, что последний по своей мощности занимает одно из первых мест в Союзе. Потреб-

ность СССР в цветных металлах по отправному варианту пятилетки выражается: меди—160 тыс. тонн, свинца—150 тыс. тонн и цинка—130 тыс. тонн. С учетом разведанных запасов, а также Риддерских месторождений, Казакстан может дать годовой продукции: меди 96 тыс. тонн, свинца—40 тыс. тонн и цинка—50 тыс. тонн, т.-е. удовлетворить потребность Союза—по меди на 60%, по свинцу—на 26,7% и по цинку—на 38,5%.

Месторождения тяготеют к будущей железной дороге Акмолинск—Караганды—Каркаралинск и к топливному центру—«кочегарке» Казакстана — к Карагандинским каменноугольным копиям. В Карагандах запроектирована постройка мощного металлургического завода, производительностью до 50 тыс. тонн меди. Далее, запроектировано создание медно-плавильных предприятий на Спасских и Коунрадских месторождениях и намечается развитие свинцово-цинкового производства в Прибаян-аульском, Беркаринском и Прибалхашских районах.

Развитие цветной и черной металлургии Казакстана стоит в прямой зависимости от проведения железной дороги Акмолинск — Караганды—Каркаралинск на Турксиб (Сергиополь), с ветвями на Баян—Аул, Сев. Балхаш и к Джекказгану («Атбасс. трест цветных металлов»).

Лишь при наличии упомянутой железной дороги возможна промышленная эксплуатация мощных рудных месторождений. Этот вопрос в настоящее время уже достаточно ясен.

Район охватываемый ж.-д. трассой Акмолинск—Сергиополь, богат также месторождениями прочих полезных ископаемых. Имеются руды (Успенский и Каркаралинский районы) с содержанием до 56% марганца; залежи графита, барита (запасы свыше 600 тыс. тонн), корунда (25 тыс. тонн), магнезита, драгоценных камней (аширит, медный изумруд, горный хрусталь, яшма, топаз, аметист и др.). Акмолинский и Сев.-Балхашский районы усеяны рядом озер самосадочной соли. Строительные и керамические материалы (огнеупорная белая глина, кварц, каолин и др.) в значительных количествах спорадически встречаются на протяжении всего района тяготения.

Этот беглый очерк недрианных богатств района позволяет заключить о его громадном промышленном значении. Значительные месторождения каменного угля, цветных, черных, валютных металлов и полезных ископаемых являются солидной базой для развития здесь металлургической промышленности. Отсутствие рельсового пути, включающего в сферу своего влияния все эти месторождения, служило до сих пор основным тормазом для их эксплуатации. Так, например, Спасский медно-плавильный завод, долженствовавший довести выработку до 70 тыс. тонн в год, встречает значительные затруднения в производстве, благодаря высоким рас-

ходам на гужевой транспорт (до 342 руб. на тонну). Большинство же месторождений не эксплуатируется исключительно вследствие отсутствия путей сообщения. Проведение жел. дороги Кустанай—Атбассар—Акмолинск—Караганды—Турксиб (Сергиополь), с рядом подъездных путей к главнейшим недрянным месторождениям, разрешило бы впервые задачу развития цветной и черной металлургии, топливоснабжения уральской горнозаводской промышленности и жел. дорог, а равно явилось бы фактором развития многочисленных видов добывающей промышленности союзного значения.

Этим, однако, далеко не исчерпывается роль данной магистрали. Пролегая на протяжении 1.630 км, по богатому земледельческими и скотоводческими ресурсами краю, магистраль Кустанай—Акмолинск—Сергиополь в продолжении на Бахты включает в зону тяготения территорию в 571,3 тыс. км, с населением в 1,5 млн. чел., из коих 93% сельского. При росте населения в 2,6% к 1932 г. населенность территории достигает 1,7 млн. чел.

Удобной для сельскохозяйственного использования земли 42.303 тыс. га (74% от всей площади 57.128 тыс. га). Под пашнями числится 6.816 тыс. га (11,9%), под сенокосами—2.052 тыс. га (3,6%), усадебной—98,2 тыс. га (0,17%). Всего культурно-освоенных 10,68 тыс. га, или 25,2% от удобной и 18,7% от всей площади.

На всей земельной площади в настоящее время имеется лишь 212.186 хозяйств (в том числе казакских 135 тыс.). В данном случае усматриваются крупные перспективы освоения свободных земельных фондов. По материалам обследований, вполне пригодной к выделению для хлебофуражных культур свободной земли до 3,2 млн. га, которая могла бы быть использована под зерновые и животноводческие совхозы. Организация последних будет предпринята в первую голову, учитывая, что совхозы в состоянии дать государству 80% товарного хлеба, не в пример индивидуальному хозяйству, при его 20—25% товарности и необходимости дополнительного обеспечения землей под выгоны, сенокосы и пр., не говоря уже о длительности землеустроительного процесса и пр. Отсюда отпадает предположение о целесообразности организации в районе переселенческих хозяйств.

К 1932/33 г. под зерновыми совхозами может быть занято до 900 тыс. га, каковые дадут товарного выхода зерна 542 тыс. тонн, помимо товарных излишков от крестьянских хозяйств—330 тыс. тонн.

Район обладает весьма развитым животноводством. Всего поголовья скота—6,5 млн. гол., в том числе крупного рогатого скота—1,8 млн. гол., мелкого—3,7 млн. гол. Исходя из нормального прироста стада, к 1932/33 г. поголовье составит 8,4 млн. гол. В связи с этим товарная продукция животноводства выражается в значительных цифрах: а) мяса крупного рогатого скота—11,5 тыс. тонн;

мяса мелкого скота (бараньего)—13,5 тыс. тонн; б) кожсырья (крупного)—220 тыс. шт., мелкого—1 млн. шт.; в) шерсти овечьей—4,8 тыс. тонн; верблюжьей шерсти—400 тыс. тонн; г) кишек—750 тыс. комплектов; д) луха—13 тонн; е) масла коровьего—7 тыс. тонн.

Вследствие отсутствия связующих с рынками сбыта ж.-д. путей, неразвитости обрабатывающей промышленности и недостаточного завоза фабрикатов центральной госпромышленности, животное сырье в значительной мере оседает на месте и перерабатывается кустарным способом. Оседание составляет по шерстям до 30—35%, по кожсырью—до 27%. Несомненно, что с проведением железной дороги, товарность животноводства значительно повысится, и в перспективах, по предварительным подсчетам, выражается следующими цифрами: по мясу—до 40 тыс. тонн, по кожсырью—до 1,8 млн. шт., по шерстям—до 9 тыс. тонн, по маслу—9 тыс. тонн.

Весь тяготеющий район одних лишь грузов сельско-хозяйственного происхождения может выбросить в перспективе на 1932/33 г. до 850 тыс. тонн, не считая продукции добывающей и обрабатывающей промышленности.

При наличии крупных сырьевых ресурсов и неисчерпаемых запасов минерального топлива край имеет все предпосылки к развитию обрабатывающей промышленности, роль которой, в свою очередь, определяется продолжением ж.-д. путей сообщения.

Соединяясь в Сергиополе с новостроящейся Туркестано-Сибирской железной дорогой, проектируемая магистраль открывает новые перспективы грузооборота в направлении на Среднюю Азию и Зап. Китай. Хлеб и скот охватываемого ею района тяготения получит выход в Среднюю Азию, а фабрикаты союзной, в частности уральской промышленности, в Зап. Китай (металлы, металлоизделия, сахар, текстиль, кожтовары и пр.). В последнем отношении продление линии до Бахты (Чугучака) стимулировало бы в значительной мере товарооборот СССР с Зап. Китаем, развитие которого встречает затруднения в отсутствии ж.-д. связи. Являясь западным отрезком запроектированного Сун-Ят-Сеном великого транзитного пути от Шанхая через СССР на Зап. Европу, линия Кустанай—Сергиополь—Бахты (Чугучак) приобретает международное значение.

Резюмируя сказанное, видим, что проект сооружения ж.-д. линии Кустанай—Акмолинск—Сергиополь, разрешая в основном задачу обеспечения Урала дешевым углем Казакстана, не ограничивает, однако, этим свое значение и открывает новые экономические перспективы для союзной крупной добывающей и краевой обрабатывающей промышленности, для внешней торговли и снабжения Средней Азии. Линия рационально разрешает вопрос об источниках топлива для Уральской горнозаводской промышленности, связывая

два географически, экономически и производственно тяготеющих друг к другу края.

Далее, богатые сельско-хозяйственные и сырьевые ресурсы КССР могут быть использованы для снабжения Урала, центральных рынков и союзной обрабатывающей промышленности.

Начаты НКПС'ом экономико-технические изыскания по ряду ж.-д. линий, примыкающих к магистральной трассе, кладут начало осуществлению проекта ее строительства. Необходимо лишь, чтобы эти изыскания были проведены в полном объеме, с учетом всех недранных и прочих ресурсов районов тяготения, для чего должны быть произведены одновременно расширенные геологические и промышленные обследования, изыскания и разведки.

По линии ВСНХ инициатива проявлена и в настоящее время прорабатывается комплекс мероприятий по строительству новых металлургических предприятий. Предстоит организация особого «Казакстанского Цветметстроя». Вопрос в целом представляет собою настолько крупную проблему, что на очереди неизбежно создание специального органа «Комитета содействия строительству металлургической промышленности и ж.-д. путей Северо-Восточного Казакстана».

Вопрос о приступе к строительству проектируемой магистрали является в этой проблеме стержневым и включение его в план ближайших лет диктуется интересами индустрии и товарооборота Союза и экономически тяготеющих друг к другу мощных районов.

ТОРГОВЛЯ И КООПЕРАЦИЯ В ЯКУТИИ.

Довоенная торговля в Якутии.

В довоенное время организация торговли в Якутии отличалась от обычной организации купеческой торговли в России. Ввоз товаров, которые почти целиком, как и ныне, привозились из центральных рынков, производился крупными фирмами (н-ки Громовой, н-ки Кушнарева, Вогау и др.), располагавшими значительными собственными средствами, так как оборот происходил медленно (один раз в год после поступления на склад) и для торговли в Якутии требовались крупные свои капиталы, плюс крупный товарный и банковский кредит.

Непосредственное снабжение населения вели средней руки и мелкие торговцы, зависевшие от крупных оптовиков. Торговля с Севером производилась разъездными торговцами, хорошо изучившими Север, его потребности и его обитателей. Центральными пунктами, в которых сосредоточена на крайнем севере Якутской АССР торговля являются: Булун на Лене, Усть-Янск и Средне-Колымск. Оборот Булуна был около 500 тыс. руб. в год, а в переводе на современный индекс около 1,2 млн. руб.; торговый оборот Усть-Янска был около 1 млн. руб. (около 2,5 млн. черв. руб.); Колымская торговля имела меньшие обороты.

В местной торговле практиковался широкий кредит. Население зависело от многих случайностей промысловой жизни, в иные годы располагало незначительной товарной продукцией, не эквивалентной привозимым товарам. Оно не могло бы существовать в такие годы без широкого кредитования под будущие промыслы. Этот кредит предоставлялся, но использование его обходилось очень дорого населению. Неграмотное население, не знающее действительной цены товаров, которые оно покупало, и товаров, которое продавало, было в полнейшей зависимости от торговцев, находилось в неоплатных долгах и кабальном положении. Для торговцев весь риск торговли в Якутии сторицей оплачивался барышами; более проницательные и энергичные из них быстро наживали крупные капиталы, как свидетельствует об этом исследователь довоенной торговли в Якутии В. М. Зензинов.

В. М. Зензинов ¹⁾ следующим образом описывал северный торг. «Обычно купец спрашивает покупателя: — сколько у тебя есть песцов и какой товар тебе нужен?» Тот приносит десяток песцов, купец отпускает нужный покупателю товар. «Вот тебе товар на 15 песцов — пять за тобой до следующего года». При этом у покупателя нет даже приблизительно представления о покупной стоимости отдельного товара. Купец может поступить и иначе: покупатель набирает нужный ему товар — купец называет общую его стоимость — «столько-то песцов» — цена каждого товара опять останется неизвестной, никакой учет здесь невозможен. Наконец, если у него мало товара, купец просто берет принесенных ему песцов за долг: «это за счет твоего долга, теперь за тобой осталось столько-то». Но общим обязательным правилом для местного купечества было следующее: при расчете итог подводится так, что за покупателем всегда остается долг, который переносится на следующий год. В результате местное население жило в постоянной кабальной зависимости от кулачества».

Каждый новый купец на севере старался в первый же год отпустить в кредит как можно больше товара; кредит этот представлял из себя те самые крючки, на которые попадает рыба. И много ли уменья нужно было торговцу убедить промышленника, нуждающегося решительно во всем, взять у него в кредит товара на несколько десятков рублей?

Северный торговец не просто продавал, он «ступал из уважения», — надо было попросить, надо поклоняться. Уважение, конечно, нисколько не мешало ему взять втридорога с «уважаемого».

В. М. Зензинов утверждал, что психология северной торговли была много богаче и сложнее обычной. Барыш не являлся в ней единственным стимулом, а самая торговля не представляла из себя лишь средства к существованию, — она заполняла собой все поры жизни торговца, и вместе с тем в погоне за удовлетворением психологических моментов (уважение, почет, влияние, честолюбие) совершенный торговец не терпел никакого ущерба в материальном отношении.

Вопреки основным законам торговых отношений, спрос не родил здесь предложения, предложение в свою очередь не вызывало ни спроса, ни новых потребностей: торговля свыкалась с установившимися ходкими товарами и не приучала население к новому товару, быть может, по местным условиям более пригодному.

Из коммерческих приемов, вошедших в практику местных торговцев, В. М. Зензинов, между прочим, отмечал следующий. Приехавший из тундры покупатель забирает в лавке товар. На каждый товар он спрашивает цену. Цена оказывается «подходящей», т. е.

¹⁾ См. его «Очерк торговли на севере Якутской области». М. 1916 г.

низкой. Затем торговец говорит ему общую сумму, которая значительно превышает действительную сумму слагаемых. Неграмотный покупатель, конечно, не в силах произвести в уме проверку и безропотно платит требуемую сумму, очень довольный сходными ценами и выгодной покупкой. Счета вообще в тундре не знают. Только один раз Зензинову пришлось видеть, как неграмотный должник подводил свои счета со своим неграмотным кредитором при помощи спичек. Но вряд ли даже этот способ счетоводства давал должные результаты.

Какова была довоенная емкость рынка в Якутии? На этот вопрос можно ответить только приблизительно. По довоенным статистическим данным, имеющим лишь относительную точность, средний годовой завоз товаров в Якутию за пятилетие с 1907 по 1911 г. производился на сумму около 7 млн. руб., а в переводе на современные червонные рубли, по якутскому общему индексу 2,42, на сумму около 17 млн. черв. рублей. Из этого явствует, что довоенный завоз в Якутию выражался в крупной относительно цифре. За последнее время такого завоза товаров в Якутию не было. Только план завоза на 1928/29 г. для реализации в 1929,30 г. на сумму около 14 млн. руб. по покупной цене достигает (и даже несколько превышает) довоенный завоз, исчисленный в реализационных ценах.

Причина того, что емкость якутского рынка только в настоящее время достигает довоенной, заключается в том, что восстановительный период для Якутии начался слишком поздно. В то время, как в СССР хозяйство уже было в значительной мере восстановлено, в Якутии вплоть до 1927 г. имели место рецидивы повстанчества и бандитизма.

Хронический недозавоз товаров в Якутию тормозил естественное развитие производительных сил. Якутия непрерывно переживала острый товарный голод по наиболее необходимым товарам массового потребления.

Довоенная организация торговли в Якутии отличалась еще одной особенностью, так называемой сплавной ярмаркой, существовавшей более ста лет и развивавшей огромные обороты. В период до 1900 г. эти обороты достигали 10—12 млн. руб. (т.-е. 25 млн. черв. рублей). На ярмарке принимало участие до 70 торговых фирм с оборотом от 100 до 200 тыс. руб. каждая. Сущность торговли заключалась в следующем.

В верховьях Лены снаряжались барки (так называемые паузки), каждый из которых представлял собой пловучий «универмаг», разделенный на отделения по роду товаров. Паузки медленно шли сплавом по течению реки, вместе с хозяевами и приказчиками. Во всех сколько-нибудь крупных селениях караван судов останавливался на время, потребное для продажи товаров собравшемуся на-

роду. Население знало о времени прихода каравана и издали сходилась и съезжалась к пристаням остановки каравана, привозя местные товары, приготовленные для обмена и продажи. На причальных местах судов устраивались мостки, и население, закупавшее товары сразу на весь год, знакоилось с количеством и сортами привезенных товаров, выбирало что кому надо и совершало денежные, кредитные, или товарообменные сделки. У большинства фирм была обычно своя постоянная клиентура — мелкие торговцы, связанные кредитом.

Ярмарка постепенно теряла свое значение, по мере развития стационарных торговых пунктов во всех более или менее крупных селениях. Тогда пловучая ярмарка вступила в новый фазис своего развития и приобрела значение, как пушная ярмарка. Условия до-революционного пушного промысла и обмена добытой пушнины на товары установили известные периоды этого обмена. На Севере обмен приурочивался к концу промыслового сезона, а в Якутске летом — ко времени прибытия нового товарного завоза.

Перед революцией обороты ярмарки уже значительно понизились и не превышали 2—3 млн. руб. Революция, а затем гражданская война тяжело отразились на экономике Якутии. Регулярность ярмарки прекратилась. После революции ярмарка восстановилась только в 1924 г. и вступила в новый фазис развития.

Торговля после революции.

С момента революции Якутия оказалась отрезанной от снабжающих центров и до 1922 г. ввоз товаров извне почти совершенно прекратился. Только в 1923 г. впервые за годы революции, по данным губпродкома, было ввезено: хлебобудовых 5.836 тонн, мануфактуры—344 тонны, чаю 88 тонн, огнеприпасов и ружей—113 тонн, с.-х. машин—17 тонн, прочих товаров—791 тонна, а всего—7.206 тонн.

С того времени ввоз товаров в Якутию постепенно увеличивается. В 1924 г. было ввезено 17,5 тонн разных товаров, в 1925 г.—21 тонна.

Ценность ввоза по продажным ценам: в 1924 г.—10,4 млн. руб., в 1925 г.—14,3 млн. руб., в 1926 г.—11,0 млн. руб., 1927 г.—12,7 млн. руб., 1928 г. по предварительным данным 13,5 млн. руб.

В ЯАССР основными торговыми организациями являются местные организации — Якутская Торговля (Якторг) и Якутский союз кооперативов «Холбос», — которым принадлежит 60% якутского рынка. Кроме них крупное значение стал приобретать Госторг. В 1929 г. происходит слияние путем акционирования Якторга и Госторга. Таким образом, с 1929 г. в Якутии работает единая госторговая организация. Помимо этих организаций до 1928 г. в Якутии

работали пришлые государственные и кооперативные организации, но они отличались текучестью. Так, в 1923 г. работали в Якутии—Хлебопродукт, Сибпушнина, Дальгосторг, Дальторг, Сибсельскосоюз, Сельскосоюз, Ленрайсоюз, Росо, Текстильсиндикат, Центросоюз. В 1924/25 г. работали Сибгосторг, Сибторг, о-во Сырье, Сельскосоюз и Ленсоюз. В 1925/26 г. в Колымском крае прибавилась организация Акаро.

Госторг РСФСР на территории ЯАССР появился впервые в 1922 г., работая спорадически через посредство разъездных агентов. С 1-го февраля 1928 г. начала функционировать краевая контора — отделение Госторга РСФСР. Весной 1926 г. к Якконторе перешел актив якутских филиалов Росо, а летом 1927 г. актив и пассив о-ва «Сырье». Ликвидация этих мощных заготовителей также в значительной мере способствовали росту и дальнейшему укреплению Госторга в ЯАССР. Но ликвидация эта еще большее значение имела для установления известной дисциплины в смысле плановости завоза товаров и регулирования пушных заготовок.

После перехода к НЭПу кооперация первые два года фактически продолжала практику Наркомпрода. На это было затрачено много средств «Холбоса», а впоследствии при преобразовании НКТП у «Холбоса» было сразу изъято около полутора миллионов рублей.

Госторговля развилась несколько позднее и явилась на рынке с определенным уклоном вести товарообменные операции для заготовок пушнины. В пушных районах развивается широкая сеть контор, агентур и факторий. Кроме того работает большое количество разъездных агентов.

Широко развивался кредит. В результате у всех организаций образовались значительные суммы сомнительных долгов. И до настоящего времени эти долги полностью еще не списаны. Во всяком случае, убытки организаций от беспорядочного кредитования исчислялись сотнями тысяч рублей.

Частные предприятия определяются ныне в числе около 1.000 единиц.

В 1927/28 г. розничный оборот Якутии без Алдана исчисляется в 20 млн. руб. Предположено, что через пять лет—в 1932/33 г., розничный оборот дойдет до 33,2 млн. руб., т.-е. повысится на 62%. Последняя цифра — в ценах соответствующего года. Если же принять во внимание, что за пятилетие предположено понижение цен на 25%, то физический объем розничного торга повысится против 1927/28 г. более чем в два раза. Розничный оборот, выраженный в ценах 1927/28 г., для 1932/33 г. исчисляется в 41,6 млн. руб. Оптовый оборот запроектирован за пятилетие с повышением на 55% (с 16 до 24,8 млн. руб.).

В структуре торгового оборота за 5 лет должны произойти значительные изменения. Так, в 1927/28 г. преобладающее значение

в рознице имела госторговля—51%, далее вес кооперации—28,8% и частной торговли—20,2%. Через пять лет две трети розницы ЯАССР—66,6% — будут принадлежать кооперации и 29,3%—госторговле, значительно уменьшающей в рознице свой удельный вес. На долю частной торговли останется всего 4,1% розничной торговли для обслуживания городских и приисковых базаров, каковые охватить полностью госторговлей и кооперацией в первое пятилетие не удастся.

В отношении оптовой торговли, занимающей ныне преобладающее значение, госторговля хотя и снизит несколько свой удельный вес, однако останется преобладающей на оптовом рынке с весом в 61%. Остальной опт выполнит кооперация. Так как розница кооперации вырастает сильнее ее опта (оборота местного союза), то часть снабжения низовой кооперативной сети будет возложена на госторговлю до тех пор, пока кооперативная система не накопит столько средств и не будет иметь столько централизованных кредитов, чтобы обеспечить снабжение всей своей розницы аппаратом системы.

Розничный оборот возрастает в соответствии с ростом покупательских фондов города и деревни.

Завоз товаров в Якутии выполнялся в следующем ассортименте, в среднем на одного человека:

	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г. (предпол.)
Мануфактура в метрах	15,7	20,4	27
Крупчатка в килогр.	3,4	6,5	9,8
Хлебопродукты „	15,6	12,1	20,8
Сахар	1,66	1,5	3,0
Чай кирпич. в досках	3,3	2,9	2,3
Листовой табак в килогр.	0,9	1,2	1,05
Порох	0,1	0,08	0,11
Свинец и дробь	3,3	0,3	0,6

Приведенный ассортимент не может считаться нормальным, так как в Якутии до последнего времени имел место недозавоз товаров и в них ощущался острый недостаток.

В 1923/24 г. торговая сеть Якутии имела следующее число торговых предприятий: государственных—91, кооперативных—89 и частных—521, всего 701. В 1924/25 г. число предприятий увеличилось на 50%,— до 1.036; в том числе внегородских было 696. Рост предприятий происходил почти преимущественно за счет частной торговли.

В 1927/28 г. торговая сеть ЯАССР исчисляется примерно в 1.290 единиц, в том числе государственных—110, кооперативных—180 и частных около 1.000. Из частных предприятий около 40% не являются торговыми предприятиями в строгом смысле. Это сельские хозяйства, выезжающие в приисковые районы для сбыта продуктов сельского хозяйства, а также выполняющие мелкие подряды и поставки.

Через пять лет, как проектируется, число торговых единиц по государственной сети несколько сократится, кооперативная сеть вырастет на 40% и частная сеть убавится на 50%. В общем торговая сеть станет крупнее, с большей нагрузкой, а общее число торговых единиц сократится.

В виду принятой установки на сильное сокращение частной розницы, за нею оставлены только удаленные мелкие рынки. Вся же остальная розница на 96% будет выполнена обобществленным сектором. Однако, в целях нормализации торговых расходов, государственная торговля и кооперация не могут сильно расплывать и дробить свою торговую сеть, дабы не вызывать чрезмерно дорогой стоимости торгового посредничества.

Особенности торговой работы требуют акционирования торговли по всей ЯАССР, а в особенности на крайнем Севере.

Во всех северных округах — Булунском, Верхоянском, Колымском и в Оймяконском районе Якутского округа — одновременно работали Якутторг, Яккрайгосторг и кооперация со своими особыми аппаратами, расходами по ним и т. д., т.-е. существовал определенный параллелизм работы, отсюда нездоровая конкуренция, ажиотаж и остальные дефекты торговой практики, нарушающие нормальный ход заготовок пушнины и влияющие на недостаточный охват непосредственного промышленника. Вполне понятно, что в дальнейшем эти дефекты в торговой работе требуется изжить и выбрать такое построение торгового аппарата на Севере, которое позволило бы максимально использовать рынок, снабжать непосредственного промышленника нужным товаром, прекратить вакханалию на пушном рынке и обеспечить спокойную заготовительно-снабженческую работу торгов. Подобное построение аппарата мыслимо только при акционировании торгов, которое и осуществляется в 1929 г.

Якутский рынок по каждому округу имеет свою определенную емкость, для насыщения которой, при редкости населения вполне

достаточно одного торгового аппарата. Между тем, на практике почти во всех сколько-нибудь заметных торговых пунктах имеется наличие двух или более параллельно работающих аппаратов, что вызывает только излишние расходы.

Задачей торговой рационализации в Якутии является строжайшая экономия накладных и торговых расходов, а для этого необходимо провести торговое районирование с предоставлением госторговле и кооперации определенных сфер и районов деятельности.

Якутия является самой отдаленной окраиной в СССР. Не имея своей промышленности, почти все товары она получает с центральных рынков. Положение отдаленной окраины осложнено еще отсутствием путей сообщения между нею и центром. Пути сообщения таковы: от Москвы до Иркутска по жел. дороге 5.000 км., от Иркутска до Качуга шоссейная дорога 240 км.; далее от Качуга до Якутска по р. Лене (летом водный, а зимой санный) путь на 2.730 км. Транспорт товаров между Якутском и Качугом осуществляется только летом водным путем. В силу таких условий транспорта товары приходится заготавливать в Москве в феврале месяце. Перевозятся в Качуги санным путем в марте—апреле. В Качуге товар лежит в ожидании навигации до 15 мая. Со вскрытием р. Лены товары весенним сплавом прибывают в Якутск в середине июля. Таким образом, грузы от Москвы до Якутска идут 5½ мес.

Но Якутск не является центром реализации прибывающих товаров в целом, а распределителем по периферийным торговым пунктам, которые от Якутска находятся на расстоянии от 500 до 2.300 км.

Часть этих торговых пунктов, а именно Мухтуя, Олекминск, Нелькан, Вилюйск, Нюрба, Сунтары, находятся при р. Лене и ее притоках. Товары доставляются туда пароходами до двух раз в лето. Но и в этих пунктах товары реализуются среди близ живущего населения частично. В глубь страны, в виду отсутствия в летнее время каких-либо дорог, товары уходят только в ноябре с наступлением зимнего пути. В остальные торговые пункты — Верхоянск, Оймякон, Устьянск по отсутствию водного сообщения и неимению летних дорог, товары из Якутска отправляются также зимним путем в ноябре, а из этих пунктов в глубь страны перевозятся только в марте и апреле. Таким образом, товары от Якутска до периферийных торговых пунктов проходят в пути от 5 до 7 мес.

Еще в более худших условиях находится Колымский край. Он отделен от Якутска необитаемым тундровым пространством. Летом совсем нет сообщений, зимой по отсутствию перевозочных средств, доставка товаров невозможна. Поэтому для снабжения товаропродуктами населения Якуторг вынужден направлять ежегодно пароход из Владивостока через Берингов пролив и Ледовитый океан к устью р. Колымы.

Пароход из Владивостока отправляется в середине июля (в последнюю навигацию в середине июня), оставляет в Нижне-Колымске товар, а оттуда привозит пушнину, вырученную за товар, отправленный в прошлом году. Из Нижне-Колымска товары на мелких катерах доставляются в Средне-Колымск, откуда на оленях и собаках развозятся по факториям. Таким образом, возврат капитала получается в лучшем случае через полтора года пушнинной, а часто через два года, так как в этот же период затрачивается вновь капитал на покупку товара задолго до получения возврата капитала предыдущего года. Товары реализуются очень медленно.

Накладные расходы слагаются из следующих элементов: 1) железнодорожный провоз от Москвы, Новосибирска и др. пунктов до Иркутска и Тырети, 2) гужевая доставка от последних станций до ленских пристаней, 3) водный провоз грузов по р. Лене и ее притокам, 4) провоз части грузов от р. Лены и ее притоков до улусов, расположенных в стороне от водных путей, 5) различных мелких и местных расходов по транспорту.

По исчислениям якутского представителя при ВЦИК, в 1927/28 г. ж.-д. провоз по отношению к заготовительной стоимости товаров обошелся в 10,92%; гужевая доставка к пристаням обошлась к цене заготовок—в 7,07%; водный провоз—16,18%; гужевой провоз в глубь страны от пристаней—11,96%; прочие расходы и морская доставка колымских товаров—12,72%; все накладные расходы к общей сумме завезенных в Якутию товаров в 1927/28 г. составили—58,85%, что является стоимостью одного транспорта. Расходы эти весьма велики и необходимо провести ряд мероприятий к их снижению.

По произведенным подсчетам торговые расходы Якутторга, Сибгосторга, «Холбоса», Яксельсоюза, Госсельсклада, Аптеки, о-ва «Сырьё», Дальгосторга, Лена-Гольдфильд и Алдан-Золота в 1926/27 г., не считая расходов за пользование кредитом, составили 3389.960 р. Если учесть расходы на кредит, а также расходы не вошедших в перечень организаций, то общие расходы торгующих организаций Якутии выразятся в 4 млн. руб.

Имея в виду сравнительно небольшую товарную массу, поступающую в торговый оборот Якутии, и небольшое по численности население, следует признать, что общая величина торговых расходов весьма велика, особенно если учесть еще те огромные накладные расходы, которые присоединяются к стоимости товара и состоящие, главным образом, из платы за перевозку.

В дальнейшем должна быть дана директива к всемерному снижению как торговых, так и накладных расходов.

Потребительская кооперация.

К началу новой экономической политики потребительская сеть Якутии насчитывала 80 обществ (в Якутском округе 60, Олекмин-

ском—13 и Вилюйском—7). В результате повстанчества много кооперативов было разграблено; так в Якутском округе из 60 обществ осталось работающих 10. Всего на 1 октября 1922 г. уцелело 35 обществ, 1.115 активных членов с 1.033 руб. паевого капитала (92 к. на одного пайщика).

За 1922/23 г. работа несколько оживилась, но продолжавшиеся повстанческие налеты не давали возможности ставить кооперативную торговлю на твердые рельсы. Все же на 1 октября 1923 г. в якутском потребсоюзе «Холбос» состояло 64 о-ва с 5.735 членами, имевших 15.579 руб. паевых взносов.

В 1923/24 г. кооперативное строительство углублялось. В 1924 г. на основе новых уставов оформилось добровольное членство, начались массовые обследования инструкторами действующей сети. На 1 октября 1924 г. в «Холбосе» было 72 кооператива в них 14.946 пайщиков с 48.310 руб. паевого капитала.

В дальнейшем кооперирование протекало следующим образом:

Число пайщиков (тыс. чел.)

	На I/X 1926 г.	I/X—1927 г.	I/X—1928 г.	I/X—1929 г. (к. ц.)
В город. посел.	5,0	3,8	5,4	6,5
„ сельск. местн.	18,3	19,8	24,0	29,0

В отношении кооперирования по городским поселениям потребкооперация Якутии превышает средний уровень кооперирования по городам РСФСР. В отношении сельского кооперирования наблюдается некоторое отставание от средних показателей по РСФСР.

Трудности сельского кооперирования, прежде всего, заключаются в условиях расселения ЯАССР, характер которого не имеет аналогии ни в одном из районов Союза. Нижеследующая таблица даст об этом представление (по данным переписи 1926 г.). (См. табл. на стр. 72).

Если взять только сельское население, то 70,9% его проживает в населенных пунктах с количеством дворов от 1 до 20 (или до 99 жителей); в селениях от 20 до 100 дворов проживает 24,7% сельского населения и в крупных селениях (более 100 дворов) проживает только 4,4% сельского населения республики.

В приведенном расчете не значится сельское население северных округов (Булунского, Верхоянского и Колымского) в количестве 27.886 чел., еще более разбросанное в мелких и мельчайших пунктах, нежели население южных округов.

Населенные пункты с числом жителей	Число населен. пунктов	Число жителей в них	Распределение населения в % к итогу
От 1— 9 чел.	4.423	25.882	10,31
„ 10— 19 „	2.119	39.426	15,71
„ 20— 49 „	1.903	56.759	22,61
„ 50— 99 „	642	44.441	17,71
„ 100— 199 „	299	41.101	16,38
„ 200— 499 „	67	17.404	6,94
„ 500— 999 „	8	5.035	2,01
„ 1000—1999 „	2	2.526	1,01
„ 2000—4999 „	3	7.794	3,11
Более 5000 „	1	10.555	4,21
По ЯАССР	10.267	250.923	100

Прибавив к этой картине расселения огромные расстояния ЯАССР, станет ясным, в какой степени затрудняется кооперирование и товароснабжение сельского населения республики.

По сельской сети наиболее высокий процент кооперирования хозяйств в Олекминском округе—45,3% и в Колымском—72%. Наименьший по Булуновскому округу—9,7%. Недостаточное кооперирование Булуновского района, а также Вилюйского округа объясняется молодостью сети, а также тем, что в этих округах имеет широкое развитие госторговля.

В отношении кооперирования коренного населения можно привести следующие цифры. Удельный вес якутского населения 70%, русских 23—25%. Все население Якутии по национальному составу подразделяется так: русских 8,5%, якутов—83,2%, малых народностей—6,3% и прочих—2%. Таким образом, якутское население в кооперации имеет меньший вес, против общего веса в составе населения. Процесс кооперирования русских проходил быстрее, чем якутского населения.

Отставание якутов в данном отношении объясняется тем, что в Якутии имеется еще много кооперативных пустынь в районах с

якутским населением. Русское население живет преимущественно в более крупных поселках, где обычно имеется кооператив.

В перспективной проектировке имеется в виду принять меры к усилению кооперирования коренного населения.

Кооперативная активность пайщиков совершенно недостаточна. По описанию одного из инструкторов «Холбоса», активность на собраниях представляется в следующем виде. «В большинстве кооперативов 99% пайщиков неграмотные. Культурно отсталые, неграмотные пайщики прислушиваются, питаются и живут разговорами грамотной части своих пайщиков, которые стоят во главе кооператива, или имеющих близкое к нему отношение. Неграмотные пайщики, положение кооператива считают благополучным, если им отпускают в кредит товары и кооператив в состоянии обслужить хотя бы некоторые нужды самих пайщиков. Внутри же кооператива, правление и приказчики могут творить все, что им угодно. Разобраться же в делах кооператива такие пайщики не в состоянии. О состоянии кооператива узнают только на общем собрании из доклада правления и лишь в некоторых случаях из содоклада ревизионной комиссии. Поэтому все постановления и решения бывают такие, какие выгодны для руководящей группы, но в большинстве случаев они восхваляют работу и состояние кооператива, в то время как данный кооператив от растрат, разгильдяйства и беспхозяйственности давно уже развалился (Егожилыньское, Мастахское и другие потребительские общества).

С грамотностью выборных органов кооперации по сельской сети дело обстоит очень плохо. По грамотности членов правления, имеются такие данные:

	По горно. в %.	По сельпо. в %.	Всего в %.
Грамотных	46,6	5,7	9,4
Малограмотных	53,4	39,9	41,4
Неграмотных	—	54,4	49,2
Итого	100	100	100

Повышение кооперативной активности и грамотности в выборных органах кооперации связывается с общим культурным подъемом населения, который в предстоящее пятилетие должен сделать заметный шаг вперед. В частности, для улучшения кооперативной работы много может и должна сделать молодежь из коренного населения, подготовляемая как на специальных курсах, так и в общих учебных заведениях.

Краевой союз потребительской кооперации Якутии «Холбос» до 1928 г. находился в состоянии перманентного кризиса, так как в силу различных причин, начиная с 1922 г., союз списал с своего баланса, в виде убытка, сумму в 4.535 тыс. руб., после чего фактически не имел своих средств в живом обороте.

31 июля 1928 г. ЭКОСО РСФСР приняло ряд важных мероприятий по финансовому оздоровлению «Холбоса». Кроме того, за последние два года правлением «Холбоса» были использованы все средства, чтобы внутренними мероприятиями оздоровить свое финансовое хозяйство как путем ускорения обращаемости оборотного капитала, так и сокращением расходов по содержанию аппарата. Известные результаты в этом отношении достигнуты.

Интегральная кооперация.

К крайнему Якутскому Северу можно относить большее или меньшее число районов; в зависимости от этого будет колебаться численность населения (от 28 до 40 тыс. чел.) и примерное исчисление его промысловой мощности и покупательной силы (от 1.800 до 3.900 тыс. руб.).

Под понятием Якутского Севера обычно объединяются следующие районы:

	Примерная товарность района (в рублях)
1. Колымский округ	770.000
2. Верхоянский „	345.000
3. Булунский „	1.380.000
4. Оймяконский район	176.000
5. Кюпский округ	20.000
6. Тунгирский „	188.000
7. Эньюкинский округ	60.000
8. Бытальский „	50.000
9. Петропавловский „	86.000
10. Нельканский „	168.000
11. Учурский „	100.000
12. Джекамдинский „	150.000
13. Темптонский „	250.000
Итого	3.898.000

Перечисленные районы по территории значительно больше половины Европейской части Союза, а проживающее в них население (около 40 тыс. чел.) равно населению всего двух волостей Московского уезда.

Из общей товарности 65%, или около 2,5 млн. руб., составляет валютная пушнина.

В погоне за пушниной на Якутском Севере работало несколько госторговых организаций, потребкооперация и с.-х. кооперация. Такое же положение создалось и в других районах крайнего Севера (вне ЯАССР). Вакханалия пушных заготовок, при множественности заготовителей, побудила стремиться к уменьшению их числа и, прежде всего, к унификации на Севере кооперативной работы, так как при незначительном населении и ограниченном масштабе заготовок, здесь нет надобности в дифференцированных кооперативных системах.

В феврале 1927 г. федеративным съездом внутроторгов, госторгов и кооперации принято было положение: «Низовые кооперативные организации различных видов реорганизовать в интегральные кооперативы с функциями снабжения, заготовок, организации туземных промыслов и кредита, с установлением в отношении кредитных функций сопласования с НКФ порядка отчетности и использования специальных капиталов».

Такой же вопрос с 1926 г. ставился и в других районах крайнего Севера (Туруханский край, Тобольский Север). В 1927 г. ЭКОСО РСФСР приняло постановление, по которому вся кооперация крайнего Севера должна быть организована в интегральную, на особом уставе, выработанном НКТоргом РСФСР.

Первый опыт интегрирования кооперации Севера, как известно, был проведен в Туруханском крае, при чем местный интегральный союз вошел в систему Всекохотсоюза.

Для Якутии считается целесообразным сохранить низовую интегральную сеть в системе «Холбоса» (Потребсоюза), так как создание специального союза не вызывается необходимостью, равно, как нет надобности в переходе интегральной кооперации в другую кооперативную систему (из потребсистемы).

Как ни трудно протекают процессы кооперирования на крайнем Севере, тем не менее задачей пятилетки нужно поставить вовлечение в кооперацию около $\frac{2}{3}$ населения—65% хозяйств, что при 9.000 хозяйств составляет 5.850 пайщиков.

В 1926/27 г. число пайщиков на крайнем Севере составляло 2.206 чел., а по контрольным цифрам на 1927/28 г.—2.500 чел. Следовательно при взятом темпе кооперирования, число пайщиков за пятилетие должно возрасти на 134%.

Северные кооперативы фактически выполнявшие со времени своего возникновения смешанные интегральные функции, в

1928/29 г. переходят на специальный устав, выработанный НКТоргом для интегралов; «Холбос» переводит северную кооперацию на интегральную систему на следующих началах:

1. Интегральный кооператив имеет функции: а) потребительскую, б) кредитную, в) промысловую, г) транспортную.
2. Интегральный кооператив должен иметь секции: а) торгово-оперативную, б) кредитную, в) промыслово-транспортную.
3. Интегральные кооперативы могут быть многолапочными или иметь разъездных приказчиков.
4. Промыслово-транспортные функции интегральной кооперации осуществляются путем организации мелких артелей, которые принимаются в общество как члены.

Интегральная сеть Севера со времени своего возникновения была связана, главным образом, с госторговлей, так как «Холбос», переживавший перманентный финансовый кризис, не в состоянии был продвинуться на крайний Север, при снабжении коего нужно вкладывать значительные средства и на долгие сроки.

Так, в 1925/26 г. интегральная сеть все товары купила у госторгов. В следующем 1926/27 г. из закупленных товаров на общую сумму в 436 тыс. руб. у «Холбоса» было закуплено только 4,6%, а остальные 95,4% поступили от госторговли. Только в 1927/28 г. вес «Холбоса» стал повышаться, но, все же госторговля продолжает занимать преобладающее место.

Как на характерную особенность интегральных кооперативов следует указать на то, что из общей суммы проданных товаров (по отчетным данным за 1926/27 г.) было отпущено в обмен на местную продукцию 55%, в кредит и авансы—45%. Следовательно, денежных расчетов в интегральных кооперативах не ведется, а идет в чистом виде меновая торговля.

По данным 1926/27 г. интегральные кооперативы выполнили торгово-заготовительного оборота на одно хозяйство в сумме 46 р. 90 к., а на душу населения—11 р. 90 к. Покупательный фонд этого района исчислялся, примерно, в 331,2 руб. на хозяйство. В его реализации участие интегралов выразилось в 14,2%. В остальной части реализации выполнена госторгами.

В последнее время наблюдается заметное укрепление интегральной сети. В частности, сильно увеличиваются собственные средства интегралов по сравнению с сельской сетью. Эти средства в оборотном капитале составляли в процентах:

	У интегралов.	У сельпо.
На I/X 1925 г. . . .	45,0	15,0
„ I/X 1926 г. . . .	38,7	15,6
„ I/X 1927 г. . . .	62,0	20,6

Специальное обследование Центросоюзом якутской потребкооперации выяснило, что бурный рост собственных средств в интегралах, начиная с 1926 г., объясняется исключительно политикой местных руководителей, поставивших себе целью сначала создать базу для финансовой устойчивости, которая, впоследствии, при избытке собственных средств, позволит им освободить себя от преждевременного заключения договоров на поставку пушнины и развить торговые операции в размере, могущем в полной мере обеспечить потребность населения.

В местных условиях, особенно в охотничьих районах, такая мера накопления собственных средств должна быть признана единственно целесообразной, так как наличие собственных средств в кооперативе способно заставить охотничье население отказаться от своего «собезовского» взгляда на кооперацию, которая до образования собственных кооперативных организаций представлялась ему в форме факторий «Холбоса». К собственным средствам он будет относиться бережливее, чем ко всякого рода другим.

С. ФРИДЛЯНД.

КУСТАРНО-РЕМЕСЛЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СИБИРСКОГО КРАЯ.

Пути развития кустарно-ремесленной промышленности Сибирского края, вследствие обширности его территории при малой ее заселенности и отсутствии путей сообщения, отличны от путей развития кустарно-ремесленной промышленности Европейской части Союза. Материал о ее прошлом (довоенном) очень беден. «Сибирь, как справедливо отметил один из исследователей кустарной промышленности, более богата исследованиями естественно-историческими, этнографическими и этнологическими, чем хотя бы простыми описаниями современно-экономической и бытовой жизни населения». Основными источниками изучения довоенного состояния кустарной промышленности края являются «Материалы анкетного обследования кустарно-ремесленной промышленности в Томской губ.», изданные в 1914 г. Томским губернским кустарным комитетом под редакцией Н. Федосеева и «Кустарные промыслы в Енисейской губернии» А. Г. Шлихтера, изданные в 1915 г. Восточно-Сибирским обществом сельского хозяйства, промышленности и торговли в Енисейской губернии. Оба эти труда охватывают значительную часть территории Сибирского края.

Более усиленное развитие кустарно-ремесленной промышленности в довоенное время совпадает с проведением железной дороги, но особенно интенсивное развитие она получила с усилением колонизации края; об этом свидетельствует, констатируемое всеми исследованиями, усиленное возникновение кустарных промыслов за последние 20 лет (до войны), при чем наибольшее количество их падает на последние 10 лет, т. е. на период усиленной колонизации.

На основании имеющегося материала чрезвычайно трудно составить полное и точное суждение о степени развития кустарно-ремесленной промышленности в довоенное время и приводить какие бы то ни было параллели ее настоящего с прошлым. Можно лишь отметить отсутствие указаний на наличие более или менее крупных однопромысловых гнезд — явление характерное и для современной промышленности края; несмотря на все усилия, удалось на всей территории края выявить всего около 20 гнезд, преимущественно, деревообделочных промыслов (в Бийском, Томском, Иркутском и Кузнецком округах).

О состоянии кустарно-ремесленной промышленности края во время империалистической и гражданской войны никакого материала не имеется. Первое обследование нецензовой промышленности края, после его советизации, было произведено в 1924/25 г. Результаты этого обследования были неудовлетворительны (недоучет). Это объясняется в значительной мере как неудачно выбранным для обследования временем (оно происходило в момент районирования края), так и методом обследования — через сельсоветы, собиравшие сведения и для фининспекторов. Значительным шагом вперед является выборочное обследование 1927 г., произведенное через районных статистиков и специально приглашенных лиц. Полученные результаты были распространены на все число лиц занятых, согласно данным демографической переписи 1926 г., в нецензовой промышленности, при чем в данные демографической переписи по кирпичедельательной, маслобойной и мукомольной промышленности (по сельским местностям) внесены поправки на основании списков, составленных в феврале 1928 г. по данным карточек неземледельческих занятий.

Эти распространенные итоги обследования нецензовой промышленности и были отправной точкой при составлении настоящей работы. Из других материалов ценную помощь оказали контрольные цифры округов по рассматриваемой промышленности. При проектировании показателей за 1927/28 и 1928/29 гг. мы пользовались исключительно методами статистических коэффициентов и экспертным. Это обуславливает их ориентировочный характер¹⁾.

Валовая продукция²⁾ кустарно-ремесленной промышленности края составляла (в тыс. руб.)

1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
183.862,7	186.170,3	210.470,9

Ее высокий удельный вес в валовой продукции всей промышленности края, составлявший, согласно данным контрольных цифр:

1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
54,7%	51,2%	50,2%

Превосходящий удельный вес кустарно-ремесленной промышленности по Союзу, свидетельствуя об индустриальной отсталости края, делает нецензовую промышленность важным фактором в

¹⁾ Основные показатели настоящей статьи вошли в контрольные цифры Сибплана по нецензовой промышленности на 1928/29 г.

²⁾ Товарная продукция и реализация кустарно-ремесленной промышленности условно считаются равными ее валовой продукции.

смягчении юстрой нужды края в промышленной продукции. Она имеет также значение как поставщик полуфабрикатов для отдельных отраслей цензовой промышленности края. Так, она поставляет деготь для кожевенной промышленности, известковый камень для стекольной и т. д. Однако в виду слабого развития в крае крупной промышленности, нецензовая промышленность более тяготеет к торговым, а не к промышленным организациям. Особое значение имеет рассматриваемая промышленность для строительства, являясь крупным поставщиком основных строительных материалов: кирпича, извести, алебастра и др.

Краевой Исполнительный комитет в своих постановлениях неоднократно отмечал огромное значение и важность дальнейшего планомерного развития кустарно-ремесленной промышленности. В особенности велико ее значение в Тарском, Барабинском, Славгородском, Рубцовском, Тулуновском, Ачинском, Канском, Каменском, Минусинском и Киренском округах, а также в Хакассии и Ойротии, где она является доминирующим, а в некоторых округах даже единственным сектором промышленности.

Динамика валовой продукции кустарно-ремесленной промышленности выражается следующими цифрами:

1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
100%	101,2%	113,0%

В данные по кустарно-ремесленной промышленности не входят данные по рыболовству и маслоделанию; первые — как не имеющие отношения к рассматриваемой промышленности, а вторые — как входящие в контрольные цифры по сельскому хозяйству, с которым эта отрасль организационно тесно увязана.

Отмечаемая приведенным динамическим рядом незначительность темпа роста валовой продукции в 1927/28 г. объясняется сокращением, в связи с общим состоянием урожая и хлебозаготовительными мероприятиями, выработки мукомольной промышленности, наиболее значительной по своему ценностному выражению.

По видам потребляемого сырья кустарно-ремесленная промышленность подразделяется следующим образом (в тыс. руб.).

	1926/27 г.	Уд. вес	1927/28 г.	Уд. вес	1928/29 г.	Уд. вес
Горно и горно-заводская	2267,6	1,2	2480,7	1,3	2852,8	1,3
Обработка с.-х. сырья	120041,1	65,3	115836,5	62,2	132752,9	63,1
Обработка пром-сырья	61554,0	33,5	67853,1	36,5	74865,2	35,0

Наибольший удельный вес принадлежит кустарно-ремесленной промышленности, обрабатывающей с.-х. сырье, что вполне соответствует характеру экономики Сибири. Необходимо отметить отрицательное влияние нецензовой промышленности на снабжение цензовой промышленности дефицитным с.-х. сырьем (масло-семенами, кожей); интересы нормального развития последней требуют установления правильного наблюдения за развертыванием упомянутых отраслей нецензовой промышленности.

Кустарно-ремесленная промышленность края обслуживает почти исключительно нужды непосредственного потребления и домашнего хозяйства и потому должна быть отнесена к промышленности, изготовляющей средства потребления. Валовая продукция кустарно-ремесленной промышленности за вычетом сырья заказчика выражается в следующих цифрах (в тыс. руб.):

	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
	87520,7	91121,1	101571,2
В % к пред. году . . .	—	104,2%	111,5%

В кустарно-ремесленной промышленности было занято лиц:

	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
	165.892	170.090	175.379
В % к пред. году . . .	—	102,5%	103,1%

Следовательно, количество занятых в ремесленно-кустарной промышленности значительно превосходит численность рабочего состава цензовой промышленности, в которой занято рабочих:

1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
44.627	46.885	48.823

Этим определяется ее значительная трудоемкость и способность дать занятие большому количеству свободных рабочих рук. Превосходя по количеству занятых рук почти в четыре раза цензовую промышленность, она по ценностному выражению своей продукции почти равна ей. Это указывает на малую выработку кустаря, что отчасти объясняется также непродолжительностью рабочего сезона основной массы кустарей (сельских).

Наиболее развитыми промыслами края по ценностному выражению их валовой продукции являются (в тыс. руб.):

	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Пищевкусовая	89.598,0	84.707,2	99.280,2
Пр-во одежды и туалета	50.016,8	56.018,8	62.741,0
Кожевен. мехов	17.287,6	17.287,6	19.016,4
	156.902,4	158.013,6	181.037,6
Удельный вес	85,3%	84,9%	86,0%

Наибольшее количество лиц занято в следующих отраслях:

	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Пищевкусовая	23.801	23.563	24.039
Одежда и туалет	68.564	72.334	75.949
Обработка дерева	21.278	21.490	21.704
Металлообработ.	23.832	24.116	24.477
	137.475	141.503	146.169
Удельный вес	82,9%	83,2%	83,9%

Наибольшее значение как по величине валовой продукции, так и по количеству занятых рабочих рук имеют промыслы пищевкусовые и производство одежды и туалета.

Обращаясь к рассмотрению динамики важнейших групп промыслов, прежде всего коснемся наиболее крупной, по ценностному выражению валовой продукции — пищевкусовой. Наибольшее значение имеет в названной группе мукомольная промышленность, удельный вес которой, согласно контрольным цифрам, составляет по отношению к валовой продукции названной группы:

1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
79,3%	75,5%	76,6%

Уже указывалось на основные причины уменьшения валовой продукции мукомольной промышленности в 1927/28 г. Оно достигло наиболее значительных размеров в округах с развитым мелким мукомольем, работавшим на вывоз, в округах, ввозивших муку, валовая продукция нецензового мукомолья даже несколько повысилась. Для иллюстрации приведем данные контрольных цифр по некоторым округам края. Омским окрпланом запроецированы следующие контрольные цифры по нецензовой мукомольной промышленности Омского округа:

	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Число занятых лиц	1.750	1.655	1.755
В % к пред. году	—	94,5%	106,0%
Валов. прод.	7.376,2	5.200,0	7.386,0
В % к пред. году	—	70,4%	142,0%

«Принятые меры по форсированию хлебозаготовок, — как утверждает Омский Окрплан, — имели результатом закрытие (в 1927/28 г.) всех частных мельниц в городе и сокращение сельского кустарного промысла, примерно, на 40%».

В Славгородском округе, согласно контрольным цифрам Славгородского окрплана, по нецензовому мукомолью:

	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
Число занятых лиц	1.090	1 044	1.235
Валов. прод.	1.805	1.728,6	2.045,2
В % к пред. году	—	95,7%	118,3%

В Красноярском округе валовая продукция нецензового мукомолья в 1927/28 г. увеличилась сравнительно с 1926/27 г.; это увеличение Красноярский окрплан в своих контрольных цифрах определяет в 10% и ставит его в связь с более полной нагрузкой мельниц. Что касается 1928/29 г., то при почти стабильном сравнительно с 1927/28 г. количестве занятых лиц, валовая продукция, согласно наметке окрплана, дает прирост, примерно, на 6—10%. Для всего края контрольными цифрами определяется уменьшение валовой продукции мукомольной промышленности в 1927/28 г. сравнительно с предшествующим годом на 10%; что касается 1928/29 г., то для него запроецировано повышение валовой продукции сравнительно

с 1926/27 г. на 7%. При наметке валовой продукции по нецензовому мукомолью на 1928/29 г. валовая продукция 1926/27 г. (т. е. года, который может быть принят за год нормальной продукции) была увеличена на 2% выше процента прироста населения за 2 года (+5%), учитывая более усиленное снабжение в 1928/29 г. городов нецензовым мукомольем. В соответствии с динамикой валовой продукции запроектирована численность занятых лиц. Что касается остальных отраслей пищевкусовой промышленности, то 1927/28 г. был годом роста, в особенности интенсивного для отраслей промышленности по обработке мяса.

Валовая продукция кожевенно-меховой нецензовой промышленности в 1926/27 и 1927/28 гг. в абсолютных цифрах, как показывают данные животноводческих балансов о внутри-хозяйственном оседании кожсырья и овчин за эти годы, несмотря на массовое закрытие кустарных заводов рассматриваемой отрасли промышленности, стабильна. Это объясняется закрытием заводов во второй половине года; кустари имели возможность проработать первое полугодие, на которое падает преобладающая часть (свыше 70%) годовой выработки. В 1928/29 г., в связи с увеличением планового отпуска кожсырья кооперированным кустарям и другими мероприятиями, контрольными цифрами намечен рост продукции. Число занятых лиц в 1927/28 г., в виду закрытия заводов в течение года, определяется контрольными цифрами стабильными сравнительно с 1926/27 г.; в 1928/29 г. контрольные цифры намечают увеличение числа занятых лиц на 3% сравнительно с предыдущим годом.

Промыслы, относящиеся к одежде и туалету, быстро развиваются в связи с общим повышением экономики края; в особенности это относится к сапожному и швейному промыслам.

Развитие нецензовой металлопромышленности ограничено сырьевым лимитом и определяется контрольными цифрами на 1928/29 г. приростом в 3%, хотя требования рынка, в связи с усилением механизации деревни, увеличением количества лошадей и развивающимся спросом на жестяную (молочную) посуду, превосходят намеченный рост.

Деревообрабатывающая промышленность увеличивает валовую продукцию, согласно контрольным цифрам, на 2,5%.

Распределение кустарно-ремесленной промышленности края между городскими и сельскими местностями противоположно распределению цензовой промышленности, свыше 80% численности рабочего состава и выпуска валовой продукции которой сосредоточено в городах и поселениях городского типа. В кустарно-ремесленной промышленности преобладающая роль принадлежит сельским кустарям. В 1926/27 г. городских кустарей было 32.986 с валовой продукцией 53.196,3 тыс. р. и сельских кустарей 132.906 с валовой продукцией 130.666,4 тыс. руб.; отношение городской рем.-куст.

промышленности к сельской составляло по численности занятых лиц 1 : 4 по сумме валовой продукции 1 : 2,4. В 1927/28 г. соотношение численности городских и сельских кустарей осталось почти без изменения сравнительно с 1926/27 г., что же касается соотношения валовой продукции, то оно несколько изменилось, в связи с сжатием производства в мукомольной промышленности и стабильности кожевенной, в пользу удельного веса городской кустарно-ремесленной промышленности. Сопоставление приведенных соотношений численности занятых лиц и суммы валовой продукции городской и сельской нецензовой промышленности указывает на больший, выше чем в два раза, размер выработки городского кустика. Производствами, получившими большее распространение в городе, являются: конфектно-кондитерское, хлебопечение, колбасное, мыловаренное, производство головных уборов, белошвейное, полиграфическое. Промыслами, получившими большее распространение в сельских местностях являются: мукомольная промышленность, производство саней и телег, прялок, деревообрабатывающая (бочарный, бондарный и производство дуг), маслобойный, крупяное производство, кожевенно-меховой и др. Что касается механизации и электрификации в кустарно-ремесленной промышленности, то она незначительна и находится в самом зачаточном положении.

Распределение («насыщенность») кустарей по краю весьма разнообразно и зависит от экономики округов. Приводим таблицу количества населения, падающего на одного кустика по округам края.

	Гор.	Сел.		Гор.	Сел.
Тарский	22	51	Томский	38	59
Омский	39	67	Канский	38	62
Новосибирский	29	58	Минусинский	17	41
Барабинский	41	63	Иркутский	34	52
Каменский	32	49	Бийский	27	50
Барнаульский	25	48	Красноярский	37	56
Славгородский	31	70	Тулуновский	28	68
Кузнецкий	72	56	Ойротия	27	50
Рубцовский	32	62	Хакассия	56	58
Киренский	41	98	По Сибкраю	33	56
Ачинский	36	57			

Как правило, количество населения, приходящегося на одного кустаря, в городских поселениях меньше, чем в сельских местностях. Это объясняется как более высоким благосостоянием городского жителя, являющегося более крупным потребителем ремесленно-кустарной продукции, так отчасти и более примитивной экономикой деревни, где хозяйство до сих пор еще носит черты натурального и старается по возможности изготавливать необходимые предметы потребления у себя дома. Исключением являются городские поселения Кузнецкого округа, в которых число жителей на одного кустаря превосходит то же число в сельских местностях; это надлежит объяснить его индустриальным развитием, так как рабочее население пользуется преимущественно продукцией фабричной промышленности (привозной), которая вытесняет кустаря с городского рынка. Приведенные цифры являются подтверждением того важного значения, которое имеет для края кустарно-ремесленная промышленность, на что выше уже указывалось.

Социальный разрез ремесленно-кустарной промышленности края полностью не выявлен. Удельный вес числа занятых в нецензурной промышленности лиц по социальным секторам:

В городах и поселениях городского типа: в сельских местностях:

госуд.	0,6%	госуд.	1,1%
кооп.	2,6%	кооп.	2,1%
частн.	96,8%	частн.	96,8%

Частный сектор кустарной промышленности является как в городских, так и сельских местностях неоднородным и состоит из капиталистической части, характеризующейся эксплуатацией наемного труда и простых товаропроизводителей. Наемный труд составляет в частном секторе 6,4% всех занятых в нем лиц; в сельских местностях — 4,1% занятых в сельских местностях и в городских — 16,6%, занятых в городах и поселениях городского типа. В сельских местностях 86,4% всего перерабатываемого частным сектором сырья составляет сырье заказчика-потребителя и 3,1% сырье проч. заказчиков; остальное (10,5%) сырье — покупное и своего хозяйства. В городских местностях сырье заказчика-потребителя составляет 43,7%, проч. заказчиков 7,4% и доминирующим является покупное сырье, которое составляет 48,9% всего перерабатываемого частным сектором городской нецензурной промышленности сырья. Число производственных единиц частного сектора, пользующихся наемным трудом, составляет в городских местностях 13% (2.994 из 22.955 производ. ед.) и в сельских местностях — 4,9% (5.322 из 108.630 произв. ед.) от общего числа их производственных единиц. Если в сельских местностях, по данным государственной статистики, почти нет таких отраслей в частном секторе нецензурной промышленности, где в среднем на долю одного заведения, пользующегося

наемным трудом, приходится бы свыше 1½ наемных работника (исключение деревообрабатывающая), то в городских местностях можно указать ряд таких отраслей: конфектно-кондитерская (в среднем 4 рабочих на заведение, пользующееся наемным трудом), хлебопечение (3,2 раб.), обработка металлов (1,7 раб.), сапожный промысел и др. Однако в подавляющем числе городские кустари по уровню материального положения не отличаются от рабочих. Это подтверждается имеющимися материалами по отдельным округам и данным финансов органов. Имеющиеся материалы не позволяют проследить связь сельских кустарей и ремесленников с сельским хозяйством и произвести анализ их классового расщепления. Выявленный выше ремесленный характер сельской нецензовой промышленности и сравнительно незначительная численность занятой в ней наемной рабочей силы служат указанием на слабое развитие капиталистического сектора. Это подтверждается также данными Сибирского краевого финансового отдела, который определяет ³⁾, что из сельских хозяйств, занятых в кустарно-ремесленной промышленности—30,7% принадлежат к маломощным, 61,9%—к средняцким и только 7,4% к мощным.

Из отдельных отраслей мелкой промышленности мы укажем те, в которых доминирующую роль играют более экономически мощные слои деревни: мукомольная (паровые мельницы), в которой все 100% владельцев имеют годовой доход (совокупный) свыше 2.000 руб.; свыше 1.000 руб. годового дохода (совокупного) имеет 67,4% владельцев водяных мельниц, 26% владельцев ветряных мельниц, свыше 20% кустарей занятых в маслобойном производстве, около 20% занятых в овчинном производстве, в кожевенном производстве и других, т. е. в таких промыслах, которые требуют несколько более крупных затрат на оборудование. Отсюда вполне понятна и более высокая средняя годовая доходность от куст.-ремесл. промышленности мощного хозяйства, которая, по исчислениям Сибфинотдела ⁴⁾, в 5 раз выше годовой доходности маломощного хозяйства и в 3½ раза выше доходности средняцкого хозяйства. Слабая изученность связи кустарно-ремесленной промышленности с отдельными социальными секторами народного хозяйства делает невозможными более точные, хотя бы и ориентировочные показатели.

Обобществление кустарной промышленности составляет задачу промысловой кооперации. Наряду с системой промысловой кооперации существуют так называемые дикие артели, а также некоторое количество кустарей кооперировано другими системами кооперации; так, например, имеются лесохимические артели у охотничьей кооперации и т. д.

³⁾ См. „Обложение сельского хозяйства Сибирского края в 1927/28 г.“.

⁴⁾ См. „Обложение сельского хозяйства Сибирского края в 1927/28 г.“.

Удельный вес кооперативов, не входящих в систему промышленной кооперации, сравнительно незначителен. Краевой центр промышленной кооперации (Сибпромсоюз) был образован в октябре 1928 г. Впервые союзы промышленной кооперации начали создаваться в 1924/25 г. и динамика их развития характеризуется следующими показателями:

	1/X—1926 г.			1/X—1927 г.			1/X—1928 г.		
	Союзы	Кооп.	Члены	Союзы	Кооп.	Члены	Союзы	Кооп.	Члены
В % по отн. к ард. г. . . .	5	164	3,694	7	307	7,586	13	663	21,235
	—	—	—	—	187,2%	205,4%	—	217,3%	278%

Приведенная таблица свидетельствует о быстром темпе роста числа кооперативов, входящих в систему, и (что особенно важно) о еще более интенсивном росте числа кооперированных членов. Процент кооперированных кустарей составляет, согласно исчислениям Сибпромсоюза, 12,7% всех кустарей края. Товарные обороты союзов увеличились с 4.167,3 тыс. руб. в 1926/27 г. до 16.688 тыс. руб. в 1927/28 г. Более быстрый темп кооперирования городских кустарей предопределяется указанной нами большей концентрированностью кустарных промыслов в городах и большей их товарностью. При отношении численности сельских кустарей к городским 4 : 1, соотношение численности кооперированных сельских кустарей к городским составляет только 1,3 : 1. Удельный вес кооперированных сельских кустарей, составлявший на 1/X—27 г. 37% общего числа кооперированных кустарей, увеличился на 1/X—28 г. до 42%. В 1928/29 г. дополнительно к существующим 13 союзам, организуются союзы еще в четырех округах; таким образом к концу текущего года не будут существовать союзы только в трех округах; в это число входит и Киренский округ, где кооперация развивается в форме интеграла. К характерным особенностям промышленной кооперации края относится небольшой размер существующих артелей: средний состав артели в крае: в городах 34 чел. и в сельских местностях 29 чел. Если обратиться к рассмотрению отдельных промыслов, то средний размер артели в производствах по обработке металлов составляет—16 чел., канатно-веревочном—7 чел., кожевенном—12 чел., овчинно-шубном—12 чел., пищевкусовом—11 чел.; значительно повышают средний размер сельских артелей по краю деревообделочные промысла, в которых средний размер сельской артели 40 чел., лесопромысла и лесохимические промысла, в которых размер артели еще выше—56 чел., производства по добыче и обработке минералов (30 чел.), производства строительных

материалов (52 чел.) и кредитные т-ва (77 чел.). Такие незначительные размеры артелей объясняются, главным образом, территориальной разбросанностью кустарей. При таких условиях на этом участке промышленности продвижение механизации и электрификации затруднено и достижения в данном отношении очень незначительны, несмотря на наличие такого благоприятного фактора, каким является высокий процент кооперированных кустарей, работающих в общих мастерских (64,7%).

Этим кратким рассмотрением промысловой кооперации мы и ограничимся; более подробное может и должно быть предметом отдельной работы.

Новосибирск.

В. ШУНКОВ.

К ИСТОРИИ КРЕСТЬЯН СИБИРИ В XVIII в.

(Крестьяне Тобольского уезда в начале XVIII в.)

Жизнь крестьянского населения Сибири в течение XVIII в. в значительной степени слагалась под знаком постоянной нужды в хлебных запасах переживаемой Сибирью и тех правительственных мероприятий, коотрые были направлены к ее разрешению, это влияние сказалось в первую очередь, в оживленнойнейшей деятельности госторговой администрации, а также и частных лиц, по устройству и расширению в Сибири хлебных запасшек.

С целью привлечения в малонаселенную окраину требовавшихся для этого рабочих рук, правительством был установлен целый ряд льгот, облегчавших поселенцам устройство на новых местах. В течение всего XVII в., а местами и XVIII в., новоприисканные крестьяне получали на первое время полное или частичное освобождение от уплаты государственных повинностей, при устройстве ими хозяйств выдавались им денежные или натуральные ссуды на срок и, сверх того, безвозвратные подмоги. Эта покровительственная политика, соединенная с наличием большого количества свободных и плодородных земель, вызвала устремление в Сибирь значительного переселенческого потока, главным образом, из поморских и северо-восточных русских уездов, переживавших тогда хозяйственный кризис. Благодаря этому XVII в. был, по крайней мере, для Западной Сибири, временем необыкновенно быстрого заселения и в частности сильного возрастания численности крестьянского населения. Вместе с тем, условия, вызвавшие этот поток определили до некоторой степени и характер крестьянской жизни, установив характер крестьянских повинностей. Последние сводились в XVII в. в первую очередь к отбыванию «барщины» на организуемой правительством (с целью получения запасов казенного хлеба) государевой пашне.

Рассмотрение вопроса о том, в какой степени к началу XVIII в. оставалась еще отмеченная нужда в хлебе и как сильно и в какой форме в связи с этим было охвачено крестьянство указанною выше повинностью и составляет главную задачу предлагаемой статьи¹⁾.

¹⁾ Хронологический охват материала в этой статье имеет свое основание в наличии работ П. Н. Буцинского—„Заселение Сибири и быт пер-

Несмотря на то, что уже в середине XVII в. развитие хлебопашества в Западной Сибири сделало возможным оживленную хлебную торговлю, особенно в некоторых пунктах (Ирбитская слобода, Верхотурье), где приезжие люди «закупали хлеб в закуп на продажу и тем богатели», недостаток хлеба продолжал ощущаться в течение всего столетия в таких, казалось бы, населенных уездах, как Верхотурский и Тобольский. Это вызывало до самого конца XVII в. известное стремление ограничить частную торговлю хлебом, особенно торговлю спекулятивного характера, и приводило правительство к необходимости попрежнему держать в своих руках дело снабжения некоторой части населения хлебными запасами. В первую очередь правительство брало на себя довольствие гарнизонов зерном, мукой, крупой, толокном, в виде хлебных окладов, выдаваемых служилым людям, как часть их годового содержания. Кроме того хлебом снабжались приказные, часть духовенства, которой ежегодно выдавалась в определенном количестве хлебная руга, часть туземного населения: аманаты, туземцы, приносящие в город ясак и т. д. Сверх того торговым людям, государевым крестьянам предоставлялись временные хлебные ссуды. В силу этого перед государственной администрацией попрежнему стояла необходимость так или иначе обеспечить поступление хлебных запасов. В частности, администрация Тобольского уезда должна была помимо только что указанной задачи удовлетворения хлебом своих местных потребностей, еще и снабжать хлебными запасами восточные и северные уезды, или не имеющие совсем своей хлебной запашки, или недостаточно обеспеченные ею.

Попытаемся рассмотреть эти задачи отдельно. Будучи вначале XVIII в. крупным административным, гражданским и церковным центром, «царственный град» Тобольск обладал в это время многочисленным служилым населением, имевшим право на получение хлебных «дач». В самом городе и его слободах было расположено большое количество вооруженных сил, столь необходимых в то время для обороны южных границ уезда от киргизского «прихода», служивших на «отъезжих сторожах беспристани... во все лето и зимою покамест большие снеги укинут», участвовавших в различных правительственных экспедициях, например, в больших походах за солью на Ямыш-озеро, и несших также гарнизонную «обере-

вых ее насельников». Харьков, 1899,—и В. И. Семевского— „Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II-й», т. 2, Спб. 1901, которые дают некоторое представление о положении крестьян Сибири в XVII и второй половине XVIII в. Выбор же Тобольского уезда объясняется тем интересом, который вызывает последний, как уезд, наиболее сильно населенный крестьянами и лежащий вблизи Европейской России, благодаря чему он быстрее других (за исключением Верхотурского уезда) пережил влияние русской колонизации.

говую» службу в городах и острогах. Большая административная деятельность разрядного города, управление многочисленными слободами создавало значительное количество приказчиков, приказных, толмачей, сторожей и т. д. Частые поездки многочисленных служилых людей вызвали создание большого кадра ямских охотников, часть которых, жившая в северном Самаровском яму, также получала хлебное жалованье. Наконец, на государевом хлебном жаловании были 50 «государевых богомолиц» — стариц Тобольского монастыря и 11 ружных попов и дьячков. Всего в самом Тобольске и его уезде в то время насчитывалось ружников и служилых всяких чинов, людей и обротчиков поверстанных хлебными окладами, более трех с половиною тысяч человек ²⁾. По годовым окладам им полагалось ежегодно к выдаче до 17.000 четей ³⁾ разного хлеба. Хотя в действительности этот оклад никогда не выдавался полностью, все же расходы на выдачу хлебного жалованья за первое десятилетие XVIII в. были всегда значительны. Кроме этого, окладные дачи не исчерпывали всего местного расхода. Расходы по служебным посылкам, различные додачи к жалованию, содержание неположечных в оклад людей (ссылных, ясачных, являвшихся в город с яском, случайных мастеров за кирпичную работу, за пряденное дело, за школьное учение тобольских всяких людей латинской и словенской грамматике и т. д.), как и выдача хлебных ссуд шли сверх указанного выше расхода, считаясь неокладными. Соединяя их вместе, мы получаем общую величину местных хлебных расходов, которая в начале XVIII в. по Тобольскому уезду достигала 10—14 тыс. четей. Но помимо удовлетворения местных нужд, Тобольск, как мы указывали выше, должен был снабжать хлебом еще и северные и восточные бесхлебные города. Такими были в первые годы XVIII в. Березов, Сургут, Мангазея, Нарым, Кецк, Тара, Кузнецк. — Список этот постепенно сокращается с 1704 года из него исчезают Мангазея и Кецк. Последний переходит на самостоятельное хлебоснабжение. В него, как и в Томск, за все это время Тобольск высылает лишь соль. Мангазея же отходит к Енисейску. Усиленно насаждает свое хлебопашество и Кузнецк. Благодаря этим изменениям размеры тобольской посылки постоянно понижаются, равняясь за первое десятилетие XVIII в. в среднем на год 6.500 четей всякого хлеба. Таким образом потребность в казенном хлебе продовольствия, главным образом, служилых людей не только продолжала существовать в Тобольске в начале XVIII в., но она еще достигала

²⁾ По выписи из Тобольских окладных книг 1702 г.—3536 чел., в 1706 г.—35⁸ чел. В это число не вошло 109 чел. ямских охотников, получающих также хлебное жалованье. (Архив Сиб. Приказа, кн. 474, л.л. 55—63).

³⁾ Чет в то время была около 7 пудов. В 1702 г. по выписи значилось хлебных окладов на 16557 четей. (Архив Сиб. Приказа, кн. 474, №№ 55—63).

значительной величины, которую приблизительно можно определить в 18.000 четей ежегодно ⁴⁾.

Удовлетворение этой потребности в хлебе первое время по завоевании края шло исключительно за счет привозного хлеба. Нужно было время, чтобы создать собственную запашку. Сев же хлеба туземцами к моменту прихода русских был незначителен сравнительно с новыми запросами. Конец XVI и почти весь XVII в. Тобольский уезд, как и другие сибирские уезды, получал хлеб из Московской Руси. Последний — так называемые сошные запасы — поставляли: Пермь, Соль-Камская, Кайгородок, Вятка с пригородами, Устюг, Соль-Вычегодская и Выгь Яренская. Значение Тобольска в это время сводилось к дальнейшей передаче и распределению русского поморского хлеба. Но дальняя доставка удорожала стоимость и ложилась тяжело на население названных городов «и тех городов посадским и уездным людем в тех хлебных запасах и в возке ставилась налога великая, для того, что от тех приморских городов до Сибири проезд дальний, и многие подводы назад от Сибири до поморских городов не дохаживали» ⁵⁾. Эти «налоги» заставляли неоднократно поморских людей бить челом государю о прекращении возки хлеба в Сибирь. Очевидно, идя навстречу этим челобитным и собственной выгоде, правительство стремится завести сибирскую пашню, в первую очередь в западных уездах. И действительно, в течение XVII в. мы можем наблюдать возникновение сибирского хлебопашества. Это вызывает перемещение снабжающих мест с запада на восток. Западное Поморье с 1620 г. высылает сибирский хлеб уже с перебоями, а в 1624 г. «по высмотру боярина князя Юрия Яншеевича (Тобольского воеводы) из тех поморских городов хлебных запасов возить не велено для того, что... в Сибири... хлебные запасы учали собираться больше прежних годов и хлебными запасы мочно в Сибирских городах принятца без присылки из Поморских городов» ⁶⁾. Однако в 1632 г. хлеб начали ввозить вновь. Окончательно привоз поморского хлеба был отменен в 1685 г. ⁷⁾. С отменой поморского хлеба поставщиками хлебных запасов становятся крайние западные уезды Сибири — уезды Тобольского разряда: Верхотурский, Тобольский, Пельымский и Туринский. Из них западный — Верхотурский, ранее других ставший хлебным, в первое десятилетие выходит, как вышли и Московские

⁴⁾ В 1704 г. вышло в расход 18.406 четей, в 1705 г.—17.000, в 1706 г.—20.942. Все сведения о количестве хлебных расходов взяты из сметных хлебных списков Тобольского уезда начала XVIII в. (А. С. П., кн. 1376. лл. 383 и сл.; 1434 лл. 359—393; 1467 лл. 280 сл.; 1473 лл. 220—268; 1239 лл. 1—142).

⁵⁾ Р. И. Б., т. VIII, ст. 356—357.

⁶⁾ Ibidem.

⁷⁾ С. Веселовский. Сошное письмо, т. I, М. 1915.

города, из списка снабжающих уездов. В самом начале века его участие в хлебной посылке еще достаточно велико, но оно с каждым годом становится менее значительным. 1705 год был последним годом высылки хлеба с Верхотурья. Причину этого можно видеть в развивающейся уральской промышленности. Казенная и частная промышленность требовала рабочие руки и вырывала их из хлебного хозяйства. Так, из 18 слобод Верхотурского уезда две были отданы Никите Демидову и его железным заводам: Краснопольская и Аятская. И «податей с них имать не ведено для того, что всякие подати уговорился за них платить он, Никита, деньгами и железом на Москве в Сибирский Приказ»⁸⁾. С другой стороны мастера казенных верхотурских железных заводов, как и служилые люди были на хлебном жаловании. В хлебной смете по Верхотурскому уезду читаем «Алапаевских железных заводов мастерам и подмастерьям и всяких чинов людям 192 чети ржи и т. д.»⁹⁾. Потребность в этих окладах заводским рабочим была очевидно настолько значительна, что с 1706 г. было решено обратить на них все хлебные запасы уезда. В этом году хлеб из Верхотурья выслан не был «для того (что) по указу Великого Государя с Верхотурья и Верхотурского уезду из слобод для Алапаевских железных заводов хлебных запасов присылать в Тобольск не велено»¹⁰⁾. В более поздних сметах этой присылки и не значится. Другой западный уезд, Пелымский, по величине своих посылок почти не имел значения. И сверх того «за многие годы... Пелымского хлеба в Тобольске у приемки не было совсем». И только острог туринский ежегодно доставлял около 1.000 четей.

Таким образом, в рассматриваемый период Тобольский уезд из крайне-восточного хлебоснабжающего уезда, каким он был в начале XVII в., становится крайне-западным. Сохранив попрежнему задачу поставлять хлеб как для своих, так и для иногородних служилых людей, части духовенства, иногда крестьян (в виде заимобразных ссуд, отпускаемых казенными житницами на посев и для еды) он потерял снабжавшие его ранее хлебные районы Поморья и Верхотурья. Поэтому его роль в хлебном деле, как распределительно-передаточного пункта привозных запасов должна была уступить место значению его собственного хлебного хозяйства. Последнее и должно было теперь дать почти целиком необходимые Тобольскому уезду и бесхлебным или малохлебным Березову, Таре, Сургуту, Нарьму, Кузнецку 18 с лишним тысяч четей хлебных запасов.

⁸⁾ А. С. П., кн. 1519, л. 215 об.

⁹⁾ Ibidem, лл. 1—15.

¹⁰⁾ А. С. П., кн. 1467, л.л. 280 сл.

Попытаемся теперь рассмотреть, какими же возможностями обладал для этого Тобольский уезд. Прежде всего рассмотрим вопрос о его размерах и населении.

На величине и составе Тобольского уезда сильно отразились два явления: с одной стороны это была та неурядица, с которою шло в XVII в. образование уездных территорий, с другой — взаимоотношения с туземным населением, главным образом, с «немирными» народами. Разберем их отдельно. На очень мало изученном процессе определения уездных территорий в XVII в. сказывалась борьба двух принципов, которая и вызывала указанную выше «неурядицу». При завоевании края, приводимые в русское подданство «землицы» числились в качестве ясачных волостей обычно за тем городом, которым они были приисканы. Таким образом, сложился у каждого города округ, населенный подчиненными ему ясачными людьми. Как будет видно из примера, приведенного несколько ниже, администрация города и считала земли этих объясаченных туземцев своею территорией. Когда же началось заселение края русскими, аналогичное положение было применено и к русскому населению, т.-е. земли, занятые русским селением стали считаться за тем уездом, которым это поселение было основано независимо от того, какого уезда туземцам принадлежала эта территория раньше. Так, в 1639 г. ехал через Верхотурье на Тобольск новый воевода князь Петр Иванович Пронский «который, слышав о верхней стране реки Нейвы, вознамерился» заложить в ней слободу. По его приказу при р. Алапайке, на Мурзинской Елани, среди Верхотурских земель была заложена Мурзинская слобода. Несмотря на челобитья верхотурских крестьян о неудобстве такого соседства, слобода продолжала быть Тобольскою до 1704 г. Пользуясь этим, воеводы в стремлении устроить пашенные деревни, не считались с границами их земель и временами переносили свою деятельность на территорию других уездов. Подобный порядок дал возможность развиваться соперничеству отдельных административных лиц в деле заселения края и привел к целому ряду столкновений. Об одном из них упоминал еще Миллер¹¹⁾. Когда верхотурский крестьянин Михаил Сириянин поселился на южной стороне р. Ницы, то Туринский воевода «распространение верохтурских селений в стране, которая по его мнению к Туринскому уезду принадлежала, не признал за справедливое». Он пытался по этому поводу доказать и о слободах Ирбитской и Ницынской, расположенных на Туринских землях, что им надлежит быть в ведомстве Туринска, а не Верхотурья, но «со стороны Верхотурья сопротивление было сильнее, нежели в Туринске преодолеть могли». Другой пример привел С. В. Бахрушин по поводу слободы Рудной, которую князь Алексей Буйно-

11) „Ежемесячные сочинения“, 1764 г., 1. 499.

сов-Ростовский «побронясь» с Верхотурским воеводою взял в ведение Тобольска. По челобитью Верхотурья из Москвы распорядились «поворотить» ее обратно к Верхотурью¹²⁾. Однако, позднее мы ее опять находим в ведомстве Тобольска¹³⁾. К этому соперничеству, кроме отмеченного Миллером желанья сохранить «честь изобретения» той или иной слободы, у Тобольска была еще особая причина. Сосредоточив у себя, как у разрядного города, хлебное дело, Тобольский уезд сам лежал в неблагоприятных климатических и почвенных условиях. К северу от него земледелие велось лишь вдоль Иртыша и доходило только до Демьяновского яма (при устье р. Демьянки). В следующем крупном селении, Самаровском яму, «пашни самаровские ямщики не пахут для того, что хлеб не родитца». В сторону от Иртыша по Конде, Демьянке и другим притокам лежали болотистые местности, мало заселенные и в настоящее время. Только к югу от Тобольска по Туре, Пышме, Исети, Тоболу и Иртышу лежали земли, плодородие которых отмечалось разными наблюдателями XVII в.¹⁴⁾ Из них земли по Иртышу и Ишиму заселялись в XVII в. с трудом из-за колмацкого разорения. Оставался бассейн Тобола с Турой, Пышмой и Исетью. Но на северной и ближней к Тобольску из этих рек находились Верхотурье, Туринск и Тюмень. Таким образом, в желаньи расширить свои пахотные участки Тобольску неминуемо пришлось столкнуться с этими уездами. Это столкновение и сказывалось, как видно по вышеприведенным примерам, или в поселении своих слобод на чужих землях, или в «присваивании» чужих слобод. Удача в этой борьбе была почти неизменно на стороне более сильного «царственного града». К началу XVIII в. в юго-западном углу Сибири Тобольск был самым большим уездом как по территории, так и по количеству населения. Тобольские слободы раскинулись на огромном пространстве, начиная от Тобольска и до Миаса к югу, до Ишима — к востоку, до верховьев Туры и Пышмы к западу. Но эта большая территория носила на себе печать происхождения. Она пестрела чересполосицей и остатками поглощенных уездов. Особенно эта чересполосность сказывается по отношению к уезду Верхотурскому. Как уже было указано, Тобольские слободы Мурзинская и Рудная лежали среди Верхотурских слобод. В списке с чертежа Сибирской земли читаем: а от Киргинской (слободы) в Верхотур-

¹²⁾ С. В. Бахрушин: Воеводы Тобольского разряда в XVII в. („Ученые записки Института Истории. Ранион“, М. 1927).

¹³⁾ А. С. П., кн. 1467, л.л. 174 и сл.

¹⁴⁾ Relation du voyage de M-r E. Isbrand... par le Sieur. Adam Brand. Amsterdam M D. C. XC IX. „Le terroir de la Siberie est si bon pour le blé, que les habitans n'ont pas besoin de fumer les terres“.

Так же в Historia de Sibiria (напечатана Титовым в сборнике: Сибирь в XVII в.). „Clima est frugum ferax et agricultura in eo facillima: Solum enim nulla indiget fimi impinguatione“.

ский уезд до Ирбитской 7 верст... (ряд верхотурских слобод)... а от Арамашевой до Мурзинской слободы до Тобольского уезду 30² верст... ¹⁵⁾). Верхотурские слободы Пышминская, Красноярская, Тамакульская были отрезаны от своего уезда полосой тобольских, идущих по Пышме: Юрмыцкой, Калиновской, Новопышненской, Белоярской и Архангельской. Окружены тобольскими деревнями также крестьянские поселения Туринского уезда. Последний к началу XVIII в. владел только подгородними крестьянами, хотя несомненно, что в XVII в. Туринск имел свои слободы. В его сметных списках за 702 и 703 гг. числятся еще недоимки по Благовещенской слободе ¹⁶⁾, которая когда-то несомненно входила в его уезд, но в 700-х годах уже была тобольскою. Подобно Туринску не имела ни одной крестьянской слободы и Тюмень, на землях которой были расположены тобольские слободы Пышминская и Исетская. Из соседних с Тобольским уездом только два граничили с ним без чересполосицы — Пельмский с его двумя слободами Табаринской и Гиринской и Тарский с слободами Аевской, Такмыцкой и Бергамацкой. Оба эти уезда лежали в стороне. Но относительно Пельми нужно оговориться, что входивший когда-то в ее ведение городок Кошудкий, пашенный, в рассматриваемое время был тобольским.

Так, первое явление, сказавшееся на образовании уезда, перешедшее в борьбу за русские населенные места, привело к расширению Тобольского уезда за счет других, т.-е. к увеличению его крестьянского населения. Другим было влияние второго явления — взаимоотношения с «немирным» туземным населением. В своей борьбе за пашенные места русское население Тобольского уезда, как было указано выше, сползало к югу. Хронологически это движение шло так: течение рек Тавды, Туры, Пышмы заселялось уже с конца XVI в. Большинство слобод, имеющих на них, было основано в первую половину XVII в. К этому времени лучшие места уже были заняты и во вторую половину XVII в. стали заселять течение Исети. Слободы по р. Тече и Миасу были основаны лишь в последнюю четверть XVII в. Далее перед русским населением открывались еще земли по верхнему течению Миаса и бассейн более южного Уя. Но продвижение в указанном направлении было остановлено «немирными башкирцами». Сползшие к югу слободы подвергались их нападению и крестьяне частично уходили обратно к северу. В Мурзинской слободской книге так объясняется недоимка на слободы: «на мурзинских оброчных крестьянах оброчного хлеба... (перечисление недоимочного хлеба)..., а на ком именно тот оброчный хлеб взять (не ведомо) и те крестьяне от изменников воинских башкирцев побиты, а жены и дети их в полон поймаын, а двory их

¹⁵⁾ Чертеж всей Сибири, напечатан Титовым в сб. „Сибирь в XVII в.“

¹⁶⁾ А. С. П., кн. 1291, л.л. 1—6; кн. 1380, л.л. 1—2; 7—9.

позжены и того оброчного хлеба ныне взять и предъ имать не на ком»¹⁷⁾. В Красномысской слободе «в деревнях явилось по переписи крестьянских и бобыльских 50 дворов в пустех, а ис тех дворов крестьяне и бобыли от воровских людей башкирцев прибиты и в полон взяты, а иные от того башкирского разорения разошлись врозь»¹⁸⁾. То же наблюдается в слободе Окуневской¹⁹⁾. Многочисленные случаи разорения башкирцами русских поселений приведены в Памятниках Сибирской Истории XVIII в. Так благодаря сдерживающему влиянию второго явления, под знаком которого складывалась территория Тобольского уезда, определилась его южная граница, которая для первого десятилетия XVIII в. была южной границей всех русских поселений по Тоболу.

Установив таким образом, хотя бы приблизительно, территориальный состав уезда, мы будем иметь для начала XVIII в. за Тобольском приблизительно две трети заселенных пашенных земель бассейна Иртыша. Остальная треть приходилась на долю Верхотурья, Пельми, Туринска, Тюмени и Тары. Соответственно с этим Тобольский уезд значительно превосходил другие и количеством своего населения. В это время в него входило 60 слобод против 18 верхотурских, 3 тарских и 2 пельмских. По количеству дворов даже Верхотурский уезд был меньше Тобольского в 4 раза²⁰⁾.

В установленной величине и населенности Тобольского уезда, которые были в известной степени следствием стоявших перед ним задач, мы находим объяснение того исключительного положения, которое он занял в деле хлебоснабжения, заменив в этом Поморский и Верхотурский уезды.

Перейдем теперь к выяснению состава его населения и к рассмотрению вопроса о том, какой же удельный вес занимало в нем крестьянство. Об этом мы можем судить по данным переписи 1710 г. Указ о ее производстве был получен в Тобольске весной. За май и июнь уезд был разбит на ряд районов по несколько слобод в каждом. В конце июня переписчики, в большинстве тобольские дворяне, снабженные наказами приказной палаты, выехали на места работы. С конца сентября началось уже поступление переписных материалов — книг. К сожалению, они не сохранились до нашего времени полностью. В Московском «Древлехранилище» (б. Архив Мин. Юстиции) имеются лишь описания 7 районов, включивших 36 слобод, 2 яма и 5 монастырских вотчин, приблизительно две трети уезда. Кроме этого, данные книг 1710 г. страдают теми же недостатками, что и все переписные книги Московской Руси, как

¹⁷⁾ А. С. П., кн. 1239, л. 645.

¹⁸⁾ А. С. П., кн. 1525, л.л. 447—504.

¹⁹⁾ А. С. П., кн. 1526, л.л. 45—83.

²⁰⁾ В 1702 г. в Тобольском уезде считали 10270 крестьянских дворов (А. С. П., кн. 474, л.л. 55—63).

это неоднократно уже и отмечалось в исторической литературе. Сопоставление их сведений со сведениями более точных крестьянских книг показывает местами значительное расхождение, что говорит не в их пользу. Эти два обстоятельства (неполнота и неточность) исключают возможность пользоваться абсолютными данными их цифрового материала. Поэтому нами будет обращено внимание исключительно лишь на соотношения, в соответствии которых с действительностью нет оснований сомневаться.

Из 41.437 чел., охваченных сохранившимися списками, первое по количеству место принадлежит крестьянам — их 29.423 чел., т.-е. 71%. Это сразу же определяет Тобольский уезд, как уезд крестьянский. Если принять во внимание, что крестьянская колонизация Тобольского уезда началась лишь с начала XVII в., то быстрый рост крестьянского населения становится очевидным. Все остальные группы населения составили вместе лишь 29%. Из них отметим только две — гулящих людей и крепостных, ибо те и другие теснее остальных связаны с крестьянством. Переписью 1710 г. первые отмечены в количестве 1.173 чел. (2,8%). Здесь, прежде всего, обращает внимание незначительность этой цифры сравнительно с количеством тех же гулящих людей первой половины XVII в. Очевидно, перепись 1710 г. отметила в этом случае явление, вскрывающееся и при изучении других источников, — сокращение к началу XVIII в. количества гулящих людей, служивших до тех пор резервом для создания сибирского крестьянства. В связи с этим явлением стоит и другое, так же отмеченное писцами 1710 г. Этот уменьшенный состав гулящего населения с гораздо меньшей силой, чем в XVII в. переходит в крестьянство. Только незначительная часть известных переписи гулящих людей, приблизительно лишь одна пятая, осела своим хозяйством и то не всегда самостоятельным (половники, присевщики). Большинство же их живет по жилым крепостям у служилых, посадских людей, или же у «прожиточных» крестьян «наймуясь работать всякие дворовые черные работы без озорства». В тех случаях, когда эти крепости давались на продолжительное время, гулящий человек оседал уже в положении полусвободного. Причину этого явления, уменьшение количества гулящих людей и незначительный переход их в крестьяне, кажется, нужно искать в сравнительно сильной заселенности Тобольского уезда этого времени. Последнее привело к тому, что лучшие земли были заняты уже в XVII в. и искомещение новых крестьян становилось все более затруднительным. Вместе с тем деятельность правительства по устройству и «прииску» крестьян вновь значительно ослабела. В частности, для Тобольской губернии выдача казною денежных или натуральных подмог и ссуд сдвинутым на землю гуляющим людям была прекращена в XVII в., что в значительной степени затруднило для безденежного человека

обзаведение собственным хозяйством. Если принять во внимание, что в других уездах, более восточных, эти ссуды выдавались до самого конца XVIII в., то можно предположить, что гулящее население уже в то время переваливало через Тобольский уезд, уходя в дальние более свободные места.

Что касается крепостных дворовых людей, то они были самым малочисленным разрядом населения из отмеченных переписью 1710 г., и однако служили объектом владения для представителей самых различных слоев. Среди владельцев крепостными дворовыми, мы находим, кроме дворян, детей боярских, подъячих, попов, так же и крестьян. Так, крепостные работные люди помечены у крестьян в слободах: В.-Ницынской, Окуневской, Утяцкой и др. В переписных книгах мы имеем указание и на «породу» крепостного человека: это башкир или калмык. Последнее дает возможность хотя бы предположительно определить, те пути, которыми попадали к крестьянам их крепостные работники. Это был, можно думать, «полон», захват пленников во время набегов калмыков, позднее башкирцев на южные слободы уезда. Запрещаемый правительством. «полон» в течение всего XVII в., а частью и XVIII в., служил источником рабства.

Итак, будучи самым многочисленным разрядом населения, крестьянство втягивало, кроме того, в орбиту своей хозяйственной деятельности еще некоторую часть населения: гулящих людей путем превращения их в сельскохозяйственных работников по найму крепостных людей, как несвободную рабочую силу. Это — многочисленное крестьянство и должно было служить основой для хлебного хозяйства уезда и давать казне те необходимые хлебные запасы, о которых было говорено выше.

Остальные разряды населения принимали в этом незначительное участие. Правда, уже давно была указана несомненная наличность собственной запашки у различных слоев населения. Наряду с пашней крестьянской была отмечена служилая, посадская, церковная. Относительно служилых людей высказано даже мнение о значительности их хозяйств. Последнее, думается, не следует преувеличивать. Прежде всего здесь останавливает внимание незначительность, если не сказать отсутствие, сборов государева выдельного хлеба, шедших с запашки служилых людей в размере десятой части урожая. Очевидно объект обложения или отсутствовал или ускользал от учета. В том и другом случае участие служилых людей в поставке в казну хлебных запасов оставалось крайне незначительным. Наличие же, как указывалось выше, большого числа хлебных окладов, которые выдавались лишь в тех случаях, когда служилому человеку пашня не отводилась совсем или, если и отводилась, то в недостаточном количестве, говорит за то, что служилая пашня и фактически не была особенно великой. Такою же по своим размерам

была пашня и посадских людей. Это подтвердил и такой внимательный наблюдатель, как М. О. Долгорукий, бывший Сибирским губернатором в 20-х годах XVIII в., отметивший, что «обыватели в Тобольску хлебу никто сами не пашут... а покупают всегда с торгу». Таким же, если еще не более незначительным было хлебное хозяйство и туземного населения. По всему Тобольскому уезду мы можем отметить только в одном месте облагаемую запашку. Это на Тавде в Кошуках, где жило 96 чел. «татар», которые должны были вносить 216 четей хлеба ежегодно и которые никогда их полностью не вносили. Большинство же туземного населения, жившее в неблагоприятной для сельского хозяйства полосе (по Иртышу выше Тобольска и по его притокам более северным, чем Тавда) совсем не занималось хлебопашеством.

Итак, посадское и служилое население не только не было источником поступления хлебных сборов, но его хозяйства должны быть признаны потребляющими. Благодаря этому крестьянские хозяйства оставались единственным источником, откуда шел хлеб на местные рынки, где крестьяне «исторговывались хлебом, скотом, рыбою и всяким съестным запасом» и в то же время они были объектом натурального хлебного обложения, которое и составляло основу казенных хлебных операций.

Огромная крестьянская масса не была однородной по своему составу; при этом различные ее разряды не отличались количественной равномерностью. Среди всех крестьян подавляющее большинство принадлежало к группе крестьян государственных. Из 58 слобод, население которых нам известно, 47 было заселено ими. По переписи 1710 г. они составляют 70% всего крестьянского населения. Особую группу составляли 8 слобод (Белоярская, что над Пышмой, слобода Китайского острога, слободы Колчеданского острога, слободы Арамилевская, Калиновская, Багаряцкая, Тебеняцкая, Камышевская) с общим населением в 1753 двора-хозяина ²¹⁾, которые были приписаны к заводам. Почти все они расположены в западной части уезда, что и понятно, ибо там была сосредоточена возникающая горная промышленность. Интересно отметить, что все эти слободы, за исключением одной (слободы Колчеданского острога) до переписки были денежнооброчными и, таким образом, в поставке казенного хлеба не участвовали. Кроме вышеназванных, слобода Белозерская была отдана Григорию Дмитриевичу Строганову к его заводам. Всего приписные к концу 1-го десятилетия XVIII в. составляли приблизительно около 19% крестьянского населения ²²⁾. Значительно меньше по численности был разряд мо-

²¹⁾ В это число не входит население Камышевской слободы, величину которого определить не удалось.

²²⁾ Положение приписных было выяснено Семевским в указанной выше работе.

настырских и митрополюх крестьян. За «преосвященным Филофеем, митрополитом Сибирским и Тобольским, было в митрополюх слободах Покровской, Товдинской и Усть-Ницынской, а так же в митрополюе Покровском городке 470 крестьянских дворов. В деревнях и заимках монастырей Знаменского, Рафалова, Далматова и Кондинского считали в тот же год (1702) так же 490 дворов²³⁾». По отношению ко всему крестьянскому населению Тобольского уезда монастырские и митрополюх крестьяне вместе составляли примерно 10%. Эти две группы населения (крестьяне монастырские, митрополюх и крестьяне приписные) были освобождены, как правило, от большинства государственных повинностей и в том числе от обязанностей поставлять в казну хлеб. Первые платили лишь денежные сборы, как-то: деньги драгунские, ямщицкие, седельные и уздяные. Все остальные повинности для них, как и для приписных крестьян после отдачи последних казенным или частным заводам, заменялись обязанностью производить работы на монастырь или завод. Был только один хлебный сбор, которым облагались и монастырские крестьяне — это запросный хлеб. По царской грамоте 1702 г. его велено было «собрать в Тобольске и Тобольского разряду городах и уезде и слободах с его великого государя и архиерейских и монастырских крестьян по полосины ржи со двора, а собрав положить в особую житницу и отдать на винное курение таможенному голове»²⁴⁾. По своей чрезвычайности (он собирался не каждый год) и по специальному назначению запросный хлеб не может быть включен в число обычных хлебных сборов. Последние почти исключительно брались с государевых крестьян, но и с них не со всех. По способу отбывания государевых повинностей крестьянство может быть разделено на 3 группы: денежнооброчных — вносивших свой годовой оброк деньгами, хлебооброчных — делавших соответственный взнос зерном ржи или овса, пашенных — обрабатывавших государеву десятинную пашню или, как ее позднее называли, казенную десятинную пашню, ужин с которой шел в государевы житницы. Из них денежнооброчные в самом начале XVIII в. населяли 22 слободы. Кроме того, отдельные денежнооброчные крестьяне жили и в других слободах пашенных и хлебооброчных. Так, в пашенной Верхне-Ницынской слободе из 271 чел. десять «сидело» на денежном оброке, деньгами же платил 1 чел. в Чубаровской слободе; в Туринской слободе денежный оброк вносили 22 чел. и т. д. По своей численности они немногим превосходили одну треть всех государевых крестьян, около 34%. Нужно отметить, что за первые 10 лет XVIII в. этот процент не увеличивается. Если за это время и имелись случаи перевода с го-

²³⁾ А. С. П., кн. 474, л. л. 55—63.

²⁴⁾ А. С. П., кн. 474, л. 665.

сударевой десятинной пашни или с хлебного оброка на денежный, то наряду с этим были и случаи обратного перевода. В Чубаровской слободе в 1701 г. 3 чел. платили денежный оброк и «с них денежный оброк снят, а положена десятинная пашня десятина с четью и с получетью». В Суерской слободе 37 чел. крестьян, у них детей, братьев, племянников 38 чел. платили государева денежного оброка 16 рублей 27 алтын, 3 деньги и тот денежный оброк с них снят и наложена на них вновь государева десятинная пашня 17 десятин и полполчети в поле». Можно даже говорить об уменьшении количества денежнооброчных крестьян в данный период, ибо отдача 8-ми денежнооброчных слобод (почти треть всех денежнооброчных крестьян) частным и казенным заводам не могла не отразиться на их абсолютной и относительной величине. Установленное количество крестьян на денежном оброке и отмеченное некоторое уменьшение этого количества показывает насколько сильно еще тяготел даже над Западной Сибирью недостаток в хлебе и как сильно благодаря ему, охватывали крестьянство натуральные хлебные повинности. Две трети крестьянского населения все еще были обложены ими. Как мы отметили выше, согласно порядку отбывания этих повинностей крестьянство делилось на две группы: доставлявших оброчный хлеб с своих пашен и пахавших государеву пашню. При сравнении их величин неожиданно малым оказывается разряд крестьян хлебооброчных. Хлебом платили около 200 деревень, расположенных невдалеке от Тобольска вверх и вниз по Иртышу, и вверх по Тоболу — так называемые подгородние крестьяне, 904 двора. Кроме того, хлебооброчными были слободы Туринская, Ингагинская и отдельные крестьяне в слободах Благовещенской, Суерской и Архангельской. Всего они составляли приблизительно 16% крестьянского населения. Подобно денежнооброчным и по тем же обстоятельствам (приписка к заводам) их количество в начале XVIII в. уменьшалось. В 1705 г. сильно населенная слобода Китайского острога, вместе с 8 денежнооброчными, была отдана заводам. Это сразу же на четверть уменьшило количество хлебооброчных. Объяснение этому явлению противоречащему, казалось бы, хлебной нужде Тобольского уезда и несложности хлебных сборов именно при оброчной системе, нужно искать в размерах оброчных поступлений. Средний годовой оклад оброчных крестьян по всему уезду был около 7.000 четей. Действительные же сборы были значительно меньше. Хлебные сметные списки с 1700 по 1708 год включительно показывают, что недобор был привычным явлением. Приведем один пример. Основной всего хлебооброчного хозяйства были подгородние крестьяне. До 1705 г., когда слобода Китайского острога была еще хлебооброчной, они вносили по окладу 4.250 четей из 6.968 (т. е. 61%). Позднее их роль становится исключительной и они дают 79% всего оброчного хлеба по уезду. На этих подгородних оброчных

крестьян помечено было взять в 1704 г. по окладу оброчного хлеба 2.127 четей ржи и 2.127 четей овса; взято же за этот год было лишь 1.390 четей ржи и 1.388 четей овса. 1704 год не был исключением. В следующем 1705 г. вместо 4.250 четей всякого хлеба, помеченных в окладе, удалось взять всего 2.441 четь. Такой же недобор был в следующем 1706 г. И еще хуже обстояло дело в 1707 г., когда вместо окладных 4.262 четей было взято 1.786 четей. Иными словами, фактическое поступление оброчного хлеба составляло лишь 55% помеченного по окладу. Если мы установили выше, что последний был около 7.000 четей, то очевидно в действительности получали вместо этого 3.500—4.000 четей. Это до некоторой степени может объяснить, почему оброк, на который одно время в XVII в. думали перевести всех крестьян, в начале XVIII в. играл такую незначительную роль.

Так выясняется исключительное значение, которое имела десятинная пашня. Пашенные крестьяне жили в 22 слободах в количестве около 4.390 дворов, ровнясь по величине почти половине всех государевых крестьян, в 3 раза превосходя численностью хлебооброчных и на одну треть денежнооброчных²⁵⁾. Общие размеры обрабатываемой ими пашни колебались очень незначительно и достигали 2.300 десятин в поле²⁶⁾. Рассмотренная выше величина Тобольского уезда несомненно сказала на этой значительной цифре... Верхотурский уезд, например, имел казенную запашку всего в 340 десятин²⁷⁾. С этой государевой пашни высылалось в Тобольск три четверти всех хлебных сборов по уезду. Нужно отметить, что это осотношение выведено из поуездных сметных списков и оно преуменьшает величину сбора с десятинной пашни. При чтении этих смет всегда обращает внимание отсутствие в них некоторых пашенных слобод, несомненно имевших в это время государеву пашню. Так, в сметном списке 1704 г.²⁸⁾ не упомянуты в списке слобод, приславших в Тобольск хлеб, слободы Благовещенская, Куяровская, Уицкая, Маслянская, Миасская и некоторые другие. Слободы же выславшие хлеб выслали его сравнительно с запашкой необычайно

²⁵⁾ Сведения о количестве крестьян различных разрядов даются так называемыми именными крестьянскими книгами, в которых вместе с перечислением крестьян указаны оклады десятинной пашни или хлебного оброка. (А. С. П., кн. 474, 1239, 1376, 1406, 1434, 1467, 1480, 1499). Кроме того они заключены в выписках из окладных книг А. С. П., кн. 474, и денежных сметах.

²⁶⁾ По перечневой графе сметного списка 1704 г.—2276 десятин с полудесятиною в поле. (А. С. П. кн. 1406 л. 335); по сметному списку 1705 г. 2201 д сятина. (А. С. П., кн. 1434 л. 395); по подсчету крестьянских книг отдельных слобод за 1703 г. 2312 десятин.

²⁷⁾ А. С. П. кн. 1232 (1700 г.).

²⁸⁾ А. С. П. кн. 1406 л.л. 295—337. Количество высланного хлеба помечено по сметному списку (А. С. П., кн. 1406) величина же запашки по слободским крестьянским книгам (А. С. П., кн. 1499).

мало. Беляковская слобода, например, с 126 десятин государственной пашни выслала в Тобольск всего 130 четей, Архангельская с 81 десятины—110 четей и т. д. Сравнение общеуездных сметных списков с таковыми же списками отдельных слобод показывает с очевидностью, что в Тобольск доходил далеко не весь снятый с десятинной пашни хлеб. Часть его, и значительная, расходовалась на месте в виде окладов местным служилым людям, семенного материала или выдавалась по распоряжению Тобольска в единовременную дачу к тому или иному государеву делу. Подсчет ужина по отдельным слободам по 1703 г. дает цифру в 17.592 чети ржи и 22.394 чети овса, в то время как в Тобольск высылалось лишь немногим более 20.000 четей обоего хлеба. Следовательно, учитывая изложенное несоответствие, мы должны будем признать значение государственной десятинной пашни еще большим, чем это было установлено нами несколько выше. Можно с уверенностью сказать, что старинная форма сибирского хлебного хозяйства — казенная государственная запашка — в начале XVIII в. в Тобольском уезде продолжала почти безраздельно господствовать.

К началу XVIII в. государева десятинная пашня, как форма обложения, пережила уже ряд изменений и по своей величине и по существу. Первоначальный ее размер и характер были выражены известным Тобольским воеводою князем Юрием Яншеевичем Сулешевым. По указу великого государя и по приговору боярина и воеводы было велено «пашенным крестьянам пашни на себя пахать, который крестьянин пашет гос. дес. пашни $2\frac{1}{4}$ десятины в поле, а в дву потому ж и тому велено на себя пахать пашни 10 десятин в поле, а в дву потому ж... а кто пашет государственной десятинной пашни больше или меньше того и тем потому ж велено на себя пахать пашни по расчету»²⁹⁾. Соответственно реальным условиям в этом наказе определяющим моментом была государева десятинная пашня. Как правило крестьянин садился именно на нее, получая за это подмогу и ссуду. При этом ему отводилась применительно к размерам положенного пашенного оклада и в указанной пропорции земля для «собинной» запашки. При небольших размерах сибирской пашни, когда каждая четь хлеба действительно была на счету, ревностно следили за тем или и за другим хозяйством. От начала XVII в. сохранились крестьянские книги, которые вместе с описанием государственной пашни тщательно отмечают и размеры пашни собинной, доказывая этим и действительность существования изложенного соответствия и тщательность надзора за ним. Но подобное положение, понятное во время устройства пашни, быстро, можно думать, стало меняться. Естественно, что при росте населения, в

²⁹⁾ Цитирую по наказным статьям Нерчинскому воеводе (П. С. З., 1701, I, 5).

частности крестьянского, при росте государевой пашни, а следовательно и собинной, при расширении территории, на которой они были рассеяны, надзор над пашней становился все более и более затруднительным. Естественно также то, что внимание администрации, потерявшей возможность объять все, оставалось бдительным только по отношению к государевой казенной запашке и позволяло собинной ускользать из-под надзора. В слободских крестьянских книгах, которые учитывали величину крестьянского тягла в рассматриваемый период, собинная пашня уже не отмечалась даже при посадке на землю нового пришлого человека. Так в 1701 г. в Бешкильской слободе «по пересмотру прикащика Ивана Резмицкого явились пришлые люди из русских городов и из Поморья, велено им пахать десятинной пашни: 1) Борис Митрофанов, сын ямщиков... велено пахать десятинной пашни полполчети десятины в поле, а в дву потомуж; 2) Михайло да Василий Яковлевы дети... велено пахать полчети десятины в поле»³⁰⁾. По характеру этой записи видно, что в начале XVIII в. в крестьянских книгах определялась лишь величина казенной пашни и определялась в данном случае, исходя из учета рабочей силы, т. е. по полполчети на работника. Изъятая из текущего хозяйственного учета, который представляли из себя упомянутые только что крестьянские книги³¹⁾, собинная крестьянская запашка могла быть выяснена теперь лишь специальной и по своему характеру сложную переписью, а так как для повседневной деятельности казенного хозяйства в этом не было необходимости, то подобные дозоры становились все реже и реже. Так с 1700 г. в Тобольском уезде их не было совсем. Это повело к тому, что между величиной государевой десятинной пашни-оклада и размерами собинной запашки временами нарушалось желаемое соотношение. Так в переписной книге Невьянской слободы читаем: «Невьянская слобода на речке Невье, деревня Бибикова на Невье (в ней живет) Еремка Си-

³⁰⁾ А. С. П., кн. 1480, л. 256.

³¹⁾ Они носили название: „книги именные... (такой то) слободы крестьянам и детям их, и братьям, и племянникам, и внучатам, и пасынкам и что они крестьяне пашут по переписным книгам гос. дес. пашни и сверх книг“. Своим происхождением они обязаны необходимости для администрации казенных хозяйств иметь справочные списки. Поэтому и велись они, как и все остальные хозяйственные документы, той же самой администрацией, которая держала в своих руках хозяйственные нити порученного ей участка. Вместе со сметами, пометами, книгами сбора ежегодно пересоставлялись и они. При этом в них отмечались, как изменения в количестве населения с указанием на характер этого изменения (умер, бежал, взят в солдаты и т. д.), так и изменения в тягле: новые обложения и льготы. Списки эти постоянно проверялись, ибо каждый новый приравочник пользовался старыми списками для составления новых, как приравочным материалом, внося отметки о замеченных ошибках. Все это делает крестьянские книги ценнейшим источником для изучения вопросов истории крестьянства.

доров, сын Яков, сказал родился де он в Невьянской слободе, у него дети Федотка 17 лет, Ивашка 9 лет... гос. дес. пашни пашет четь и полполполчети в поле, а в дву потомуж, а собинной у него пахоты две десятины без полчети в поле и сверх указу в пахоте его лишка полчети и полполчети десятины в поле... и на тое лишнюю пахоту прибавлено на него гос. дес. пашни полполчети десятины»...

«Куземка Устинов сказал родился де он на Пенеге в Кеврольском стану, жил за великим государем во крестьянех, в Сибирь пришел и живет в Невьянской слободе с 173 г., у него дети Евтушка да Омелька... (и еще 5 имен) гос. дес. пашни пашет полудесятины с полчетью в поле, а собинной у него пахоты 6 десятин в поле... и сверх указу в пахоте его лишка 2 десятины с четью... и на тое лишнюю пахоту прибавлено на него гос. дес. пашни полдесятины без полчети в поле»³²⁾.

Государева десятинная пашня по этим примерам уже отлична от таковой по наказу Сулешева. Не изменяя принципа количественных соотношений, установленных последним, она вместо того чтобы определять величину собинной крестьянской пашни сама стала определяться ею. Из причины ее она превратилась в ее следствие. Изменение, однако, не остановилось на этом. Данные крестьянских книг XVIII в., хотя и не упоминают о крестьянской собинной пашне, знакомят нас со следующим явлением. В это время размеры казенной запашки, накладываемые на крестьянский двор, не стояли в связи с количеством рабочей силы двора. Именная книга пашенным крестьянам Бешкильской слободы за 1707 г.³³⁾, сообщающая кроме обычных сведений еще и возраст насельников двора, отмечает, что часто дворы различной рабочей мощности имели одинаковый пашенный оклад, или что двор с меньшим количеством рабочих рук пахал больше двора более работоспособного. Так: 1) Аника Иванов, сын Букин, у него сын Алексей 5 лет пашет государевой десятиной десятинной пашни полдесятины в поле, а в дву потомуж; 2) Федор Семенов, сын Медведников пашет гос. дес. пашни полдесятины в поле, а в дву потомуж; 3) 3-е Петровых пахут также полдесятины в поле; 4) также пахал полдесятины в поле Дмитрий Созонов с сыновьями Матвеем 26 лет, Иваном 20 лет, Иваном же 19 лет и Никитой 13 лет; 5) Наконец, Семен Макаров с сыном Саввою 20 лет пахал полполчети десятины в поле. Если приравнять оклад каждого из названных дворов к одной десятине, то мы будем иметь следующий ряд, показывающий обеспеченность десятины пашни рабочей силой. В первом

³²⁾ А. С. П., кн. 697 л.л. 268—69. Пользуюсь книгой Невьянской слободы Верхотурского уезда, соседнего с Тобольским, так как по Тобольскому у. книг близких к XVIII в. с указанием на собинную пашню не сохранились.

³³⁾ А. С. П., кн. 1480, л.л. 251—55.

и во втором дворе 2 работника на 1 десятину, в третьем 6, в четвертом 9, считая подростка за полрабочего, в пятом 32. Это резкое несоответствие обеспеченности рабочей силой с размерами поля едва ли могло быть в нормальных условиях на собинной пашне крестьянина. Естественно предположить, что это несоответствие существовало только на казенной пашне; т. е. установленное расхождение величины рабочей силы и величины оклада выражало расхождение величин окладного и собинного полей. Этому соответствует и другое явление — постоянство пашенных окладов для отдельных дворов. Эти оклады оставались неизменными очень долгое время, иногда в течение всей жизни пашенного крестьянина, а по его смерти переходили к его наследникам, которые продолжали пахать на государя все тот же «повыток отца своего». Едва ли можно предполагать, что все это время отсутствовали колебания в собственной запашке. Последняя, как реальная хозяйственная единица, жила, меняла состав и величину своей рабочей силы, размеры обрабатываемых угодий. О последнем с достаточной ясностью можно судить по закладным, меновым, поступным письмам, которые свидетельствуют о значительных размерах перехода из рук в руки хозяйственных угодий (особенно «сенных покосов»). Вместе со всем этим и происходит отмеченное выше нарушение установленного соответствия между собинной пашней и казенным окладом. Это было засвидетельствовано и самой государевой администрацией. «Ведомо учинилось», читаем мы в царской грамоте на Сибирь, «что крестьяне пашут десятинную пашню на великого государя и на себя не против его вел. гос. указу, а иные и не пашут, живут на льготе по нарочкам приказных людей»³⁴). Одновременно с отмеченным стихийным процессом пашенная администрация и сама, когда это считалось выгодным, уничтожала даже подобие соответствия размеров государевой и собинной пашни. В Тобольске старались не допускать уменьшения раз достигнутых размеров казенной запашки. Крайне редки указания о выключении из оклада какой-либо пашни. Между тем часть собинных хозяйств приходила в упадок, уменьшалась, иногда исчезала совсем. Книгами отмечено несколько случаев такого исчезновения. Их вызывали или смерть дворохозяина, не оставившего наследников, или просто желающих вступить в тягло с его двора, бегство крестьянина, после которого не осталось поручителей, и т. п. Но исчезало при этом хозяйство, а не оклад. Государство сохраняло последний, переложив его не на отдельный двор, а на всех крестьян вместе. Так в Нижне-Ницынской слободе «за Петра Анисима Околелова пашут десятину без полчетверти все крестьяне згоном, а он (Петр) умре»... Так же пахали згоном за

³⁴) А. С. П., кн. 1350, л. 1.

Федора Леонтьева, «а он Федор умре. Остался у него сын Григорий в малых летех»³⁵⁾.

Итак к началу XVIII в. десятинная пашня была натуральной повинностью фактически независимой от количества владеемой крестьянами земли. Это положение было осознано тогда же, а в 1721 г. и номинальная зависимость размеров государственной пашни от собинной была отменена. Приказом Сибирского губернатора Черкасского «с товарищи» было велено «Сибирской губернии пашенным крестьянам пахать десятинной пашни на каждый двор по десятинае и полчетверти десятины в поле, а в дву потомуж»³⁶⁾, — независимо от размеров их собинных пашен.

Самый размер пашенного оклада на крестьянский двор до 1721 г. установлен нами подсчетом данных крестьянских книг. В начале XVIII в. он не был еще одинаков ни для отдельных крестьянских дворов, ни для слобод... Так по Н.-Ницынской слободе он колебался от 1,5 десятины на двор до полполчети, в среднем по Н.-Ницынской слободе 0,6 десятины. В слободе Киргинской на двор приходилось по 0,7 десятины, в Терсяцкой же слободе лишь по 0,3. В среднем по всему уезду на двор приходилось по полдесятинае. Это вдвое меньше того, что установлено было князем Черкасским в 1721 г. Таким образом, его указ, кроме изменения принципа обложения, повлек за собой, по крайней мере, в Тобольском уезде, значительное утяжеление повинности. Чтобы оценить тяжесть этого обложения необходимо выяснить те работы, которые производили крестьяне по этой полдесятинае. Они не кончались уборкой хлеба с поля. В обязанности крестьян входили: молотьба, переработка части зерна в крупу, муку, солод. При этом, чтобы избежать значительной утечки, иногда при выдаче надельного (предназначенного для обработки) зерна обозначали и меру желаемого продукта. После всех этих работ хлеб хранился в государевых житницах выборными из крестьян целовальниками, пока не отсылался в Тобольск³⁷⁾. Как видно из перечня, в обязанности пашенных крестьян входили все работы по обработке хлеба. Это позволяет при оценке их оклада воспользоваться ценою хлеба на Тобольском рынке за этот период, ибо последняя и была выражением такой полной стоимости. По «примерной» цене (принятой при казенных расчетах) четь ржи в Тобольске в самом начале XVIII в. стоила 8 алтын, четь овса 6 алтын³⁸⁾. Если принять вывод, что каждый двор пахал на государя в

³⁵⁾ А. С. П., кн. 1499, л. л. 89—116.

³⁶⁾ Указ Черкасского был отмечен в свое время Семевским, который однако, не имея его в руках, не смог правильно определить ни размеры, ни объект обложения.

³⁷⁾ Характер крестьянских работ на государственной пашне был описан Козьминным: «Очерки прошлого и настоящего Сибири». Спб. 1910.

³⁸⁾ «Да они ж...крестьяне дают приказчиком кормового жалования з двора хлеба по полчети ржи, овса потомуж итого. 164 чети с

среднем полдесятины в поле, то при среднем урожае с десятины в 10 четей овса и 6,8 чети ржи, который был в Тобольском уезде в рассматриваемое время, мы будем иметь, что окладная пашня каждого крестьянина давала в год 5 четей овса и 3,4 чети ржи. В переводе на деньги того времени это составляло 1 р. 71 к.

Этот перевод стоимости натуральной повинности на деньги позволяет сравнить ее величину с теми денежными сборами, которыми облагалось пашенное крестьянство сверх обработки государства поля³⁹⁾. Последних каждый крестьянский двор вносил по 94,2 коп., т.-е. почти в два раза меньше натуральных поборов.

Чтобы не повторять несколько утомительных расчетов, укажем лишь, что обложение хлебооброчных и денежнооброчных крестьян было значительно меньше. Первые вносили всех сборов на 2 р. 03 к. со двора (из них 1 р. 09 к. хлебом), вторые со двора вносили лишь по 1 р. 49 к.⁴⁰⁾ Таким образом, к различию характера повинностей присоединялось еще и различие в тяжести обложения.

Изложенное выше приводит нас к заключению, что наиболее плодородный и заселенный юго-западный угол Сибири (Тобольский уезд начала XVIII в.) в первой половине XVIII в. все еще продолжал испытывать, несмотря на столетнюю колонизацию, недостаток хлебных запасов, что вызывало существование казенного хлебного хозяйства. Последнее даже усилилось в рассматриваемый период и в середине 20-х годов казенная десятинная пашня, в результате реформы князя Черкасского, была больше, чем в самом начале XVIII в.⁴¹⁾ Это влекло натуральное обложение, охватывавшее большую часть крестьянского населения, и бывшее одною из самых тяжелых крестьянских повинностей. С указа 1721 г. тяжесть этого обложения в общем была еще увеличена.

Остается указать на то, как справлялось это казенное хозяйство с выясненными нами задачами. Абсолютные цифры хлебных

осминою ржи (а овса потомуж). А по примерной цене четь ржи по 8 алтын, овса по 6 алтын⁴⁾. (А. С. П., кн. 1469, л.л. 331—332).

³⁹⁾ В начале XVIII века крестьяне Тобольского уезда вносили денежных сборов: 1) сбор на судовые припасы, с двора по 5,5 копеек, 2) сбор за охотье, мякину и солому (6 к.), 3) кормление прикащикам (15 к.), 4) драгунам на жалование (30 к.), 5) на жалование ямщикам (5 к.), 6) на седельное и уздьяное строение (1,5 к.), 7) поворотные деньги (25 к.), 8) проватные деньги (5 к.), 9) десятую деньгу (1 к.). Всего 94 копейки.

⁴⁰⁾ Указанное различие сводилось исключительно к различной величине оклада: а) государственной десятинной пашней, в) хлебным оброком, с) денежным оброком. Приведенные же в примеч. 39-ом сборы были одинаковы для всех 3-х разрядов.

⁴¹⁾ По окладным книгам 1722 года в Тобольской провинции было помечено вспахать десятинной пашни 22216,25 десятин в трех полях (7738,75 в поле). Донесение Долгорукова. Северный Архив, ч. 18. 1825 г. В 1700-ых годах, как было указано выше, пахали около 2500 десятин в поле.

поступлений с казенной пашни и оброка были приведены выше. Здесь мы ограничимся лишь указанием на то, в какой мере они удовлетворяли запросы. В большинстве рассмотренных лет потребности уезда указанными хлебными поступлениями были удовлетворены полностью. Но так было не всегда. Начало десятилетия было отмечено значительными затруднениями. В 1699, 1701 годах государевы житницы кончили год с крайне ограниченными остатками⁴²⁾. Временами же казенного запаса не хватало совсем и тогда правительство принуждено было для хлебных «дач» закупать хлеб на стороне. Так в 1699 г. били челом березовские служилые люди и юстяцких князцов тайша Гиндин с товарищи о выдаче им в оклад хлебного жалования. Хлеба в государевых житницах не было, и для отправки в Березов было закуплено 400 пудов муки ржаной на 30 рублей, на 6 алтын, на 4 деньги. Месяцем раньше для той же Березовской посылки было куплено еще 400 пудов муки ржаной. На два года ранее за недостатком казенного хлеба обратились за помощью к игумену Кюдского монастыря. В 206 г. было взято «взаимы в Коцком монастыре у игумена Ионы з братьею для хлебной скудости... 100 четей муки ржаной для того, что в Тобольске в государевой казне запасов было малое число»⁴³⁾. Изложенные затруднения по всей вероятности и были причиной позднейшего увеличения пашенных окладов.

⁴²⁾ А. С. П., кн. 1239, л.л. 52—54.

⁴³⁾ А. С. П., кн. 1239, л.л. 52—54.

НАША ТРИБУНА

По поводу наблюдений В. А. Варсонофьевой над вогулами¹⁾

(Пояснения и поправки).

1. Не только «вершины Удаля поделены между отдельными вогулами», (см. стр. 97), но и все таежные, лесные и рыбные угодья искони распределены были между родовичами туземного населения. Зырянская колонизация, а позже русская, нарушила прерогативы вогульского народа на его землю, создала условия его обнищания и ускорила падение национальной культуры, особенно под влиянием обращения в христианство и прикрепления к деревням.

2. Конечно, в настоящее время нельзя уже говорить о том, что «вогул хорошо сохранились их национальные особенности, в течение 300 лет энергично искореняемые».

Остатки, обрывки материальной и духовной культуры древней «югры», которая жила на довольно большом пространстве всего Северо-Востока Европейской России до переселения к северу финнов, а позже русских славян, остатки эти уцелели теперь только у западно-сибирских остяков и вогул—наследников этого воинственного когда-то народа-охотника. У тех и других едва осталось кое-что национальное от своей когда-то единой и довольно богатой «югрской культуры». Оленные кочевые остяки в значительной степени теперь испытывают на себе влияние самоедской тундровой культуры, южные вогулы забыли родной язык, совершенно обрусели, сами отрекаются от своего происхождения и только несколько разрозненных остячко-вогульских и лесных вогульских родов хранят у себя свои угасающие этнические традиции в семейных преданиях, в навыках охотничьего промысла, в подробностях женского быта и технических приемах различной работы. Некоторые оседлые остяки рыболовы по Оби и Иртышу также сохранили в обиходе много древнего, но Сосьвинские вогулы (южной Сосьвы), как видно из описания В. А. Варсонофьевой значительно подверглись денационализации. Это отражается даже в женской одежде, т. к. все уже привыкли к ситцу и сатину и неправильно называют «шубой» верхний суконный распашной калат по покрою одинаковый с зимним сахом, сахем или сахай-ем, который, будучи шит из оленьего и из беличьего меха, бывает иногда сделан на подкладке из шкур молодого оленя или даже из шкурок гагар. В прежнее время каждый вогул имел по такому халату для снажья и такой сах не был снабжен завязками, как денной женский.

Пышный, белый «постельный», мех, которым обшивается воротник саха, в старину бывал песцовым, а теперь делается из белой собачины.

Кроме того, и вогулам особенно при посредстве зырян, очень часто попадает уже готовая самоедская и остяцкая женская одежда, типич-

¹⁾ См. статью В. А. Варсонофьевой «Географический очерк бассейна Уньи» («Сев. Азия», 1929, кн. IV).

ная для тундровых оленеводов, которые любят пестроту чередования полос темного и совершенно белого оленьего меха с обшивкой по подолу из мохнатой и пышной шкуры собак, убитых зимой. И те пестрые полоски орнамента, о которых говорит автор, с кружевом-прошвой (вроде аппликаций) типичны именно для меховой остяжкой одежды с узором в виде оленьих рогов, березовых сучьев, заячьих ушей и др. а в вогульском орнаменте чаще можно видеть тетеревов, их гнезда, медвежьи следы, куропаточью ногу, соболей, куниц, беличью мордочку и т. д. Но эти мотивы прочнее удержались на берестяной посуде, особенно погребальной, когда вогулы хоронят «своих» без православного духовенства.

3. Нельзя, конечно, говорить, что хорошо сохранились «и древние верования». Ведь все вогулы крещены, везде—иконы. Но «остатки» старой национальной религии все-таки есть всюду и эти драгоценные сведения необходимо как можно тщательнее собирать, хотя бы по отдельным крупницам.

Вся жизнь вогуличей до сих пор пронизана старинными обрядами и пропитана страхом перед грозными силами суровой уральской природы, в борьбе с которой каждый охотник и оленевод по традиции обращается с молитвой к своим предкам и верховным духам, населяющим и леса и горы и озера и реки... Русские боги чужие, многого не понимают... а главное не говорят по вогульски. Всюду приносятся жертвы, в шкастудке—почти в каждой семье есть свои близкие, родные божки и боженята. Конечно, это не «дьявол с дьяволятами» и не «бог зла», как пишет В. А. Варсонофьева, а обыкновенные пенаты — предки, которых надо прикармливать и угощать при каждом удобном случае, с которым можно разговаривать запросто, которым нужно оказывать свою любовь и почтение, взамен получая охрану и помощь и долгодетный опыт дедов и прадедов. Культ этот силен по всему северу и увсе хтуземцев. И, конечно, в данном случае нельзя было ссылаться на авторитет невежественного полувогула-полусамоеда, остроумно указавшего автору наблюдений на аналогию с главными персонажами православной веры. Жаль, что упущена возможность узнать, кого именно изображали эти фигуры, завернутые и одетые в разные лоскутики. Особенно интересно, что тряпки были «белые», т. е. белый цвет—цвет мертвецов, цвет обескровленного тела, цвет неба, населенного духами без плоти, цвет облаков, на которых они живут и передвигаются.

Дервянные идолы, которых удалось видеть В. А. Варсонофьевой среди развалин уральских скал—это «иконы местных божеств»—хозяев гор, ручьев, рек и долин. Им приносятся жертвы для успешной рыбной ловли, охоты, для счастливого пути и благополучия на время пребывания в пределах их ведения и их влияния. Заостренная форма головы таких фигур имеет прямую связь с пра-финской традицией конических головных уборов, изображаемых на т. н. «чуждских образках» (т. е. на древне-югорских иконах), и суконных конических шляп остячко-вогульских и лопарских шаманов. Это очень интересное наблюдение.

4. Принесение в жертву лошадей, практикуемое до сих пор в глуши уральской тайги—ценное сведение. Мне рассказывали многие зыряне верховья р. Вычегды, что «нигра», т. е. вогуличи из за Печоры в прежние годы, особенно до войны, т. е. до 1914 г., появлялись каждое лето и скупали заморенных белых лошадей или черных с белыми отметинами на груди и на лбу, перегоняли их летом на верховья Печоры и к Уралу «для своей надобности». Ясно, что и теперь еще конские жертвы приносятся «древним богам».

5. Мимолетное и очень красиво описанное наблюдение В. А. Варсонофьевой над пляской во время бури очень ценно в этнографическом отношении. Не случайностью объясняется это совпадение. Слепой вогул

знал, что делается для прекращения непогоды: он стал играть на гусях и умиловать разбушевавшихся горных духов. Пляска его семейных также была затеяна с этой целью, т. е. вера в магию звука и жеста сильна в среде этих детей леса и гор до сего дня. Они с нею родились и с нею умрут. Мировоззрение их складывалось тысячами и оттого то оно так сложно и безусловно представляет глубокий научный интерес.

6. «Чум из вареной бересты» (см. стр. 97), это конический переносный шалаш, который устанавливается из ровных, довольно тонких колеб, скрепленных наверху ремнями. Чум покрывается полотнищем берестяных брезентов размеров 3 × 5 метров, сшитых и прошитых оленьим сухожильем из двойных листов пропаренной (вареной) березовой коры и является прекрасной защитой от дождя и ветра.

Д. Т. Янович.

СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО.

К созданию национально-туземных округов.

Туземные советы и райисполкомы, как известно, существуют в РСФСР уже давно. Они раскинулись на необъятной территории, начиная от нашей границы с Финляндией и кончая крайним северо-востоком Азии—Чукотским полуостровом. Туземцы через свои советы и РИКи принимают участие в советской государственности и сами строят свою культурную и хозяйственную жизнь. Опыт организации национально-туземных районов показал, что только путем перевода работы органов управления всецело на самостоятельность и активность туземцев можно разрешить задачу обслуживания туземных народностей и приобщения их к советскому строительству.

Насколько велико наше внимание к отсталым туземцам, которые в прошлом были лишь объектом жестокой эксплуатации (через спаивание, кабальные сделки или даже прямой грабёж) для русских и иных купцов, видно из того, что сейчас ставится вопрос об организации самостоятельных целостных национально-туземных округов.

Шестой пленум Комитета содействия народам Севера при Президиуме ВЦИК признал необходимым создание в Европейской части РСФСР, во вновь организуемом Северном крае, самоедского округа, который будет подчинен непосредственно исполкому Северного края. Пленум также вынес решение и об организации целостных национальных округов народа эвенки (тунгусы) в Азиатской части РСФСР на Дальнем Востоке. В дальнейшем намечено создание национального туземного округа в районе верховьев р. Нижней Тунгуски, на территории Сибкрая и Якутии, и одновременно пленум Комитета Севера поставил перед Уральским облисполкомом и Сибирским крайисполкомом вопрос о разработке проектов организации самостоятельного национального туземного округа на севере Тобольского и Томского округов.

Описать теперешнее положение самоедской народности, разорванной на две части границей Архангельской губернии и автономной области Коми-Зырян и народа эвенки (тунгусы), разделенного границей между Якутией, Бурят-Монголией, Сибкраем и Далькраем, и в то же время представить некоторый фактический материал и практические предложения к предстоящему районированию туземных округов и является целью настоящей статьи.

О создании национально-туземного самоедского округа в Северном крае.

В целях развертывания творческой деятельности самоедского народа на крайнем севере Европейской части РСФСР организуется самостоятельный целостный национально-туземный округ в составе 4-х тундр: Большеземельской, Малоземельской, Тиманской и Канинской с административным центром в с. Тельвиски.

Необходимость такого мероприятия ясна, ибо существовавшая до сего времени административная граница между Архангельской губ. и автономной областью Коми-Зырян разделяла самоедский народ на две части и подчиняла их властям 2-х совершенно разнородных администра-

тивных объединений. Существовавшая административная граница между Коми и Архангельской губ. не обеспечивала нормальных функций самодских туземных органов и, кроме того, приводила к неоднократным ляпсусам при проведении работы среди туземцев. Например, шли споры о принадлежности туземных территорий; на Большеземельскую тундру (территория Коми-области) распространялись иногда две власти: коми-зырянская и архангельская, так как самоеды беспрепятственно кочуют с одной территории на другую: лето значительная часть самоедов проводит в Большеземельской тундре Коми-области, а к зиме перекечевывает в Архангельскую губ. и вместе с этим все обслуживающие самоедов учреждения, в том числе и туземные советы, следуют по пятам кочевников и попадают на «чужую» территорию. Отсюда выростали конфликты, споры между органами Архангельской губ. и области Коми. Один подобный конфликт был вызван тем, что Тельвисочный ВИК (Архангельской губ.) не мог в течение зимы созвать совет самоедов, в виду их разбросанности, и сделал это летом на территории.. Коми области, куда они перекечевали. Тот же Тельвисочный ВИК посылал на территорию Коми-области своих представителей для организации туземных советов, на что местные власти Коми-области, не видевшие между туземцами, находящимися на территории области, «своих» и «чужих», отвечали репрессиями по отношению к названным представителям.

Вопрос об объединении самоедов в один цельный округ ставился давно, подымался он и Архангельским губисполкомом и самими самоедами, которые еще в 1927 г. послали в Москву в ВЦИК телеграмму следующего содержания: «8 съезд самоедов Большеземельской и Малоземельской тундр шлет большой поклон Великому Исполкому в Москве. За десять лет советская власть стала сильной и хорошо помогает самоедам. У самоедов оленей стало больше, товаров ввозят больше. Самоедских детей учат в школах и лечат в больницах. Самоеды хотят жить вместе, просим скорее выделить самоедам тундру, чтобы они сами в ней распоряжались. С. Тельвисочное».

В дальнейшем инициатива самоедов в этом деле усилилась и на очередном самоедском съезде советов опять обсуждался вопрос об организации национально-туземного округа и опять съезд телеграфировал ВЦИКу: «9-й съезд самоедов Больше-и Малоземельских тундр шлет поклон Главному Исполкому в Москве. Благодарим Главный Исполком за помощь и просим в будущем также помогать. Съезд единогласно просит соединить самоедов всех тундр: Канинской, Тиманской, Малой и Большой в отдельный самоедский округ и присоединить к Северному краю. Самоедское 18-1-29 г.» А вслед за этим, в связи с разговорами в Архангельске и отчасти в Москве о нецелесообразности создания отдельного самоедского округа, 4-го июня самоеды послали новую петицию с просьбой объединить все тундры Севера в самостоятельную самоедскую единицу.

Границей организуемого туземного округа на севере будет Ледовитый океан, на западе—Мезенский залив; на юге граница совпадет с границей европейской тундры и на востоке пройдет приблизительно по существующей границе между областью Коми и Тобольским округом Уральской области, в направлении на север к Карскому морю. В состав нац. округа вводится крайний северо-восточный угол Большеземельской тундры, что находится за рекой Карой (в междуречьи рек Кара и Ой-Яга). Этот участок тундры лежит уже в Азии и до сего времени входил в состав Тобольского округа. Граница самоедского округа не будет являться чем-то непреодолимым. Даже после создания самоедской нац. территории приполярной тундрой будут пользоваться все оленеводы, кои пользовались ею до сего времени, без различия национальности. Также и притундровой полосой, заселенной русскими и зырянами, будут

пользоваться и самоеды, ибо часть самоедцов, преимущественно каминских, иногда кочует южнее границ самоедской территории. В случае же гололедец возможен переход границ туземцами в большем числе и с большим удалением к югу. Во всяком случае такие переходы не могут вызвать конфликтов между самоедами с одной стороны и притундровым населением (русскими и зырянами) с другой, так как последние в свою очередь тоже переходят границу самоедской территории и занимаются (к северу от нее) охотой и пастьбой оленей.

При определении границ учтено одно существенное обстоятельство. Притундровая полоса, примыкающая с юга к самоедскому округу, населена русскими и зырянами и те и другие живут оседло в селениях по рекам: Пеза, Неса, Сула и Уса, но вместе с тем имеют колонизаторские тенденции к северу в сторону самоедской территории. Предусматривая это движение, южная граница самоедского округа спроектирована так, что между крайней линией русских и зырянских поселений и границей самоедского округа оставлено значительное пространство (шириной в десятки км.), как резервный колонизационный фонд для русского и зырянского населения.

Общая площадь самоедского округа довольно обширна — около 235 тысяч кв. км., т. е. равняется Италии. С запада на восток она имеет протяжение до 1000 км. На указанной территории будет объединено 94% самоедов, проживающих в тундрах РСФСР (5196 человек из 5514)¹⁾.

Население самоедского округа составит из самоедов—5196 (61,4%), зырян—2238 (26,5%), русских—1027 (12,1%); всего 8461 чел (100%). Из них: кочевников 5119, полуоседлых 2125, оседлых 1617 чел.

Приведенные цифры взяты по самоедской территории без дельты р. Печоры (без Пустозерской вол.), которая выкраивается из самоедской территории. Дельта р. Печоры относится к Архангельскому округу в виду наличия там малого числа самоедов (300 чел.) и большого числа русского населения (3615 чел.), издавна, с новгородских времен, занимающегося здесь охотой, рыболовством и зверобойным промыслом. Русские поселки, расположенные в тундре по р.: Вижас, Оме, Снопе и Пеше, входят в состав самоедской нац. территории и сохраняют свои самостоятельные русские сельсоветы. Уместно сказать, что само русское население не протестует против оставления их в пределах туземного округа, учитывая невозможность отрыва их селений от самоедской территории без нарушения целостности национального округа.

Как уже говорилось, описанный округ будет подчинен непосредственно крайисполкому Северного края в Архангельске, к которому округ тяготеет как к ближайшему административному и культурному центру и как к торговому порту, обслуживающему туземцев товарами дешевым морским путем.

Административным центром самоедского округа намечается с. Тельвиски, расположенное в устье р. Печоры вблизи от лесозавода «Комилес». Районными центрами намечены: с. Пеша для западных тундр и Хасада-Хард для восточных. Последнее имеет специально организованную культурную базу для работы среди самоедов.

Имеющиеся данные показывают полную целесообразность организации самоедского округа. Весь север Европейской части РСФСР от полярного округа до побережья Ледовитого океана и от Мезенского залива до Урала представляет сплошную полосу тундр, которая по своим природным условиям резко отличается от остальной территории Северного края. Самоедский округ, занимающий указанную территорию тундр, отличается от других округов Северного края не только природными условиями (полярная зона), но и экономикой (оленоводческое хозяйство),

1) Цифры взяты только по Европейской части РСФСР.

которая является результатом своеобразия тундровой зоны, а также отличен своим национальным составом (самоеды).

Туземные округа на Дальнем Востоке.

Народ эвенки (тунгусы) занимают на Дальнем Востоке колоссальнейшую территорию. Начиная от рек Витим и Олекма, что находятся в Забайкалье, кочевья тунгусов тянутся через бассейн рек Зея и Алдан к Охотскому морю и от него доходят до устья р. Кольмы, впадающей в Ледовитый океан. Эвенки кочуют в тех местностях, где соприкасаются границы Сибирского края, Бурято-Монгольской и Якутской республик и Дальневосточного края. Беда народа эвенки заключается в том, что он административно разделяя между Б-МАССР, ЯАССР, Сибкраем и Далькраем, что является пережитком дореволюционного деления края. Такое положение заставляло тунгусов в каждом из вышеуказанных государственно-политических объединений строить отдельные органы власти, экономические организации и культурные учреждения.

Туземный Витимо-Олекминский округ

Витимо-Олекминский туземный район заселен ороченами (тунгусское племя) и по составу своего населения, однородности его занятий и почти полному отсутствию нетуземного населения представляет один из самых цельных туземных округов. Население этого района, подразделяющееся на свои традиционные родовые группы, не только считает себя одной и той же народностью, но даже самостоятельно стремится «создать нечто вроде общего органа туземной власти. Это стремление вылилось в своеобразный институт «уполномоченного пяти ороченских родов».

В административном отношении район разделен на 4 части: одна отнесена к Бурято-Монголии; другая—к Сибирскому краю (знаменитый Завитимский угол—хитроумное изобретение никогда здесь не бывавших администраторов царских времен и чертежников карт); третья—к Якутии, которая вклинивается сюда узким туликом; четвертая—к Дальневосточному краю. Не говоря уже об абсурдности такой выкройки, она порождала массу конфликтов и недоразумений, ибо ею пользовались лущники, чтобы бить своих конкурентов и подданных другой «державы» не рублем и не качеством работы, а административным нажимом.

Орочены Витимо-Олекминского района подразделяются на 6 основных родов: тулуягерцев, кочующих в Дальневосточном крае и Сибкрае; локишкагерцев, кочующих в Бурято-Монголии, Дальневосточном крае и Сибкрае; бултыкагерцев, кочующих в Дальневосточном крае, Сибкрае и Бурято-Монголии; кондыгерцев, кочующ. в Якутии, Сибкрае, а иногда в Бурято-Монголии; какигерцев, кочующих в Якутии, и катчигинцев, кочующих в Сибкрае.

Общее число орочен этого района около 6.000 чел.; из них около 800 учтены и принадлежат к Дальневосточному краю, 400—к Бурято-Монголии, часть учитывается в Якутии и лишь в Киренском округе Сибирского края орочены не учитываются и вряд ли Киренский исполком знает, что его территория населена ороченами и что округ по карте доходит чуть ли не до Уссурийской ж. д.

Все туземное население данного района говорит на ороченском наречии языка эвенки. Знание других языков, преимущественно русского, распространено среди мужской части, вынужденной приезжать в русские населенные пункты за товаром. Обрусение и обьякучивание в данном районе не наблюдается, так как миссионеры в дореволюционное время наезжали в эту местность редко, а якуты здесь никогда не жили.

Основными промыслами орочен Витимо-Олекминского района являются охота и оленеводство. Часть оленеводов сохранила достаточные стада для того, чтобы жить за их счет, но охотой все же занимаются все, так как она дает орочену основной денежный доход. Олень—средство передвижения и дает возможность заниматься извозным промыслом, которым, однако, чаще всего занимаются крупные оленеводы, имеющие возможность выставить большое количество оленей и гарантировать перевозку крупных партий груза. Оседлые орочены, особенно живущие по притокам Витима, разводят и рогатый скот. Скотоводство среди орочен имеет все данные для развития, и переход к скотоводству отдельных хозяйств без всякого содействия со стороны государства свидетельствует, что орочены способны развернуть скотоводство.

Товароснабжение всего Витимо-Олекминского района ведется тремя путями¹⁾ со ст. Могоча, Забайкальской ж. д. (ДВК) по грунтовой дороге 102 км. до Тунгирского тупика, (на территории ЯАССР), где находится организованый Далькрайсоюзом ороченский кооператив «Эбянки», снабжающий всю восточную и отчасти северную часть ороченского района; 2) от Зюльзи, в 93 км. т Нерчинска и в 100 км. от ст. Присковая заб. ж. д. (ДВК); здесь находится самое старое туземное кооперативное объединение «Зюльтуздо»; из Зюльзи идет зимняя дорога в центр Витимо-Карентской тайги—Талачу, которая отстоит от Зюльзи на 310 км., и 3) из города Читы по хорошей грунтовой дороге до р. Витима к селу Романову (182 км.) и дальше вниз по р. Витиму сплавом. Товары развозятся внутрирайона зимой на оленях, а летом—сплавом по Витиму и Тунгиру; летом внутренними путями сообщения служат еще верховые тропы. Все товароснабжение района находится в руках двух кооперативов: «Эбянки» и «Зюльтуздо». Раньше здесь работал Якутторг, но не выдержал конкуренции туземной «Эбянки» и свернул свою работу. На смену ему пытался проникнуть сюда со стороны Баунта Бурторг, но надобности в нем не чувствовалось.

Данные по туземным кооперативам дают следующую картину:

Кооператив	Членов	Паевой капитал	Основной капитал	Продажа товаров за год	Число отделен.
„Эбянки“ . . .	276	9457	23103	390,104	4
„Зюльтуздо“ .	136	708	10126	35,447	3
Итого . . .	412	10165	33229	425551	7

Уместно сказать, что за 1927 г. основной капитал этих кооперативов увеличился на 20.800 руб. Влияние кооперативов сказывается далеко за пределами границ района,—в Джемкуе на Каларе и других пунктах. Цены на товары в обоих кооперативах значительно ниже, чем в факториях Якутторга Олекминского округа Якутии; что является результатом связи с Заб. ж. д., поэтому туземцы самых отдаленных районов приезжают за товарами в торговые пункты «Эбянки» и «Зюльтуздо».

В целях содействия снабжению района необходимо: 1) улучшение сплава по двум основным водным путям этого района—Витиму и Тунгиру и проведение грунтовой дороги протяженностью свыше 375 км. к р. Калакону или даже к озеру Амудиза от станции Ксентьевская заб. ж. д. и 2) слияние «Зюльтуздо» и «Эбянки», в коммерческом отношении даст особые плюсы: уже теперь часть своих товаров «Эбянки» и «Зюль-

туздо» получают с рынков заготовки целыми вагонами, а при слиянии практику прямых и крупных закупок товаров можно будет расширить и значительно удешевить розничные цены.

Если обвести на карте территорию, освоенную ороченцами, то получится следующая этническая граница Витимо-Олекминского ороченского туземного округа: от водораздела в истоках р. Каренги к р. Емурчени по водоразделу на левом берегу р. Витима; через Витим вверх по речке Тала до озера Чалбули; отсюда на север по меридиану г. Бодайбо до минеральных источников на берегах р. Ципы, а затем на северо-восток до р. Токсима; от р. Токсима через Витим и вверх по р. Токсима (правая сторона) и дальше по водоразделу между верховьями р. Колара и р. Чары на Олекму у порога Сыр-Дыр; по Олекме до устья р. Нюкжи и по водоразделу между рр. Нюкжей и Олекмой в направлении на ст. «Ерофей Павлович» Заб. ж.-д. до нынешней границы между ЯАССР и ДВК; затем на запад по границе до верховьев р. Нерчуган; по р. Нерчугану до р. Нерча и по правой стороне ее до притока Елка и отсюда на истоки р. Каренги.

Бурят и якутов, как постоянных жителей, в пределах этой территории нет совершенно. Русские кое-где встречаются в пограничных с приисками районах и в виде зимовщиков в Нерчинской тайге. Таким образом по однородности национального состава этот туземный округ может поспорить с любой автономной национальной республикой или областью.

Если исходить из существующих на административных картах границ Бурято-Монголии, Далькрая, Сибкрая и Якутии, то национальный ороченский туземный округ должен получить:

От Далькрая	42.139 кв. км. площади
„ Якутии	41 669 „ „ „
„ Сибири	33.101 „ „ „
„ Бурято - Монголии	19.851 „ „ „
<u>Всего</u>	<u>136760 кв. км.</u>

Проведением новых административных границ, которые подробно очерчены выше, будет организован крепкий и однообразный по населению тунгусский туземный округ. Создание округа позволит объединиться туземным кооперативам, а объединение кооперативов даст крепкую и здоровую хозяйственную основу для округа и быстро без особой помощи государства поднимет благосостояние туземного населения. Создание тунгусского (ороченского) округа решит вопрос о судьбе основной группы племени орочен: разведенные по мелким группам, они осуждены на прозябание и медленное исчезновение; объединенные — они сумеют создать хозяйственные и советские учреждения, построить бездефицитное хозяйство путь к оздоровлению туземцев.

Касаясь вопроса об окружном центре, надо сказать, что сами ороченцы считают, что он должен быть у озера Амудиза, в 8—9 днях оленьего пути как от устья Калазона, так и от Тулика (т. е. около 300—350 км). В районе этого озера имеются великолепные олени корма, по близости находятся чистяки—места, в которых можно летом содержать табуны оленей. В целях поддержания регулярной связи надо будет устроить у озера Амудиза радио-станцию и провести туда грунтовую дорогу.

Зейско-Алданский округ.

Туземцы — основные и постоянные обитатели огромных пространств горной страны, простирающейся от р. Алдана на юг почти до самой Уссурийской ж.-д., разделены границей между Далькраем и Якутией на

две части. Граница эта после революции не пересматривалась, а была принята по наследству от царского времени. Возможно, что и теперь граница не привлекла бы к себе внимания, если бы местные якутские органы власти, принявшие бывшую Якутскую область в прежних границах, сохранили существовавший ранее формальный порядок отношения к этим границам. Как известно, до 1923/24 г. туземное население пограничных районов бывш. Амурской и Якутской областей границей не считалось: она для них фактически не существовала, и туземцы получали необходимые товары и продукты там, где было выгоднее; теперь товары к туземцам, живущим на территории Якутии, забрасываются кружным путем через Якутию, что удорожает товары. Более дешевая доставка товаров производится с юга Далькрайсоюзом и кооперативом «Буяги», организованным на территории Якутии Далькрайсоюзом и обслуживаемым товарами из Благовещенска и Хабаровска.

Зейско-Алданская территория составляется из Желтулакского и Сугоджаротокского туземных районов Далькрая и из части Якутии, ограниченной с юга нынешней границей, с запада — водоразделом между бассейнами Нюкжи и Алдана и верхним течением Алдана, на севере — средним течением р. Алдана, на востоке — правым притоком Алдана р. Учур, верх по нему до устья р. Сюдум и по речке Удым до границы Чумиканского района Далькрая.

По ориентировочным подсчетам в этих границах к Алдано-Зейскому туземному округу принадлежит следующая площадь:

А. От Далькрая	
1. Желтулакский район	29.802 кв. км.
2. Сугоджаротокский "	57.040 " "
	86.842 " "
Б. От Якутии:	
3. Алданский	141.396 " "
	Всего . . . 228.238 кв. км.

Постоянное население на этой территории представлено племенем эвенки, известных под названием орочен. Зейско-алданские орочен представляют по внешним признакам трудно-отличимую переходную ступень к собственно-тунгусам — эвенки, живущим к юго-востоку по верховьям рек Селемджа, Бурей, Тунгуска и Амгунь. В эту группу туземцев входят:

в Желтулакском районе . . .	357 чел.
в Сугоджаротокском " . . .	501 " "
в Алданском " . . .	1100 " "
	Всего . . . 1958 чел

Возможно, что количество туземного населения в Зейско-Алданском округе преуменьшено, но, как будет видно из последующего, это не меняет дела. Южной этнической границей якутов, как известно, является р. Амга. Если между рр. Амгой и Алданом еще можно встретить редкие и небольшие якутские поселения, то южнее р. Алдана якуты вкраплены отдельными единицами и мелкими группками. Следовательно с национальной точки зрения Зейско-Алданская горная страна — типичная земля эвенки-орочен.

Нет никакого основания строить для орочен, разделенных Якуто-Дальневосточной границей, отдельные туземные кооперативы, исполжо-

мы, школы и т. д. Еще меньше оснований учить ороченских детей, живущих к северу от первой цепи Яблоновых гор, якутской грамоте; а живущих к югу края рядом с первыми — русской, вместо того, чтобы помочь ороченам совместными усилиями создать свои ороченские школы.

Язык у всех орочен — джелтулакских, нюкжинских, сугоджаротокских и других — один и тот же — ороченское наречие языка эвенки. Будучи до самого последнего времени совершенно изолированными, они хорошо сохранили свой язык, быт и хозяйственные навыки.

Если хозяйство сугамских и отчасти сугоджаротокских орочен зиждется преимущественно на оленеводстве и охотничьем промысле, то джелтулакская и нюкжинская группы, благодаря удачной работе туземных кооперативов, довольно успешно приспособили свое хозяйство к извозному промыслу. Кооперативы совместно взяли подряд на почтовую гоньбу, разрешая таким образом очень удачно вопрос о заработке для своих членов; это важно потому, что копытный зверь и даже медведь, служившие еще недавно основой ороченского питания, катастрофически уменьшаются в числе по всей Зейско-Алданской горной стране. Между прочим оба кооператива не объединены только благодаря пресловутой границе, проходящей между ними.

Все снабжение туземцев находится в руках трех туземных кооперативов, организованных и обслуживаемых Далькрайсоюзом. Состояние этих кооперативов характеризуется следующими цифрами:

Название	Чле- нов	Паевой капитал	Собствен. капитал	Оборот за 1927 год	Число отдел.
1. Джелтулакск о. п.	53	265	4826	196.162	4
2. Сугоджаротокское п. о. .	33	190	1651	40.000	3
3. „Буяги“	53	530	30000	204.327	7
	144	985	36477	440.489	14

В районе джелтулакского кооператива и «Буяги» вся торговля в руках кооперативов. Связь между ними и складами обеспечена. Хуже идет торговля в Сугоджаротокском районе: кооператив слаб и в отношении финансовом и по составу работников, а имеющаяся сеть факторий государственной торговли и золотопромышленности ведет свирепую борьбу против кооператива. В случае административного объединения всех орочен Зейско-Алданской горной страны и слияния кооперативов может образоваться мощный кооператив, способный не только справиться с задачами снабжения и сбыта, но и двинуть реорганизацию туземного хозяйства, которое сейчас переживает явно переломный период.

Пути снабжения Зейско-Алданского округа берут свое начало от станций Усурийской ж. д.: Уруша, Б. Невер, Тыгда — в Далькрае. Кроме того, в летний период заброска товаров производится вверх по р. Зее пароходами также из Далькрая. Путь от ст. Большой Невер идет по Амуро-Якутской грунтовой магистрали и поэтому трудностей не представляет. Из Уруши идет снабжение лишь небольшой части Джелтулакского района, так называемого Урушинского совета, почти непосредственно примыкающего к Усурийской ж. д. Более затруднительно снабжение Сугоджаротокского района, но при комбинированном использовании водного и грунтового пути оно может идти без перебоев. (Кон-

чание постройки Амуро-Якутской грунтовой магистрали несколько облегчило снабжение Джелтулака, Ньюкжи и части Сугоджаротокского района.

Как уже указывалось выше, в данном туземном округе сохранились полностью дореволюционные границы: прежнее положение изменилось в сторону ухудшения после 1923—24 гг. в связи с тенденцией якутских органов власти сделать фактической ту границу, которая была только фиктивной.

Необходимость объединить всех туземц Зейско-Алданской горной страны несомненна. Осложнение в этом вопросе может произойти лишь в связи с добычей золота и давнишними спорами по вопросу о том, куда отнести эту богатую золотом горную страну — к Далькраю или к Якутской республике, и где провести точную границу. Но если к этому вопросу подходить только с точки зрения хозяйственной целесообразности, отбросив местничество, то решение вопроса не вызовет затруднения.

Предпосылками для решения вопроса о создании Алдано-Зейского округа должны являться: 1) объединение всех зейско-алданских золотых площадей в одну административную единицу; 2) пути золото-промышленных предприятий (Амурская грунтовая магистраль, связывающая Алдано-Зейские прииска с Уссурийской ж. д.) показывают, что все пути снабжения золотопромышленной Зейско-Алданской тайги будут базироваться на железную дорогу, т. е. на Далькрай, а не на р. Лену, т. е. Якутию; 3) перспективы изменения национального состава Зейско-Алданской страны показывают, что дальнейший прирост населения пойдет за счет элемента, идущего из Далькрая на золотые прииска (золотопромышленные горнорабочие), главным образом, русских, украинцев и китайцев.

Туземный округ на террит., тяготеющей к охотскому морю

Традиционно административно-географической границей между Далькраем и Якутией по хребтам Джуг-Джур и Становому, вся территория, тяготеющая к побережью Охотского моря, разделена на две части: восточную, расположенную между этими хребтами и берегом моря, принадлежащую Далькраю, и западную, раскинувшуюся к западу от цепи гор в Якутии. Горный край, простирающийся в этой местности, экономической границы не представляет и служил лишь условной географической границей для бывших Якутской и Приморской областей, мало привлекавших к себе внимание центральных органов царской России.

Западную границу Охотской туземной территории можно примерно провести от Чумиканского района Далькрая вверх по рр. Сюдум и Учур до впадения последней в р. Алдан и по р. Алдану до устья р. Алах-Юна и вверх по ней до истоков; отсюда этническая граница народов эвенки делает скачок на левый приток р. Индигирки—р. Кенте и идет вниз по ней до самого устья.

К Охотскому морю тяготеет также полоса, обнимающая бассейн верхних течений рек Индигирка, Колыма и Омолон, шириной от 100 до 150 и больше километров, считая от Колымского хребта на север. На самом деле эта полоса, тяготеющая к Охотскому морю, значительно шире, но здесь берется только та территория, тяготение которой к Охотскому побережью бесспорно.

Восточная полоса местности между морем и хребтом, принадлежащая Далькраю, состоит из трех туземных районов народа эвенки: Чумиканского, Охотско-Аянского и Ольского. Только первый район является округленным районом, и полно объединяющим все туземное население своей местности; два последних района состоят из длинной береговой полосы по Охотскому морю неравномерной ширины (от 50 до 400 км), часть населения которого в зависимости от времени года и состояния

промысла живет в пределах этих районов Далькряя или уходит за хребты в пределы Якутии. Тоже надо сказать и в отношении населения западной стороны хребта, — для нее хребет также не является границей и население летом, опасая скот от москитов, перекочевывает к берегу Охотского моря, где одновременно занимается рыболовством. Как та часть эвенки, которая сохранила промысловое оленеводство, так и та, которой олень служит лишь средством передвижения (особенно для охоты), кочуют со своими стадами и промышляют зверя по обоим сторонам хребта. Пределами тунгусских кочевий на востоке являются берег моря, на западе — низовья р. Мая, а на севере — среднее течение рек Индигирки, Колымы и Омолона.

Территория и население трех туземных районов Далькряя известны относительно точно. Их показатели следующие:

Р а й о н	Кв км.	Насел. всего	В том числе:		Прочие
			Эвенки	Якуты	
1. Чумиканский	96216	1331	1169	58	104
2. Охотский	72169	3998	2135	281	1682
3. Ольский	69855	2635	1571	116	948
	238240	7964	4855	455	2734

Как видно, на Охотском побережье большинство населения состоит из тунгусов, несмотря на то, что в береговой полосе они со времени появления здесь русских казаков (с половины XVII в.), якутов и других пришельцев подвергались свирепому напору искателей мягкой рухляди (пушнины). Надо заметить, что среди «других» (последняя графа таблички), русских и относительно русских — метисов — числится 2.433 чел., однако, в последней цифре имеется значительный процент и обрусевших тунгусов.

Территория южной части якутской тунгусской полосы между Становым хребтом и течением рек Сюдум, Учур, Алдан и Алах-Юна равно приблизительно 217.244 кв. км., а северная часть этой же полосы, находящаяся в бассейне верхних течений рек Индигирки, Колыма и Омолона занимает около 78.352 кв. км., т. е. всего 295.986 кв. км. тунгусской территории находится сейчас в пределах Якутской республики.

По непроверенным данным, население очерченной западной полосы исчисляется в 7—8 тысяч чел., в том числе больше 6 тысяч тунгусов. Якуты вкраплены здесь в основную массу туземного населения отдельными хозяйствами, реже — небольшими поселками, и значительная часть их занимается посредничеством. Влияние якутов на данный район слабо, имеются факты обьякучивания.

Большинство населения всей местности говорит на охотском наречии языка эвенки. Встречается еще якутский язык, являющийся преимущественно торговым языком. Знание его распространено среди мужчин, которым приходится иметь дело с торговцами. В оседлых населенных пунктах господствует русский язык. Несмотря на сильный денационализаторский напор, которому подвергались эвенки, начиная с XVII века со стороны русских и якутов, все же следует признать весь район тяготения к Охотскому побережью типичным тунгусским районом.

Экономика тут такова. По всему Охотскому туземному округу преобладает охотничий промысел; по крайней мере редкое хозяйство не пополняет хотя бы часть своего доходного бюджета от продажи промышленного зверя. Оленеводство, вследствие падежей, а также из-за неразумных и разорительных форм гужевой повинности, которая в западной (якутской) части сохранилась до сих пор, находится в упадке, и лишь в южной части района (Далькрай) извозный промысел многим хозяйствам дает основную статью дохода. Рыбный промысел по мере уничтожения оленьих стад приобретает с каждым годом все большее значение не только для эвенки, кочующих по восточному склону Станового хребта, но и для западников, отделенных от моря Становым хребтом. Зверобойный промысел как серьезный источник денежного дохода начал развиваться только в самые последние годы. Хозяйство кочевников с каждым годом все сильнее втягивается в систему товарного хозяйства. Самым ярким показателем служит вхождение привозного хлеба в обиход эвенки.

Административные границы — дореволюционные и нынешние — в Охотском туземном районе совпадают; разница, как указывалось, лишь та, что в дореволюционное время проведенные по карте границы никому не мешали, а теперь, когда они превращаются в рогатку, разрывающую на две части Охотскую группу тунгусов, эти границы становятся нетерпимым тормазом для роста культурного уровня и экономического благосостояния эвенки. В дореволюционное время формальная граница между Якутской и Приморской областями по хребтам Джуг-Джур и Становому в снабжении не играла никакой роли. С момента же организации Якутской республики местные власти последней стремятся провести эту границу всерьез. С 1925 г. начинаются конфискации якутскими местными властями товаров, направляемых зимним путем из товарных баз на Охотском побережье Далькрая в районы, лежащие к западу ют хребта, т. е. в Якутию. Нелепость таких действий не требует доказательств. Туземные районы, лежащие к западу от хребта, могут получить наиболее дешевое снабжение только из пунктов, лежащих на берегу Охотского моря. Как на востоке, так и на западе от хребта, постоянным и основным населением являются тунгусы. Как уже говорилось, тунгусам нет дела до административных границ, так как вся земля от Охотского моря до р. Алдана и его притоков была и осталась землей тунгусов, между тем в настоящее время западные тунгусы оказались всерьез отрезанными таможенной рогаткой от моря, т. е. от дешевого товара.

Как относится население к этой рогатке, видно из следующей телеграммы, посланной из г. Нелькана (Якутия) в г. Охотск (Далькрай): «Нельканский улусный ревком на основании постановления чрезвычайного съезда тунгусов, состоявшегося в Нелькане, официально предлагает Аянскому охоттовариществу провести кооперирование населения улуса. В Нелькане существовало якутское потребительское объединение Холбос. Нужды промысловика удовлетворить не могло. Ныне распалось. Оставшиеся товары Холбоса на сумму 3.000 руб. передаются Аянскому т-ву. Мотивировка тунгусов: Нелькан от Аяна неотделим, существующая граница разъединяет пять туземных родов, кои летом скочевывают к морю, а зимой — к Нелькану. Экономика тождественна, и единственный источник существования туземцев — охота и оленеводство. Граница по хребту Джуг-Джур делит тунгусские роды на две половины, что приносит сильный экономический ущерб одной, ибо одна снабжается из Аяна, другая из Нелькана, где цены выше средней на 200%. В Якутии нет охотничьей организации, а таковая является жизненной необходимостью туземцев».

Телеграмма эта послана охотниками Нелькана аянскому охоттовариществу в январе 1928 г. Таких заявлений от групп тунгусов, кочующих в Якутии, в устном и письменном виде поступает много. Так, оймьяконцы

(тунгусское племя) просили Охотский районный ревком разрешить посылать делегацию в Хабаровск с просьбой уничтожить эту нелепую границу. Далькрайисполком отклонил просьбу оймоконцев повидимому потому, чтобы не создавать впечатления, что Далькрай стремится присоединить к себе некоторые территории Якутии. Делегация принята не была, но эвенки, кочующие к западу от Джуг-Джура и Станового хребта, продолжают настойчиво обращаться к Охотскому исполкому и другим организациям Охотского побережья. Приведем несколько таких обращений. Вот заявление тунгусов Кюрбугдинского рода Нельканского района Якутской АССР:

«Мы, тунгусы, Кюрбугдинского рода Нельканского района, Якут. АССР, в составе 10 юрт, с населением мужчин 21 человек и женщин 25, желаем жить в Далькрае Охотского района и исполнять все ваши распоряжения. Жить в Якутской АССР мы не желаем. Ввиду того, что 1) мы за последние годы настолько обеднели, что остались совершенно без оленей; 2) мы имеем много своих родственников в других родах, живущих в Охотском районе, и ранее сами кочевали по вашему району; 3) как раньше, так и в настоящее время мы снабжаемся товаропродуктами и охотничьими припасами из Охотского района, а не из Нелькана; 4) рыболовством, которое при нашей бедности играет для нас немалую роль можно заниматься в вашем районе. Ваш район даст возможность нам более лучшего прожития, нежели Нельканский, в котором всего указанного мы не найдем, а поэтому просим вас считать нас своими и выбранный нами родовой совет утвердить, в чем и подписываемся. За неграмотностью прикладываем свои личные печати и отпечатки своих больших пальцев. 4 июля 1928 года, стойбище Уля. Переводили заявление на русский с якутского и тунгусского якут — Портнягин и тунгус — Громов».

Тунгусы Оймьяконского района Якутской АССР, Баягонтайского улуса Мемяльского наслега подали в Охотский районный исполком такое заявление:

«Мы, тунгусы, Оймьяконского района живем в настоящее время в пределах ЯАССР. Все мы ведем кочевой и бродячий образ жизни, занимаясь исключительно охотой и рыболовством. Домашних животных — коров и лошадей, мы не имеем. Лошадей и рогатый скот имеют только якуты, которые находятся в гораздо лучших против нас, тунгусов жизненных условиях. На Оймьяконском плоскогорье никаких злаков и овощей не родится. Не родится также и хлебное зерно. Все мучные продукты завозятся из Якутска и Охотска. С давних пор мы, тунгусы, эксплуатируемся якутами (подразумеваются якуты-торговцы в изобилии встречающиеся в туземных районах. В. Ш.). От этой эксплуатации не избавлены мы и в настоящее время. Она выявляется в разных видах. Тунгусы, лишенные хлебных продуктов, оружия, огнестрельных припасов, табака, чая и прочего и не имея непосредственной связи, ввиду отдаленности с Охотском и Якутском — вынуждены бывают приобретать все перечисленное от якутов мелких и крупных торговцев и в большинстве случаев не из первых рук, а поэтому приходится переплачивать баснословные цены, особенно на предметы первой необходимости. Из-за этого приходится залезать в неоплатные долги к торгующим, особенно к мелким торговцам, которые разъезжая по местам наших кочевий дерут с нас шкуру, тем более с тех, кто состоит в задолженности. Якуты-торгаши не стесняются за полкирича чая брать по 10 и 15 рублей, и часто за эту сумму тунгусы отдают своих оленей и остаются совершенно нищими и обреченными на голодовку. Якуты часто практикуют следующий способ обирания тунгусов: пользуясь безвыходным положением тунгусов, якуты дают им в кредит на несколько десятков рублей разных припасов и предметов первой необходимости, без которых тунгусы обойтись не могут. Если бывает нечем уплатить в срок, то якуты берут напрокат наших оленей

для доставки груза и припасов, которые тунгусам же и продают по высоким ценам. Бывает, что взятые напрокат олени якутами вовсе не возвращаются, потому что вследствие удаленности и климатических условий нашего края задолженность тунгусов не может быть своевременно погашена, а отсюда она все более и более увеличивается. При таких условиях за последние годы от тунгусов было взято несколько сотен, а может быть и тысяча с лишним оленей. Эти олени нам не возвращены, и по слухам находятся на перевозке грузов у прииска Таммоп. Хотя мы, тунгусы, и поневоле отдали своих оленей, но полагаем, что ввиду хорошего заработка на Таммоте олени вполне отработали нашу задолженность, и могли бы быть нам возвращены. Якуты продолжают пользоваться нашей темнотой. Они пользуются нашим трудом и оленями. Надо сказать, что собственных оленей якуты не имеют и доставляют к нам на Оймакон груз и продукты на наших оленях, которых они берут напрокат или же мы сами нанимаемся ими возить грузы. При таких условиях зарабатывают опять-таки якуты-богачи, а мы являемся ихними батраками. Когда грузы достигают мест назначения, то якуты продают их и дерут с нас невероятные цены и мы, тунгусы, чтобы не умереть с голода, вынуждены волей-неволей платить что запросят и таким образом снова залезаем в кабалу к якутам.

Видя разные несправедливости со стороны торгашей, мы обращаемся за помощью к советской власти. Но якуты и в этом случае, в том числе из числа сотрудников местной власти, запугивают нас тем, что если мы обратимся с жалобой, то нам же будет хуже. Мы слышим от всех своих сородичей, посещающих Охотск и его районы, что там поступают совершенно иначе. Там идут навстречу трудящимся и улучшают жизнь населения, особенно бедняцкого и относятся одинаково ко всем национальностям, будь-то русский, тунгус или якут. На основании этого мы, тунгусы Байгонтайского улуса, Мемяльского и Бокса наслегов желаем, чтобы Охотский район взял нас под свою защиту и избавил от притеснения граждан Якутской республики. Мы желаем отделиться от ЯАССР и присоединиться к Охотскому району вместе с той местностью, в районе которой мы ведем кочевой образ жизни.

Нас, тунгусов, в этой местности приблизительно до 3.000 человек. считая женщин и детей. Точного количества душ не знаем. Всего в этом районе тунгусов около 20 наслегов. Якутов здесь приблизительно 1.500 человек. Живущих севернее нас к Ледовитому океану тунгусов мы знаем мало, но тунгусов всех насчитывается к северо-западу от Охотска до 150 наслегов. Тунгусы разбросаны на большом расстоянии по Оймакону до Ледовитого океана и часть даже соприкасается с чукчами Анадырского района. Общее количество тунгусов нам неизвестно, но если взять в расчет места кочевок и количество наслегов 150, то будет по меньшей мере 8—10 тысяч. Мы просим Охотский районный исполком исходатайствовать разрешение послать в навигацию наших делегатов в центр, чтобы они подробно ознакомились там с жизнью соввласти и научились вести самостоятельную жизнь. Мы желали бы послать из своей среды молодых людей для учения, чтобы по возвращении из центра они могли быть полезными для тунгусского народа и научили нас жить. Мы надеемся, вернувшись, рассказать, как живет в Охотском районе туземцам, и вполне уверены, что к навигации не только окружающие нас наследи, но и самые отдаленные тунгусы пожелают присоединиться к Охотску, чтобы избавиться от ига якутских торгашей. Под вышеизложенным давлением якутов мы жить не можем, и продолжение такого к нам отношения поведет к обнищанию и вымиранию. Об устройстве нашей жизни местные органы Якутии не заботятся. При районировании от тунгусов делегатов не просили, а приезжали к нам из Якутии, и под давлением якутских делегатов, происходили выборы, и тунгусы имели в этом важном для них деле самую пассивную роль.

За все время возникновения ЯАССР от тунгусского населения взят в школу только один мальчик. Медпомощи в нашем районе нет совершенно. Может быть и есть за несколько сотен верст от нас фельдшерские пункты, но мы их не знаем, и при болезнях из-за дальности расстояния не обращаемся. Ветеринарных пунктов нет совершенно и мы о лечении животных даже не знаем.

К этому можем еще добавить, что в Оймяконском районе есть тунгусы бедные и богатые [авторы письма, как мы видим, проявляют классовое чутье. В. Ш.], при чем, самые бедные или не имеют совершенно оленей или же имеют по 2—3 головы, а богатым тунгусом у нас называется тот, который имеет около 50 оленей.

Заступиться за нас и улучшить наше положение может только советская власть, и, надеясь на нее, мы и подаем это заявление. Мы слышали ранее, а теперь и лично убедились на деле, о заботливом отношении Охотского районного исполкома к тунгусам и вполне уверены, что центр советской власти не оставит без внимания нашего заявления. Охотск, 18 января 28 года. Тунгусы ЯАССР Оймяконского района, Мемяльского наслега: Егор Васильевич Голиков (дактилоскопический отгиск большого пальца правой руки), Константин Васильевич Голиков (тоже); член наследного совета Боксонаслега: Гавриил Иннокентьевич Борисов, служит красной власти по выборам 6 лет (подпись).

Указанное письмо туземцев не только рисует тяжелое положение тунгусской народности, жестоко обираемой якутскими торговцами, но только ставит вопрос о присоединении к Дальневосточному краю западной части тунгусской территории, тяготеющей к Охотскому морю, но и показывает, насколько политически выросли некоторые представители эвенки.

Основными источниками снабжения всех туземных районов, тяготеющих к Охотскому побережью, являются прибрежные пункты, принадлежащие Далькраю бухты: Чумикан, Аян, Охотск, Иня, Ола, Тауиск, Ямск, Тахтоямск и Туманы. Товары завозятся в эти пункты пароходами из Владивостока в течение всей навигации, т.-е. с июня по октябрь. Морские пути снабжения этих мест безусловно не изменятся не только в ближайшее, но и в отдаленное время. Кроме того с организацией АКО (Акционерное Камчатское общество) и рядом серьезных мероприятий по увеличению тоннажа Совторгфлота на Дальнем Востоке подводится твердый фундамент под снабжением всего бассейна Охотского моря. Грунтовых путей сообщения в районах, тяготеющих к Охотскому побережью, по существу нет. Поэтому в распространении товаров, привезенных морем, играют исключительное значение зимние пути и олений транспорт. Отсюда — рост извозного промысла, что сдерживает катастрофическое уменьшение оленьих стад. Намечаемое проведение Аяно-Нельканского и других трактов от разных пунктов побережья в глубь материка должно будет облегчить и удешевить внутренние переброски товаров.

Уместно будет отметить, что завоз товаров на туземную территорию, тяготеющую к Охотскому побережью, со стороны Якутска потерял свое значение со времени организации регулярных пароходных рейсов из Владивостока. Вместе с ростом советского каботажного пароходства и портового строительства на Охотском берегу, морской снабженческий путь станет исключительно для всех туземных районов Якутии, тяготеющих к морю. С каждым годом рост роли Владивостока, как базы для снабжения туземных районов, увеличивается.

С разрешением вопроса об объединении тунгусов, все группы тунгусов от р. Гижиги на севере до водораздела между рр. Тунгуром и Амгуэнью на юге и от морского побережья на востоке до р. Алдана на западе представляют один цельный национальный туземный округ эвенки (тунгусов) со следующей территорией и населением:

Тунгусов в этом округе будет не меньше 70%.

Вопрос об окружном центре на ближайшие годы повидимому придется решить в пользу Охотска, хотя последний имеет один существенный недостаток — это трудности по разгрузке пароходов.

Население самоедского округа составит из:

самоедов . . .	5196	(61,4 ⁰ / ₀)
зырян . . .	2238	(26,5 ⁰ / ₀)
русских . . .	1027	(12,1 ⁰ / ₀)
Всего . . .	8461	(100 ⁰ / ₀)

Из них:

кочевников	5119	чел.
полуоседлых	2125	"
оседлых	1617	"

Национально-туземный округ в бассейне реки Колымы.

Колымский округ, занимающий весь бассейн р. Колымы административно уже оформлен и входит в состав ЯАССР. Граница его с Далькраем проведена частью по известному Колымскому хребту, частью по р. Чаун с выходом на южную оконечность Чаунской губы, иначе говоря, Колымский округ наполовину замкнут Далькраем, границы которого охватывают его с юго-запада, юга и юго-востока, а также с востока и северо-востока. Граница не является ни этнической, ни хозяйственной, а чисто административной, переданной к нам от старой эпохи. Она делит туземные племена на две части: в районе Чаунской губы кочевья туземцев проживающих на территории ЯАССР начинаются в верховьях р. Кувет на востоке (Камчатский округ Далькрая) и кончаются у нижнего течения р. Колымы (ЯАССР). Кочевья туземцев Верхне-Анадырского района Далькрая точно также располагаются как по восточному склону гор, входящему в пределы Далькрая, так и по западному, входящему в пределы Колымского округа ЯАССР. Тоже наблюдается и на границе Омолонского района Колымского округа и Пенжинского района Камчатского округа Далькрая, где местные аборигены кочуют и охотятся по обоим сторонам Колымского хребта.

Колымский край можно подразделить следующим образом. 1) Западная тундра, расположенная между рр. Индигиркой и Колымой, от их низовьев до их верховьев; в ней обитают 7 туземных юкагирских родов: дункинский, каменный, эрбечкейский, хангайский, хододинский, кункугурский и юкагирский; 5 родов говорят на одном общем языке юкагирском, а 2 рода — на ламутско-юкагирском (разновидность юкагирского); в западной тундре проживают также чукчи, которые занимают побережье океана к западу от р. Колымы (р. Чукочия и другие). 2) Восточная тундра, расположенная между р. Колымой на западе и существующей границей с Далькраем на востоке и рр. Онюй и Омолон на юге; население этой тундры — каменные ламуты и чукчи, которые разделяются на племена «Иккыргабывын» — «Собачьих». 3) Омолон-Онюйский район, занимающий большую часть бассейна рек того же наименования (р. Омолон и р. Онюй); обитателями являются каменные ламуты, а также юкагирские роды: «Делянский» и «Балаганский»; эти туземцы говорят на одном юкагирском языке. 4) Районы сопредельные с Далькраем; они начинаются от устья р. Чаун и тянутся по восточному склону Анадырского хребта Камчатским горам и отрогам Станового хребта; здесь обитают юкагиры, анаулы, чуванцы, каменные ламуты, почти исчезнувшие омоки и частично коряки.

Большинство населения обоих тундр и население Омолон-Онюйского района говорит или на юкагирском языке или на наречиях:

очень сходных с ним и преобладающим языком здесь всеми считается юкагирский. В районах пограничных же с Камчатским округом господствуют говоры камчатских народностей: чукчей и коряков. В оседлых населенных пунктах долин рр. Колымы и Индигирки живет преимущественно население из метисов, говорящих частью на якутском, частью на испорченном русском языках.

В Колымском крае коренным туземным населением являются юкагиры, когда-то многочисленный народ, населявший большую часть побережья Ледовитого океана. Есть и тунгусы (ламутские племена), чукчи и другие народности. Население Колымского округа достигает 11.000 чел.; из них туземцев 6.938 (в том числе ассимилированных 3099); остальное число падает на русских и якутов.

Состояние туземцев плачевное. До самого последнего времени на туземное население Колымского округа обращалось недостаточное внимание. Бывают частые голодовки. Во время голодовок идет безудержная спекуляция. Все бывшие крупные оленеводы западной тундры впадают нищенскую жизнь. Некоторые из них, забирая свои олени табуны, переселяются в восточную тундру, боясь грабежа со стороны соседей якутов и русских и не желая быть предметом объединения для своих обнищавших сородичей. Туземец, сохранивший оленей не может отказаться в лице своим обнищавшим родичам, но кормить их — значит завтра стать таким же нищим, как и они. Из этого трагического положения они выбираются бегством в сторону Камчатских гор.

Доход населения Колымского края определяется следующими цифрами. Заготавливается при средне-нормальном урожае: белки 100.000 шт.—160.000 руб., горностая—30.000 шт.—90.000 руб., лисицы 1.000 шт.—25.000 руб., песца 7.000 шт.—210.000 руб., прочей пушнины на 150.000 руб., оленьего сырья добывается на 25.000 руб., мамонтовой кости на 30.000 руб.; разные меховые изделия — ковры, кухлянки и проч. на 25.000 руб.; итого 715.000 руб. Это основные цифры дохода населения. Имеются и побочные заработки: перевозка товаров, служба и проч., что выражается в сумме 345.000 руб. Весь бюджет населения выражается в сумме приблизительно до 1.300.000 руб. Работающие в этом крае организации всю свою заготовительную деятельность направляют только на более рентабельные виды промысла — пушнину и мамонтовую кость. При надлежащей постановке дела бюджет населения должен значительно возрасти; напр., рыбный промысел, благодаря отсутствию средств лова, играет вспомогательную роль, хотя по естественным данным мог бы занять солидное место в экономике края, так как на Д. Востоке имеется большая емкость для рыбной продукции, но население занимается рыболовством только в размере своих личных потребностей. Тоже самое с дикой птицей и лесными разработками. При соответствующем обслуживании этого края можно заготовить и вывезти минимально рыбы на 300.000 руб., дичи разной (птицы) на 75.000 руб.; между тем никаких попыток к заготовкам и вывозу этих богатств со стороны работающих там организаций не было. Причина в том, что край удален от своего управляющего центра Якутска и фактически оторван от него расстоянием и горными кряжами. Соответственно этому на улучшение экономического благосостояния населения края, а особенно туземцев, не обращалось достаточно внимания.

До открытия морских путей население Колымского края привозные товары получало из России — гужом, нартовым путем через Якутск. Населенные пункты Колымской долины служили пунктами снабжения туземного населения края, а также перевалочными пунктами по переправке товаров в Анадырь-Чукотский край. С открытием морских путей в Ледовитом океане картина резко меняется. До 1927 г. Колымский край снабжался путем доставки товаров в устье р. Колымы морскими пароходами из Владивостока и Америки. От устья р. Колымы

товар перевозился по реке на катерах в Нижне-Колымск и Средне-Колымск. Эти два места служили базой для дальнейшего распределения по факториям. Все фактории, находящиеся по нижнему и среднему течению р. Колымы снабжались товарами пловучими средствами, а находящиеся по верховьям р. Колымы снабжались по прежнему сухопутью из Якутска и Булуна. Фактории по р. Индигирке также снабжались гужевым способом со стороны Якутска и Булуна. С 1927 г. морской снабженческий путь в Колыму может считаться советизированным и роль Владивостока, как базы этого пути, прочно установленной. Трудно, конечно, допустить, чтобы американцы отказались от выгодного для них проникновения сюда тем более, что наш северный флот пока ограничивается парой старых и опасных для плавания во льдах пароходов «Колыма» и «Ставрополь» и шкуной Дальгосторга «Пионер». (бывш. «Наме»). Но мы пошли все-таки дальше иностранцев. Если иностранцы доходили до устья Колымы, то мы достигли устья р. Индигирки, — туда был завезен товар шкуной Дальгосторга «Пионер». С приходом шкуны в устье Индигирки для населения Индигирского края открылись широкие перспективы в области снабжения. Картина совершенно изменяется, ибо морской транспорт совершенно прекращает всякую сухопутную доставку товаров и тем самым прекращает экономическое влияние г. Якутска на Колымский и Индигирский районы. Практиковавшийся до последнего времени способ снабжения населения по р. Индигирке стоил крайне дорого. И мало того, туземцы кочующие по тундре нижнего течения и устья р. Индигирки, оставались годами без всякого снабжения. Был случай, что одна группа туземцев стала известна благодаря белогвардейцам, спускавшимся вниз по р. Индигирке. Раньше стоимость товаров выражалась в колоссальных цифрах и ложилась тяжелым бременем на туземцев. Многие продукты питания были недоступны для населения. Напр., стоимость провоза товаров со стороны Якутска и Булуна до фактории Аланха и других факторий близких к ней, выражалась от 900 до 1,500 руб. за тонну. Следовательно, тяжелые товары, как мука, соль и другие при такой стоимости провоза были недоступны для туземного населения. А если продукты и потреблялись, то стоимость их обесценивала промысел населения.

Значение захода шкуны в Индигирку характеризуется следующими цифрами: в Аланхе якутские организации торгуют товарами, завезенными гужевым путем, по ценам: мука 1 р. 15 кг., сахар 1 р. 50 к. кг. ситец по 1 р. 20 коп. метр и т. д. В некоторых случаях наценки доходили даже до 800% Дальгосторг, завезший товар морем, торгует по ценам: мука 45 коп., кг., сахар 1 р. 12 к. кг., ситец 60 коп. метр.

Если до сего времени торгующие организации принимали от населения более ценный легкий доступный к отправке гужевым путем промысел (пушнина), то при открывшемся новом пути сообщения представляется реальная возможность развить другие виды промысла: рыболовство, охоту, лесозаготовки, а также разработки и других естественных богатств края. Раньше на удешевление перевозок, изыскание лучших, более дешевых способов доставки товаров, торгующими организациями не обращалось внимания. В последние годы идут изыскания, по инициативе Дальгосторга, лучших дешевых и удобных способов сообщения внутри края. Так, начинают сменяться нарты на пловучие средства, на речные шкуны, катера и моторные лодки. Дальгосторг, увеличивая свои морские пловучие средства, вместе с тем намерен довести широкое снабжение факторий катерами и моторными лодками. Им намечено к обслуживанию катерами 11 факторий с товарной потребностью на 404.000 руб.

Выдающиеся заслуги Дальгосторга в деле снабжения туземного населения отдаленнейшей северной окраины СССР были отмечены Совнаркомом ЯАССР. Но огромного значения начинания и мероприятия по

оживлению края, проводимые Дальгосторгом, в корне пресекаются местными якутскими властями. Происходит нечто необычайное: по распоряжению председателя Колымского окрисполкома производится незаконный арест шкуны «Пионер» и одного опытного моряка перед самым отправлением шкуны из Колымы в устье Индигирки; против туземца Спиридонова, принявшего участие в экспедиции «Пионер» а возводятся обвинения; руководителю экспедиции тов. Канелину, только что приехавшему в Средне-Колымск и, стало быть, совершенно неизвестному колымским организациям, выражается недоверие; была запрещена продажа 4-х зарядных берданов, привезенных сюда шкуной, и мало того, эти берданы опечатываются, несмотря на то, что население остро нуждается в оружии и что в это же время Якутторг во всю торгует амержанскими винчестерами; факториям Дальгосторга по р. Индигирке запрещена торговля; частники там легально торгуют по местным патентам, а Дальгосторг, торговавший по такому же патенту, был подвергнут штрафу в пятикратном размере; один председатель улусного совета был предан местной властью суду за разрешение Дальгосторгу вести торговлю.

Когда шкуна все-таки была отправлена из Колымы и благополучно достигла устья Индигирки, то уже там под предлогом борьбы с контрабандой опечатываются продукты шкуны по предписанию Булунского окрисполкома, что поставило команду, в том числе иностранцев-матросов, под угрозу голода. Интересно отметить, что телеграмма правительства ЯАССР с поздравлением Дальгосторга с удачным плаванием «Пионера» в р. Индигирку совпало с извещением об аресте шкуны. После протестов перед правительством ЯАССР и успокоительных заверений последнего грубый произвол по отношению к Дальгосторгу со стороны местных организаций все же продолжался. Вот краткий перечень фактов. Однажды председатель Колымского окрисполкома Дексиляков отдал распоряжение держать фактории Дальгосторга опечатанными, на основании чего сельсоветы отобрали ключи от госторговских складов с товарами и тем самым приостановили их деятельность; в другом случае, по распоряжению того же Дексилякова, фактории Дальгосторга по всей периферии были закрыты, а часть товаров была забрана. Секретарь Алаихского исполкома Ксенофонтов, он же заведующий факторией Якутторга, закрыл индигирские фактории Дальгосторга и арестовал товары и пушнину. Нижне-Колымский Якутторг насильственно отобрал половину ввезенных Дальгосторгом товаров, не различая импортных и отечественных, тогда как Якутторгу по распоряжению Наркомторга полагалась только половина импортных товаров.

На очередные протесты Дальгосторга перед Якутским правительством, последнее сообщило, что им дано распоряжение освободить из-под ареста товары и разрешить Дальгосторгу торговлю. Но вскоре в Хабаровске была получена из Средне-Колымска телеграмма о вновь начавшихся притеснениях со стороны Булунского и Колымского исполкомов. Был произведен новый арест, стоявшей в устье р. Индигирки шкуны «Пионер», продукты были опять опечатаны, команда голодала. Арест шкуны мотивировался неоформленностью документов прихода шкуны. Команда шкуны, проявившая столько энергии, пробиваясь льдами Арктики к Якутии, снова сидела без продуктов, была оскорблена насилием и вынуждена была покинуть шкуну. Целый ряд индигирских факторий был закрыт и запрещена их торговля, охотничьи припасы конфискованы, а остальные товары (пушнина) и личные продукты служащих опечатаны. Опечатание фактории производилось вдвойне — Булунским и Колымским исполкомами; первым по мотивам прибытия товаров якобы контрабандным путем, а вторым по причине невыделения импортных товаров Якутторгу. В результате этого заведующему Индигирскими факториями пришлось бросить вверенное ему имущество

и выехать в Средне-Колымск искать защиты. Словом, власти Колымского и Булунского округов предпринимали одно действие незаконное другого, явно вредящее интересам туземного населения и срывающее работу Дальгосторга в Колымском крае. Действия колымских властей были целиком направлены к выживанию из края Дальгосторга — сильного конкурента, имеющего хорошие товары, умело организовавшего дело и сумевшего за краткий период своей деятельности заслужить большой авторитет среди туземного населения. Самое важное то, что такие беззакония совершаются на фоне классовой борьбы вокруг снабжения туземцев дешевыми товарами. Некоторые действия местных органов совпадают со стремлениями антисоветских элементов ликвидировать операции Госторга, т. е. лишить туземное население возможности получать из первых рук и по твердой цене товары и продукты питания, а также сдавать продукты промысла по хорошим ценам. Дальгосторг своей экспедицией задел слишком кровные интересы, сохранившейся здесь компрадорской туземной буржуазии, которая не хочет уступить без боя. Без преувеличения можно сказать, что компрадорская буржуазия нашего Севера, живущая прошлым и отчасти настоящими связями с Америкой, делает отчаянное сопротивление попыткам лишить ее посреднической роли между забитым туземцем и крупными поставщиками необходимых товаров. Советская национальная политика стучится в двери туземца. Туземец прислушивается и видит, что со стороны советов идет помощь. У советской власти нет еще туземного актива, нет знатоков туземных языков и это увеличивает смелость компрадоров. Борьба здесь неизбежна и надо ждать самых резких и неожиданных форм борьбы между советскими торгующими организациями, доставляющими населению дешевый товар и туземной буржуазией. Если имевшаяся политика выживания Госторга из Колымского края будет продолжаться и в дальнейшем, то не подлежит ни малейшему сомнению, что место Дальгосторга будет занято американцами. Сопоставляя эти факты, необходимо поставить проблему снабжения Колымского края в целом со всей решительностью, так как при создавшемся положении каждая новая зима может вызвать бедствия и голодовки среди туземного населения, ввиду срыва товароснабжения.

Ближайшие 10 лет будут несомненно эпохой грандиозных успехов советских моряков на северных путях. На ряду с новыми судами полудокольного типа, которые заменят устаревшие и опасные для плаванья во льдах «Колыму» и «Ставрополь», появятся речные суда, для курсирования по рр. Колыме и Индигирке. На смену наценкам в 800% придут наценки, измеряемые двузначными числами. Но катера и речные суда по р. Индигирке и Колыме не смогут обслужить весь бассейн этих рек, особенно верховья. Необходимость улучшения связи верховьев Индигирки, Колымы и Омолона с побережьем Охотского моря становится все более настоятельной. В результате всего этого вместо существующих верховых троп, идущих от берега Охотского моря в Колымский край, явятся грунтовые дороги.

Как уже указывалось, границы между Камчатским и Колымским округами в период послереволюционный изменены не были. По всем данным, которыми располагаем в настоящее время, может быть такой вариант западной границы будущего Колымского туземного Юкагирского округа: от р. Омолон к заимке Курлуково на озера «Сергей» и «Энексин-Кюэля» на Кондаково и р. Индигирку, дальше этническая граница идет по р. Индигирке, местами переходя на западный берег ее. На востоке же граница идет по существующей границе Камчатского округа, захватывая верховья р. Кувет и часть В. Анадырского и Пенжинского районов, а на юге по границе проектируемого Охотского туземного округа. Территория национально-Юкагирского Колымского округа в вышеуказанных границах будет равняться 530.000 кв. км.

Включение Индигирки в Колымский туземный округ даст возможность построить действительно мощное охотничье хозяйство, связанное с Охотским морем не тропами и грунтовыми дорогами, а сплавом по р. Индигирке и Колыму и морским путем с Владивостоком.

Подчинить этот округ центру бывшей Якутской области г. Якутску нецелесообразно, так как экономической связи он с округом не имеет за дальностью расстояния (минимум 2.000 км.).

Разрешением вопроса о национально-туземном округе разрешается и основной вопрос о поднятии благосостояния туземного населения его, ибо несомненно, округ, построенный в границах, указанных выше, и связанный с Владивостоком через Берингов пролив и Охотское море, сможет собственными ресурсами поднять катастрофически упавший жизненный уровень туземцев Индигирского и Колымского районов.

Выводы.

Вопросы национального районирования и объединения малых народностей в самостоятельные и вместе с тем самоуправляющиеся административные единицы на основе национального единства являются важнейшей частью работы по советскому строительству.

Созданием Национально-Туземных округов мы достигаем:

1) установление новых рациональных экономических и вместе с тем национальных границ в соответствии с экономическими связями, тяготением и перспективами туземных округов, а также принципами советской национальной политики;

2) исправление на Д. Востоке внутренних границ бывшей императорской России, установленных без всякого экономического смысла и учета интересов малых народностей;

3) объединение максимального числа туземцев Д. Востока и Европейского Севера в самостоятельные национальные территориальные единицы и приближение руководства к экономике и населению туземных районов;

4) подъем самодеятельности туземцев, что будет способствовать росту экономики и культуры в туземном округе и укреплению советизации этих округов путем еще большего приближения советской системы к туземцу через те национальные политические, хозяйственные, культурные учреждения и организации, кои будут созданы в туземных округах.

Учитывая старые споры из-за туземных территорий между Якутией с одной стороны и Далькраем с другой, следует отметить, что с точки зрения интересов туземного населения и экономических перспектив нашего крайнего Северо-Востока, дальне-восточные туземные округа должны входить в ту государственную территориальную единицу, в которую войдет большинство туземного населения северо-востока Азиатской части РСФСР, и с которой у него имеются постоянные экономические связи.

Во всяком случае вопрос о том, куда должны быть присоединены национально-туземные округа народа эвенки — к Далькраю или к Якутии — не должен осложнять объединения и эмансипации туземцев. Куда бы не отнесли тунгусские округа, но решение Пленума Комитета Севера об организации туземных округов должно быть осуществлено, и дальне-восточные туземцы должны быть объединены также, как и самоеды Европейского Севера.

В. Шипихин.

ХРОНИКА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП КЕМЧИКСКИХ ТАННУ-ТУВИНЦЕВ.

(Доклад в отделе изучения человека и быта 12/IV 1929 г., конспективное изложение. Расовые типы Алтае-Саянского нагорья ч. 3-я.)

Материал собран кемчикским отрядом Танну-Тувинской экспедиции 1926 г., организованной СНК СССР совместно с Обществом изучения Сибири. Измерения производились большей частью сотрудницей экспедиции В. И. Белкиной, частью А. И. Ярхо; описательные признаки взяты А. И. Ярхо; запись производил сотрудник экспедиции Г. Д. Махоткин. Обработка материала полностью произведена аппаратом Общества.

Отряд работал в течение августа 1926 г. в западной части Танну-Тувинской республики: хошунах Цун и Барун. Обследовалось население урочищ—Джедан, Шема, Чергак, Джерджарик, Ак-Таш, Четы-Карасук. В последнем пункте исследования носили стационарный характер и привлекли тувинцев с верховьев р. Кемчика. Всего исследовано 124 человека. 1)

По родовым группам (сумо) исследованные — распределяются следующим образом: мопгуш (ак-мопгуш, кара-мопгуш и улук-мопгуш) — 35 чел.; оржек (улук-оржек, ишты-оржек, кеде-оржек, пичи-оржек) — 19 чел., кувулар (сук-бажи-кувулар, чергак-кувулар)—12 чел., сат — 9 чел., сарыглар — 8 чел., кара-саһал — 6 чел., топгак (четы-тонгак, кара-тонгак) — 4 чел., сая — 4 чел., хобалык — 4 чел., кендорге — 3 чел., хертек сая — 3 чел., опдар — 3 чел., хаярхан — 2 чел., пай-тал — 1 чел., кыргыз — 1 чел., хомушка — 1 чел., б'ян-тугай — 1 чел., без показаний 9 человек.

Сумоны приведены по отцовской линии. Наблюдающейся у других турецких племен Алтае-Саянского нагорья экзогамиями не отметили. Из сумонов по женской линии, не зарегистрированных по мужской приведем: улик-хобалык, улук-кувулар, кучугет, чедана-кувулар, сальджак, сары—топгак.

Измерительные признаки роста и пропорций тела представлены на таблице. Разбор данных сделан нами в работе: «Расовые типы Алтае-Саянского нагорья» ч. 1-я. В общем танну-тувинцы, по сравнению с другими алтае-саянскими народностями, характеризуются малым ростом и брахиморфным сложением, т.е. относительной коротконогостью, широкоплечестью, зависящими не только от малого роста тувиновцев, но и от самого характера их ростовой динамики.

Головные лицевые размеры. Тувинцы могут быть характеризованы, как обладающие: сравнительно длинной, довольно широкой и низкой мозговой коробкой, высоким и широким лицом, длин-

1) Женщины в виду малочисленности опущены.

ным носом и ухом. По указателям наши тувинцы стоят на границе средне-и подкороткополовости, физикоголовы, узконосы.

Описательные признаки. Цвет кожи (N=87) (шкала Лущана). №№ 2, 3, 7—9—5,7%, 10—14—26,4%, 15—17—49,5%, 18—24—14,9% 25—3,5%. Это распределение позволяет заключить о сравнительно интенсивной окраске кожи.

Окраска волос также темная. Из 93 обследованных субъектов 65 (69,9%) обладало черными волосами (№ 27 по Фишеру) 24 субъекта (25,8%) темно-коричневыми (№ 4) и лишь 4 субъекта (4,3) обладало более светлыми №№ (5 и 6). Средний пигментационный № (см. нашу работу о пигментации) равен 1,36, т.е. относят тувинцев к наиболее темно пигментированной группе алтае-сайских турков.

Окраска глаз. (133 наблюдения). Преобладают темные оттенки (80,2%). Наряду с ними имеется определенная примесь зеленоватых глаз (18,8%) и даже светлых (0,75%). Резюмируя данные о пигментации, можно считать наших тувинцев относительно темно пигментированной группой

Форма волос головы (N=65) у 95,4% прямая и тугая у 4,6% — прямая мягкая. Средний балл — 1,05

Рост бороды (у особой старше 25 лет; N=101) крайне скудный; 86% особой обладают баллом 1 (единичные волоски на подбородке), 10,9 — баллом 2, и лишь у 3,0% борода развита на всем протяжении лица, не заходя все же на щеки. Средний балл — 1,17.

Профилировка лица (N=124). Вертикальная. 81,4% ортопнаты, у 18,6% наблюдается довольно явное выступление средней части лица.

Горизонтальная профилировка у большинства (89,6%) слабая, у 10,4% скулы несколько поддаются M 1,10.

Наклон лба. Тувинцы обладают явной тенденцией к прямолобости; у 63,7% отмечен прямой лоб. Средне наклонный лоб встречается у 32,3%, сильно наклонный — у 4%. Средний балл — 2,60. Отмеченная прямолобость подтверждается сравнением с казаками, у которых прямая форма встречается у 18,3%, средне наклонная — у 63,3% и сильно наклонная — у 18,3%.

Развитие надбровий (определялось по трехбалльной системе; N=124), у тувинцев слабое (балл I—61,3%, II—30,6, III—8,1), M—1,46. Для сравнения у казаков: I—10,8%, II—35,0, III—IV—52. M—2,53. Комбинируя наклон лба и развитие надбровий получим, что 52,4% обладают прямым лбом и слабым надбровьем и лишь в 2,4% покатым лбом и сильно развитым надбровьем. У казаков мы имеем обратные соотношения — 6,6% и 18,1%.

Форма мозговой коробки (N=120) пентагоноидная—5,8%, овальная—29,2%, эллиптическая—15,8%, клиновидная — 11,7%, округлая — 37,5%.

Сагиттальный профиль затылка. (N=117). Упощенный — 4,3%, выдающийся — 20,5%, округлый — 75,2%.

Высота переносья (N=120) у 87,4% переносье низкое и лишь у 12,6% среднее. M=1,13.

Форма костной спинки. (N=119). Вогнутая — 3,4%, прямая — 52,1%, выпуклая — 44,5%, M = 2,41.

Форма хрящевой спинки. (N=119). Вогнутая — 31,1%, прямая — 62,2%, выпуклая — 6,7%. M = 1,76.

Общий контур. (N=119). Вогнутый — 18,5%, прямой — 36,1%, выпуклый — 31,9%, извилистый — 13,5%.

Кончик носа. (N=119). Приподнятый — 18,5%, прямой — 64,4%, опущенный — 15,1%. M = 1,97.

Положение основания носа. (N=119). Приподнятое — 35%, прямое — 52,4%, опущенное — 12,6%. M = 1,78.

Форма носовых отверстий. (N=120). Округлая — 5%, треугольная — 3%, овальная — 61,7%, прочие — 3,3%.

Наклон ноздрей. (N=120). Слабый — 50,8%, средний — 45,8%, сильный — 3,3%. M = 1,53.

Высота крыльев носа. (N=118). Низкие — 68,6%, средние — 31,4%. M = 1,31.

Развитие крыльев носа. (N=116). Слабое — 65,5%, среднее — 32,8%, сильное — 1,7%. M = 1,36.

Слияние крыльевой борозды с носогубной. (N=116). Не сливается — 77,6%, сливается — 22,4%. M = 1,22.

Морфологический тип носа тувинцев в совокупности является весьма характерным: уплощенный, с низким переносом, слабым наклоном ноздрей, малой высотой крыльев и отсутствием слияния носогубной с крыльевой борозд. Морфологический тип этот примитивен.

Монголоидные особенности глаза. (N=117). Эпикантус встречается у 47% особей. Складка верхнего века у 100%. Расовая формула верхнего века P 1,57, M 2,06, D 2,10, показывает сильное развитие складки, в медиальной и дистальной частях, доходящих до ресниц.

Высота верхней губы весьма значительна (N=122). Низкая губа отмечена лишь у 1 субъекта (0,8%), средняя — у 41,0%, высокая — у 58,1%. M = 2,58.

Выступание верхней губы (прохейлия) (N=124), стоящее в связи с альвеолярным прогнатизмом — обильное. Прохейличные губы встречаются у 86,3%; ортохейличные — у 12%; опистохейличные — у 1,6%. M = 1,14.

Толщина верхней губы. (N=121). Тонкие — 23,1%, средние — 60,4%, толстые — 16,5%. M = 1,94.

Расовая формула губы. H 2,58, C 1,15, D 1,94, характеризует губы тувинцев как высокие, сильно прохейличные, средней толщины.

Общая форма уха. (N=123). Овальная — 16,3%, яйцевидная — 56,9%, грушевидная — 4,9%, ромбоидальная — 3,3%, эллиптическая — 18,6%.

Оттопыренность уха. (N=123). Слабая — 26%, средняя — 57,7%, сильная — 16,3%. M = 1,91.

Развитие завитка, закрученность. (N=123). Степени: I — 0,8% II — 19,5%, III — 32,5%, IV — 46,3%, V — 0,8%. M = 3,2.

Ножка завитка. (N=123). Форма: плоская — 13,8, средняя — 68,3%, округлая — 34,7%.

Ствол противузавитка. (N=121). Форма: плоская — 16,7%, средняя — 48,6%, округлая — 34,7%.

Верхняя ножка противузавитка (N=124). Форма: плоская — 71,6%, средняя — 27,6%, округлая — 0,8%.

Нижняя ножка противузавитка. (N=124). Плоская — 0%, средняя — 36,1%, округлая — 63,9%.

Ствол противузавитка. Положение: (N=124) глубже завитка — 14,5%, в одной плоскости — 39,5%, выдающийся — 46%.

Верхняя ножка завитка. Положение: (N=124) глубже завитка — 2,4%, в одной плоскости — 97,6%.

Форма мочки. (N=123): приросшая — 33,3%, прямоугольная — 42,3%, отвислая — 24,4%. M = 1,92.

Если резюмировать данные о суммарном типе тувинцев по описательным признакам, можно признать его весьма своеобразным и опре-

делным; темнопигментированное плоское лицо с прямым лбом и слабым рельефом, примитивно развитый нос, плоский, с слабо наклонными ноздрями, сильно монголоидные глаза, проехличные высокие губы яйцевидное ухо.

IV. Сопоставление данных о кемчикских тувинцах с центральными по К. И. Дорощенко. Горощенко измерил 72° по Улу-кему в центральной части Танну-Тувы. В общем наши данные близки к данным Г., но в отличие от наших тувинцев, тувинцы центральной части более брахиодны (головной указатель — 83,0 продольный диаметр — 190, поперечный — 157). В работе Г. Ф. Дебец отмечены краниологические различия в типе кемчикских и центральных тувинцев. (См. указанную работу)

V. Расовая диагностика (принципы изложены в работе об Алтайцах). Тувинцы несомненные монголоиды. В районе Кемчика, как позднейшие так и древние европеодные примеси практически исключаются. Переходя к выделению вторичных типов с точки зрения географических различий в суммарной характеристике, основываясь на сравнении: 1) наших данных с данными Горощенко, 2) черепов из Кемчикского и центрального района, получим два основных типа, лежащие в основу тувинцев. Первый тип. Средне или слабо подкороткоголовый, с прямым лбом, слабым надбровьем, плосконосый, с сильным эпикантусом и другими описательными признаками, характерными для кемчикских тувинцев. Второй тип, намечающийся в Центральном районе — более брахикранный с несколько покатым лбом и усиленным надбровьем. По краниологическим данным у типа II нос более выдается. Первый тип концентрируется в Кемчикском районе, второй — в Центральном. Обращаясь к внутривидовому распределению типов, увидим, что в Кемчикском районе первый тип является основным, как для живых особей, так и на черепном материале. Второй тип (характерные его признаки), встречается значительно реже 1-го (см. статью Дебеца). Черепа Центрального района смешаны, с явной примесью второго типа. Анализируя фотографии из Кемчикского района мы нашли наиболее частым первый тип в его чистой и ослабленной форме, второй тип встречается весьма редко, особенно в ярком проявлении. Кроме указанных двух типов фотографии позволяют выделить еще третий тип узколицый с более тонкими чертами лица. Вопрос о генетических соотношениях компонентов разобран в других частях работы.

Сходные вторичные типы. Комплекс признаков, описанный под типом первым, широко распространен среди народностей Центральной и Северной Азии. Реальность его не подлежит сомнению. Деникером он обозначен как «монгольский». Быть может целесообразнее назвать его «центрально азиатским». Второй тип легко идентифицируемый с «турецкой расой Деникера нашей «южно-сибирской» разновидностью («алтайским типом»). Неясен вопрос об узколицом элементе, но конструкция его затруднительная. Либо мы имеем дело с манчжурским типом (короткоголовым), либо с чжи-лнйским (среднеголовым), либо, наконец, с обоими северо-китайскими типами. Но, во всяком случае, примесь китайских (в географическом смысле) элементов довольно вероятна. В работе об алтайцах, мы указывали на вероятное наличие типов третьего порядка внутри «центрально-азиатской» разновидности S. Ascatum Centralis. У бурят встречается в виде характерного компонента, сильно широкоголовая (центрально-азиатская) локальная группировка, у самоэдов мы встречаемся с весьма средненосой группой, с некоторой тенденцией к высокоголовости (Руденко); наконец, у тувинцев, халха-монголов (Только-Гринцевич) кудинских (Дебец) и аларских бурят, встречается средне-подкороткоголовый элемент. Вряд ли встречается познания выделение кемчикских тувинцев в особую локальную группу

третьего порядка с вышеуказанными сходными группами. В нашей работе о «казаках» мы обозначали этот элемент, как «саянский». От детализированной диагностики «китайского» элемента мы воздерживаемся¹⁾.

VI. Расовые параллели. Рядом исследователей (Руденко, Горощенко и др.), указывалось на антропологическую близость самоедов и тувинцев. Данные предыдущего § позволяют с довольно большой отчетливостью высказать пожелание, что расовое родство кемчикских и центральных тувинцев с самоедами заключается в пределах группы второй категории. С другой стороны, поскольку внутри центрально-азиатской разновидности имеются значительные локальные различия, говорить о расовой идентичности самоедов и тувинцев трудно. Правильнее, пожалуй, обратить внимание не на сходство, а на различия между самоедами и тувинцами, проявляющимися в строении мозговой коробки и особенно, носа. Наши данные указывают, что специально избирательного родства самоедов, именно с тувинцами констатировать нельзя. В такой же (пожалуй, даже большей) степени можно сблизить самоедов с бурятами, орочами и др. «центрально-азиатскими» расовыми группами. Если мы попытаемся отыскать группы родственные тувинцам в пределах типа третьей категории, то совершенно очевидна связь тувинцев с рядом групп, говорящих на монгольском языке: некоторыми бурятами (Поротов) и калмыками (Королев), а более всего с халха-монголами (Талько-Грынцевич). Сопоставление с тунгусскими группами (Широкогоров) дает отрицательный результат.

Наличие «туркоидных» расовых элементов в центральной части Т.Т.Н.Р., не вызывает особых вопросов, тем более, что по ряду исторических данных центральная часть Танну-Тувы была населена киргизами (Грум-Гржимайло).

VII. Резюмируя вышесказанное можно признать кемчикских тувинцев довольно однородными в расовом отношении. В их основе лежит расовый тип, обозначаемый нами как *Homo Sapiens Asiaticus var Centralis typus Sajanicus*, при чем тувинцы кемчика могут считаться сравнительно чистыми представителями этого типа, к нему примешан в виде небольшого компонента *N. S. Asiaticus Var. Sibirica meridionalis typus altaicus* более сильно концентрирующийся в центральной части Танну-Тувы. Весьма вероятно небольшая примесь элементов, более отдаленного района «манчжурских» и «чжи-лийских». Среди алтае-саянских народностей, тувинцы образуют особый центр локализации центрально-азиатского типа, участвующего, повидимому, в виде компонента в расообразовании других алтае-саянских племен, но там он встречается в виде слагающего, здесь он концентрирован в чистом виде. Что же касается близости наших тувинцев с другими группами Северной и Центральной Азии, то наши исследования не подтверждают специального родства тувинцев с самоедами. Будучи турками по языку, кемчикские тувинцы в антропологическом отношении ближе всего стоят к вышеназванным монгольскими группами, имея очень небольшое количество «туркоидных» расовых черт.

После опубликования В. В. Бунаком материалов экспедиции, собранных в восточной части Танну-Тувы и обязательного исследования тоджинцев и карагасс, можно будет поставить вопрос об этно-расовом происхождении тувинского народа в целом. В настоящее время этого сделать еще нельзя.

А. Ярхо.

1) Мы не имеем возможности привести литературный материал (за недостатком места). Все же интересно упомянуть о взгляде Вайдена-рейха (Weidenreich), сводящего различия «тонкого» и «грубого» типа монгол в значительной мере к конституциональным, а не расовым факторам. Этот вопрос будет разобран в другом месте.

Приложение к статье А. И. Ярхо.

Сводка по измерительным признакам

Признак	N	Min.	Max	M.	$\pm m$ (M)	5 mm. %	V %	Корреляция
1. Рост	100	149	174	160,47	0,52	51,8	3,22	
2. Относительная длина туловища .	93	29	34	31,92	0,11	1,07	3,32	r Длина туловища, рост = 0,729
3. Относительная длина ноги от симфизиса	93	44	53	50,02	0,15	1,49	2,98	—
4. Относительная длина ноги от трохантера . . .	93	48	53	50,54	0,12	1,13	2,23	r Длина ноги, рост = 0,815
5. Относительная длина стопы . .	104	13,5	16,5	15,0	0,05	0,53	3,53	r Длина стопы, рост = 0,567
6. Относительная длина руки . . .	91	43	50	45,68	0,13	1,27	2,78	r Длина руки, рост = 0,775
7. Относительная ширина плеч . .	100	20,5	26,0	23,3	0,11	1,07	4,59	r Ширина плеч рост = 0,374
8. Относительная ширина таза . .	95	15	19	17,08	0,08	0,76	4,45	r Ширина таза, рост = 0,543
9. Продольный диа- метр головы . . .	122	168	212	192,1	0,62	6,81	3,54	
10. Поперечный диа- метр головы . .	122	145	178	155,5	0,52	5,73	3,68	r 9,10 = 0,154
11. Высотный диа- метр головы . .	105	109	149	126,8	0,75	7,83	6,17	r 9,11 = 0,316
12. Ширина лица верхняя	119	135	165	147,7	0,47	5,10	3,52	r 12,15 = 0,315
13. Ширина лица нижняя	115	98	128	113,0	0,67	7,23	6,39	
14. Длина лица мор- фологическая . .	119	118	155	135,4	0,66	7,26	5,36	
15. Длина носа . . .	121	56	75	64,34	0,33	3,63	5,64	
16. Ширина носа . .	121	30	48	37,19	0,26	2,78	7,47	r 16,17 = 0,001
17. Длина уха . . .	122	56	82	68,06	0,40	4,35	6,38	
18. Ширина уха . .	122	28	42	35,5	0,23	2,46	6,95	r 18,19 = 0,372
19. Головной указа- тель	122	73	89	80,46	0,34	3,67	4,56	r 1,20 = -0,130
20. Высотно-продоль- ный указатель .	105	56	78	65,68	0,45	4,06	6,18	r 20,21 = +0,143
21. Указатель лица морфологический указатель	119	82	101	91,61	0,38	4,13	4,50	
22. Носовой указатель	121	46	77	57,78	0,51	5,56	9,62	r 20,24 = 0,088

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ТАННУ-ТУВИНЦЕВ 1).

Исследованная мною серия черепов танну-тувинцев происходит из двух районов. Первая группа, состоящая из 31 ♂ черепа, доставлена Д. Клеменцом, Ф. Коном и П. Островских из центрального района Танну-Тувинской республики (Улу-Кам. Салдам), вторая кв. 9 ♂ А. Ярхо из Кемчикского района. Все черепа, за исключением коллекции Островских, хранятся в музее Антропологического Института 1-го МГУ (коллекция Островских в кабинете антропологии ЛГУ).

	Кемчикск. район		Централн. район		Буряты кудинск. (6)	Казаки (9)
	п	М	п	М		
Продольный диаметр	9	184,1	31	183,1	188,6	182,5
Поперечный диаметр	9	147,5	31	151,7	147,8	155,9
Высотный диаметр	9	130,9	30	130,7	137,6	129,0
Наим. ширина лба	8	95,6	31	95,8	99,8	100,0
Угол наклона лба	9	85,8	26	83,1	84,7	78,2
Черепной указатель	9	80,2	31	82,9	78,4	85,4
Высотно-продол. указ.	9	71,1	30	71,4	73,0	70,7
Высотно-попер. указ.	9	88,7	30	86,1	93,1	83,3
Надбровье (1 — 6 Martin) . .	9	2,55	31	3,23	2,83	4,00
Скуловой диаметр	8	138,8	23	141,4	142,0	148,2
Высота лица	9	73,8	20	75,8	76,0	76,7
Указ. выступания лица	8	99,1	23	101,2	98,5	93,0
Угол профиля лица	9	86,4	22	86,9	87,2	87,1
Угол профиля средней части лица	9	91,1	24	92,4	91,3	91,2
Угол профиля альвеол. ч. лица	9	73,1	19	73,7	81,2	83,5
Орбитный указатель	9	84,7	27	85,4	89,8	87,4
Носовой указатель	9	50,3	24	49,4	49,0	51,1
Угол носовых костей	5	18,8	10	22,5	17,5	24,1

1) Доклад в отделе изучения человека и быта 12 апреля 1929 г.

Сопоставление приведенных в таблице средних величин для основных признаков по двум районам, приводит к выводу, что черепа из центрального района имеют больший поперечный диаметр и, соответственно, несколько более высокий черепной указатель, более покатый лоб, более сильное надбровье, более выступающий нос.

Рассмотрим вариацию этих признаков по обоим районам. Количество дано в процентах:

Поперечный диаметр	Кемчик. р. (9)	Центральн. (31)	Черепной указатель	Кемчик (9)	Центральн. (31)	Угол наклона лба	Кемчик. (9)	Центральн. (26)	Развитие надбровья	Кемчикский (9)	Центральн. (31)	Угол носовых костей	Кемчик. (9)	Центральн. (10)
137—142	33,3	3,2	74—76	33,3	6,5	73—76	—	3,8	1	—	3,2	12—15	—	10,0
143—148	22,2	19,4	77—79	—	6,5	77—80	—	19,4	2	55,6	9,7	16—19	60,0	10,0
149—154	33,3	51,5	80—82	44,5	25,8	81—84	44,5	50,0	3	33,3	54,9	20—23	40,0	40,0
155—160	—	22,6	83—85	11,1	35,5	85—88	22,2	23,0	4	11,1	25,8	24—27	—	20,0
161—163	11,1	3,2	86—88	11,1	25,8	89—92	33,3	3,8	5	—	6,4	28—31	—	20,0

Из таблицы видно, что признаки, обнаружившие в средних числах различия при географическом распределении, также довольно резко различаются по характеру вариационных рядов. Но, тем не менее, в центральном районе есть довольно большое количество черепов с наклонностью к мезокрании, с выпуклым лбом, со слабым надбровьем и плоским носом. Проверять, являются ли эти отклонения индивидуальными вариациями или отражают ли они тип, сходный с кемчикским, можно путем сопоставления этих признаков между собой на группе черепов из центрального района.

Корреляция между этими признаками, вычисленная по формуле $r = 1 - \frac{6(x-y)^2}{n(nr^2-1)}$, довольно ясно показывает, что черепа центрального района с меньшим поперечным диаметром обладают также и более выпуклым лбом и менее выступающим носом, что стоит в полном соответствии с данными географического распределения этих признаков.

Коэффициенты корреляции таковы:

Поперечный диаметр — угол наклона лба — 0,29

« « — угол носовых костей + 0,41.

Угол наклона лба — « « « — 0,13.

Такая согласованность в показаниях географического распределения и коэффициентов корреляции дает основание считать, что исследованная серия танну-тувинских черепов состоит из двух типов:

I.

Мезо- или суббрахикраний.
С выпуклым лбом.

II.

Брахикраний.
С покатым лбом.

Со слабым надбровьем.

С сильным надбровьем.

С плоским носом

Со средне-выступающим носом.

Изучение отдельных черепов показывает, что типы эти не являются результатом абстрактных математических вычислений, но и представлены реально рядом отдельных черепов.

	I тип	I тип с некот. призна. II типа	II тип	Смешан. тип
Кемчикский . . .	66,6%	33,3%	—	—
Центральный . .	25,8%	29,0%	25,8%	19,4%

Нельзя не отметить, что обычно, в чистых группах, соотношение между формой черепа и наклоном лба бывает обратное тому, которое мы наблюдаем у танну-тувинцев. Покатый лоб обычно связан с большей долихокранностью¹⁾. Факт обратной зависимости говорит за то, что оба установленных нами типа не представляют варианты одной группы, а имеют различное происхождение.

Остальные признаки более или менее одинаковы у обеих групп. Они отличаются малой высотой черепа, высоким и широким плоским лицом с средними или высокими орбитами, узким или средним носом.

Окончательное решение вопроса о значении этих типов, как расовых компонентов танну-тувинского народа и место их в систематике краниологических типов северной Азии, могут быть произведены после сопоставления с другими черепами современными и доисторическими.

Ближайшими соседями танну-тувинцев являются, с одной стороны, халха-монголы, с другой—турецкие племена хакассии и Алтая. Для сравнения можно использовать монгольские черепа, исследованные Хрдличкой²⁾ (Hrdlička) и теленгет Райхера³⁾ (Reicher.)

К сожалению большая серия халха-монгол исследована по очень краткой программе и не содержит данных о форме лба и носа, являющихся для нас в данный момент наиболее интересными. Поэтому я привлекаю для сравнения измеренную мною серию черепов кудинских бурят, хотя и ничтожную по количеству (6 ♂), но весьма однородную по всем морфологическим признакам. Черепа эти хранятся в Музее Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР и доставлены туда проф. Б. Э. Петри.

Сравнивая обе серии с нашими кемчикскими черепами находим между ними поразительное сходство. Те и другие повторяют по своей суммарной характеристике все особенности I типа танну-тувинских черепов.

Кудинские буряты отмечают только большими абсолютными размерами мозгового черепа. Теленгеты Райхера отличаются от халха-монгол и кудинских бурят значительно большей брахиокранностью и более покатым лбом, т.-е. в том же направлении, по которому идут отличия нашего типа 2-го от 1-го. Но в выступании носа на материале Райхера отличий от 1-го типа не наблюдается. Трудно сказать, является

¹⁾ В чистой группе армян (Бунак) корреляция между головным указателем и углом наклона лба равна + 0,195, корреляция продольного диаметра с развитием надбровья равна 0,4. Прим. ред.

²⁾ Proceedings of the U. S. National Museum. 1924 t. 63 № 12.

³⁾ Zeitschrift t. Morphologie und Anthropologie 1913-1914.

ли это результатом влияния более плосконосого типа или какими либо другими причинами. Ближе подходит к нашему 2-му типу серия монгол-торгоутов Ивановского и Райхера. В ней брахикрания соединяется с покатым лбом и средне-выступающим носом. Но, особенно характерными представителями этого типа являются 9 ♂ от черепов казаков, измеренных мною в Музее Антропологии и Этнографии. Все они имеют резко выраженные особенности нашего типа 2-го — большую ширину и, соответственно, брахикранию очень покатый лоб, сильное надбровье, средне выступающий нос.

Мною было также измерено в Музее Антропологии и Этнографии 18 черепов якутов, сильно различающихся между собой по распределению интересующих нас признаков. Не вдаваясь в детальный анализ данной серии приведу коэффициенты корреляции между теми же признаками, которые были взяты для танну-тувинских черепов.

Поперечный диаметр — угол наклона лба — 0,41.

« « — угол носовых костей + 0,57.

Угол наклона лба — « « — 0,29.

Таким образом у якутов мы находим то же соотношение признаков, что и у танну-тувинцев, даже еще более ярко выраженное.

Сопоставляя все эти данные можно убедиться в том, что турко-монгольские племена южной Сибири антропологически образовавшиеся, повидимому, путем смешения двух типов с характерными особенностями, выражающимися на исследованной нами тувинской серии.

Можно обнаружить также некоторое совпадение между распределением этих двух типов и лингвистическими различиями. Тип мезо- или суббрахикранный с выпуклым лбом, встречается чаще у монгольских племен (за исключением торгоутов), тип брахикранный с покатым лбом — у туземцев. С этой точки зрения танну-тувинского черепа, выказывают преобладание «монгольского» типа, особенно в Кемчикском районе, где шесть черепов из 9-ти имеют его особенности в хорошо выраженном виде и где нет ни одного черепа II типа.

Данные палеоантропологии дают пока немного для выяснения вопроса о распространении этих типов в прошлом.

В моем распоряжении имеются данные: 1) о неолитических черепах из ангаро-ленского района, 2) о черепах различных стадий железного периода Забайкалья (Талько-Гринцевич), 3) некоторые немногочисленные сведения о черепах так называемой Андроновской культуры из Минусинского края и Казахстана (Комарова) и 4) раннего железного периода Минусинского края (Горощенко). Несколько отдельных черепов позднего железного периода западной Сибири исследованы Чугуновым.

Наиболее древние черепа (иркутские неолитические) относятся к двум типам. Первый более или менее сходен с современным тунгусским населением Прибайкалья. Тип этот характеризуется длинным и низким черепом с покатым лбом и сильно развитым надбровьем. Лицо высокое и широкое. Второй тип более широко и высокоголовый с несколько более выпуклым лбом, более коротколицый и широконосый, может быть сопоставляем с типом черепов Андроновской культуры¹⁾. Для последних характерно очень низкое лицо, но очень широкое, очень низкие орбиты, широкий сильно выступающий нос.

Ни тот ни другой тип не могут быть сопоставлены с современными турко-монгольскими.

1) Материалы особого комитета по изучению союзных и автономных республик 1927 г. в 11.

В наиболее ранних срубных погребениях (Суджинский тип), обладающих черепа, сходные с длинноголовым типом неолита. В так называемых корексурах, относящихся приблизительно к середине первого тысячелетия нашей эры Талько-Гринцевич¹⁾ обнаружил тип, который он назвал Homo Primigenius Asiaticus, характеризующийся брахи-кранией, покатым лбом и сильным надбровьем.²⁾ Мы видели, что эти «первобытные» черты характеризуют тип ряда современных турецких племен. В еще более поздних погребениях Хойцегорского типа и в погребениях в основных пробах со скелетами, обернутыми в березовую кору, к этому типу примешиваются черепа со слабым надбровьем и с более выпуклым лбом. Это пока единственные, известные в ископаемом состоянии, представители «монгольского» типа.

Факт отсутствия в доисторических могилах Сибири «монгольского» типа не должен нас удивлять. Тип этот встречается почти исключительно у народов, говорящих на монгольском языке и у некоторых соседних турецких групп. Появление же монгол на территории Сибири, относится к весьма недавнему времени. Ему предшествовали племена турецкого корня, антропологически представленные, например, в корексурах. Но все эти племена происходят из Монголии и центральной Азии. Решение вопроса о происхождении интересующих нас типов, лежит вне пределов области более или менее глубоко затронутой палеоантропологическими исследованиями, где нибудь во внешней или внутренней Монголии или, может быть, даже южнее.

Г. Дебен.

Апрель 1929 г.

1) Население древних могил и кладбищ забайкальских. Верхне-Удинск 1928.

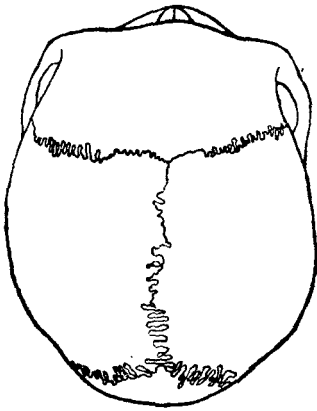
2) Ф. Волковым в «Материалах по этнографии» описан женский череп из Монголии, явно турецкого типа. Прим. ред.

Танну-тувинцы										Norma verticalis (Frassetto)						
♂		1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр	5. Носо-основной диаметр	9. Наименьшая ширина лба	32. Угол профиля лба	33 (1). Угол верхней части заглавка	33 (2). Угол нижней части заглавка			Glabella (Markiv)	Лобные бугры (0—1—2—3—4)		45. Скуловой диаметр	48. Высота лица
Кемчикский район	1	183	137	126	100	97	90	86	36	Ellips.	3	3	141	68		
	9	186	141	127	104	91	81	77	35	"	4	1	139	75		
	10	187	150	132	101	95	86	77	31	"	2	2	140	76		
	6	179	144	125	98	88	81	80	28	"	2	2	138	72		
	8	176	148	124	96	95	84	83	36	"	2	3	138	70		
	2	189	153	135	107	102	86	84	34	"	3	2	—	74		
	4	184	140	135	100	95	89	84	31	Pentag.	2	3	128	78		
	5	183	161	132	104	98	84	80	27	Sphaer.	3	3	145	75		
	7	190	154	142	104	100	91	82	28	Ellips.	2	2	142	76		
	6463	177	147	127	101	89	90	85	37	Eurypent.	3	2	136	—		
6437	177	149	129	99	94	84	90	25	Ellips.	3	3	137	—			
6453	178	155	128	99	91	83	85	30	Sphaer.	3	2	147	73			
6441	176	148	119	102	91	82	78	39	Eurypent.	2	2	135	71			
4553	181	153	—	—	95	—	—	—	Sphaer.	1	2	—	—			
4549	179	149	137	99	92	84	83	33	Pentag.	3	2	137	—			
4544	177	156	132	103	103	86	96	21	Sphaer.	3	3	—	—			
4556	185	150	129	101	94	87	80	32	Ellips.	4	2	—	76			
6446	199	159	132	97	95	84	80	13	Eurypent.	5	2	143	72			
6447	199	149	137	108	95	79	84	19	Ellips.	5	2	147	81			
6438	182	140	126	100	96	85	74	35	"	3	2	128	63			
6456	172	147	137	97	96	83	90	19	Sphaer.	3	1	143	82			
4555	183	152	134	103	100	79	80	39	Sphen.	4	1	—	79			
4548	191	162	137	108	114	74	83	25	Sphaer.	4	1	152	82			
6462	176	152	136	102	97	81	90	26	"	4	2	139	78			
6460	192	154	139	108	100	80	78	33	Ellips.	4	2	149	77			
6452	179	154	137	103	99	84	83	35	Sphaer.	4	2	144	73			
Б	176	155	131	103	98	80	79	35	Sphen.	3	1	143	76			
6442	179	154	131	100	99	—	—	—	Sphaer.	3	1	—	—			
4552	182	152	130	101	89	—	—	—	"	3	2	—	—			
6458	186	151	130	101	95	82	86	29	Ellips.	3	2	142	75			
6440	189	152	124	98	96	83	80	14	Sphaer.	4	2	141	—			
6459	181	145	131	100	98	82	81	25	Ovoid.	3	2	138	75			
6443	189	154	130	104	101	85	79	33	Ellips.	2	2	145	76			
6465	189	157	132	106	96	—	—	—	Sphaer.	3	3	147	—			
6439	192	151	129	100	94	—	—	—	Eurypent.	3	2	—	—			
Из Антр. кабинета ЛГУ	19	183	159	130	97	96	85	85	40	Sphaer.	4	1	142	77		
	10	178	150	127	99	95	81	80	31	"	3	0	—	74		
	3	183	157	125	103	97	78	80	32	"	3	1	145	81		
	12	181	146	130	101	92	87	80	30	Ellips.	2	2	136	—		
	?	177	143	128	97	84	83	82	25	"	3	2	140	74		

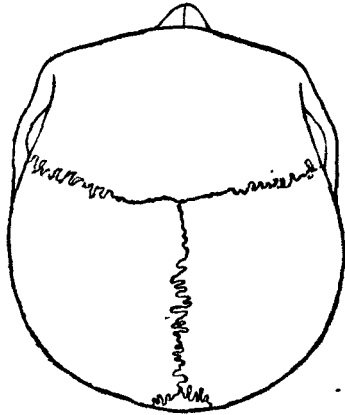
Примечание редакции. „Монгольский“ тип настоящей таблицы к статье Ярхо; „турецкий“ — „южно-

40. Длина основания лица	55. Высота носа	54. Ширина носа	52. Высота орбиты	51а. Ширина орбиты	49а. Ширина переносья	72. Угол профиля лица	73. Угол профиля средней части лица	74. Угол профиля альвеолярной части лица	75 (1). Угол носовых костей и линии профиля	Fossa canina (0-1-2-3-4)	Горизонтальный профиль переносья (1-2-3)	Нижний край носового отверстия	Spina nasalis (Broca)	Т и п
100	49	26	34	41	22	89	94	75	—	3	1	Ant.	1	Монг.
—	54	28	32	38	22	90	94	76	18	1	1	Fossae pr.	1	"
103	55	28	35	42	25	87	93	77	21	0	1	"	1	"
98	53	26	32	39	22	88	95	79	18	2	2	Antr.	2	"
98	52	30	36	42	21	86	92	70	20	3	2	"	2	"
100	52	26	34	42	24	80	84	71	—	1	2	Fossae pr.	1	"
95	58	26	34	38	23	89	92	77	—	1	1	Antr.	1	Монг. ?
98	55	27	37	41	24	87	94	67	17	2	1	Fossae pr.	1	"
111	56	26	35	42	20	80	85	66	—	1	2	Antr.	2	"
—	52	27	31	39	25	86	93	70	23	1	1	Fossae pr.	2	? Монг.
—	53	28	37	41	24	92	98	79	17	1	1	Antr.	1	"
110	55	23	34	43	21	87	93	68	—	1	2	Fossae pr.	2	"
112	51	31	34	40	26	85	89	76	—	2	1	Antr.	—	"
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Монг. ?
102	48	26	32	40	21	84	92	70	—	1	2	Fossae pr.	2	? Монг.
92	53	26	34	42	25	—	99	—	—	2	1	Inf.	—	"
103	54	25	33	39	19	94	88	—	—	1	1	Fossae pr.	2	Монг. ?
100	51	31	32	42	22	88	96	70	22	0	2	"	2	? ?
107	58	29	37	42	22	89	96	77	14	1	1	"	2	? ?
102	47	27	32	42	25	83	89	—	—	2	1	"	1	? ?
112	54	23	36	42	25	77	82	68	—	1	1	Inf.	1	? ?
107	55	29	37	41	25	86	94	—	21	1	2	Fossae pr.	1	Турецк.
104	60	27	40	44	25	88	94	70	24	1	2	"	1	"
101	56	25	33	39	20	88	94	70	28	1	2	"	2	"
98	56	27	39	41	22	89	92	81	31	0	3	Antr.	—	Турецк. ?
107	56	27	34	39	23	80	83	66	—	1	1	Fossae pr.	2	"
102	54	27	33	39	23	90	95	79	25	3	2	"	2	Турецк.
—	—	—	35	41	—	—	—	—	—	—	—	—	—	"
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Монг.
101	57	—	32	41	21	—	—	—	—	0	1	—	—	"
96	53	25	35	40	25	—	94	—	—	0	2	Antr.	—	"
98	56	29	35	42	25	86	92	79	—	1	1	"	1	"
98	57	29	36	40	28	92	100	73	20	1	1	Fossae pr.	2	"
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	"
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	"
103	56	26	35	41	24	87	94	73	—	1	2	Antr.	1	Турец. ?
101	52	25	32	39	22	90	94	80	—	1	1	Fossae pr.	2	? Турец.
105	60	27	39	44	23	85	89	70	—	1	1	Antr.	1	Турец.
—	—	—	36	38	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Монг.
94	56	24	36	37	19	86	88	80	—	1	2	Antr.	—	Монг.

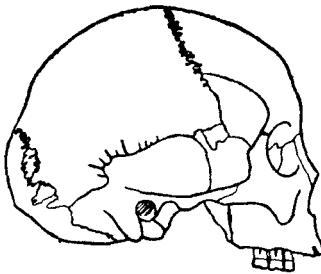
(номенклатура Деникера) соответствует „центрально-азиатскому“ типу сибирскому или „алтайскому“.

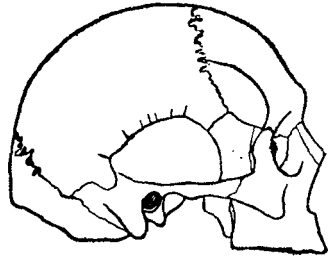
I тип
Кемчикский район № 10

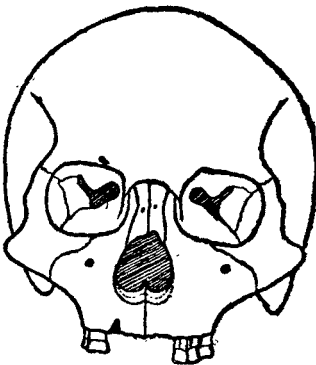
II тип
Центральный район
№ 4548

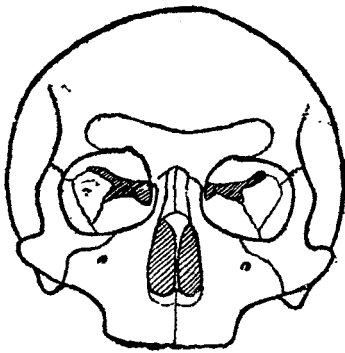
I тип
Кемчикский район № 10

II тип
Центральный район
№ 4548

I тип
Кемчикский район № 10

II тип
Центральный район
№ 4548

БИБЛИОГРАФИЯ

Материалы приполярной переписи 1926—1927 гг. в Сибирском крае. Изд. Сибкрайстатотдела.

Выпуск X. Список населенных мест русского и туземного населения Туруханского края и туземного населения округов Киренского, Тулуновского и Иркутского. 1928. Красноярск. 1928 III. 33 стр. Цена 75 коп.

Выпуск II. Территориальные итоги хозяйственной переписи. Новосибирск. 1929. X. 200 стр. Цена 2 руб.

Издание данных приполярной переписи заслуживают широкого внимания. До настоящего времени не было систематизированных статистических сведений о крайнем Севере Сибири, за исключением некоторых отдельных монографий. Считаю необходимым в самых кратких чертах остановиться на итогах переписи.

В X вып. приводится список населенных мест Туруханского края. В таком полном виде он печатается впервые. Раньше были изданы два списка: первый в 1911 г. в работе А. Р. Шнейдера: «Список населенных пунктов Енисейской губ., Туруханского края, Усинского пограничного округа и русских поселений Урянхайского края»¹⁾ и второй был составлен А. Я. Тугариновым, который напечатан в изданиях Енисейского губстатбюро в 1921 г.²⁾ Число населенных пунктов в списке, изданном в результате переписи, более чем в два раза против прежних, а число населения в три раза. Населенные пункты, включительно до стойбищ и станков, расположены в списке по волостям, с подразделением их на две группы: с населением постоянной оседлости и относительной. В сказуемом списке такие показатели: 1) расстояние до районного и окружного центров (по Туруханскому краю до Туруханска и Красноярска); 2) преобладающая народность; 3) число хозяйств—а) нетуземных и б) туземных; 4) род занятий; 5) количество скота; лошадей, коров, оленей взрослых и молодняка и собак взрослых.

Туруханский край делится на шесть волостей и кроме того, вневоластная территория, куда входят тунгусы, кочующие в бассейне р. Подкаменной Тунгуски. Отнесение мест обитания кочующих туземцев к той или иной волости, не причисляющих себя ни к какой из волостей, производилось часто условно, образуясь лишь с географическим местоположением их стойбищ. Несомненно иначе и нельзя было сделать. Из списка видим, что некоторые населенные пункты отстоят от Туруханска на расстоянии до 1900 км. и от окружного центра Красноярска на 3200 и свыше км.

Наиболее крупной волостью Туруханского края считается Верхне-Инбатская волость, с населением 5.876 чел., которое на три четверти состоит из русских, остальные остяко-самоеды. Русское население ведет оседлый

¹⁾ Данные списка относятся к 1903 г.

²⁾ «Списки населенных пунктов Енисейской губ. и Урянхайского края».—Данные относятся к 1917 г.

образ жизни и полуседлый. Основное занятие — рыболовство, которым занято 39% населения, затем охотой—24%, сельским хозяйством — 23% и т. д. В данной волости насчитывается 1,92 раб. лошади, 1286 коров, 4750 оленей и 1964 взрослых собаки.

Второй по величине является Хатангская (Затундровая) волость, населенная (из 3775 чел.) на 95% туземцами, из них 32% якутов, 24% самоедов, по 16% тунгусов и затундровых крестьян и 12% долган. Главные занятия, дающие пропитание—рыболовство и охота, затем оленеводство. В этой волости, как лежащей далеко за полярным кругом, домашний скот отсутствует, зато имеется оленей, до 73 тыс. голов и 843 собак (между прочим число собак, по нашему мнению, недоучтено).

В Дудинской волости, лежащей за полярным кругом, в районе Усть-Енисейского порта, зарегистрировано населения 3351 чел., в т. ч. русских 38% и туземцев 62% (юраков 70%, самоедов 22%, долган—5% и т. д.). Основное занятие—рыболовство и охота. Среди туземцев широко развито оленеводство; стадо оленей определено в 45 тыс. голов. Часть русского населения занимается и сельским хозяйством, имеется домашний скот—лошади и коровы.

Монастырская волость, расположенная южнее, чем предыдущие, имеет несколько развитое скотоводство: число рабочих лошадей—371, коров — 430. Но на первом месте по числу занятого населения стоит рыболовство, на которое приходится 36% всего населения, на сельское хозяйство 20%, на охоту—15% и т. д.

Илимпейская волость населена тунгусами; из общего количества населения (2294 чел.) на них приходится 77%, затем якутов 21%, остальные русские и самоеды. Главное занятие рыболовство, охота и оленеводство; оленей насчитывается до 23 тыс. голов.

В Тазовской волости преимущественно кочевое население, всего 1607; из них 59% остяко-самоедов, 28% юраков, 11% тунгусов и т. д. Здесь более всего развиты рыболовство, охота и затем оленеводство; стадо оленей до 6 тыс. голов.

К «вневолостной территории», как выше уже было указано, главным образом, отнесены кочующие тунгусы по бассейну р. Поджаменной Тунгуски, которых насчитывается в этом районе 2152 чел. и затем оседлого русского населения—285 чел. Занятие — охота и рыболовство; развито оленеводство; оленей до 17 тыс. голов; имеется рабочих лошадей 140 и коров 58.

В целом по Туруханскому краю, на той территории, охваченной приполярной переписью, зарегистрировано 4262 хозяйства; из них 2532 туземных и 1730 нетуземных. В числе нетуземных хозяйств—562 временно проживающих, это служащие и рабочие факторий, Курейского рудника, местных госучреждений, также сезонное население на рыбных промыслах и др. Всего зарегистрировано населения 21,7 тыс. чел., в том числе мужчин 51,8%. Большая часть населения занята рыболовством, составляя 35% от всего населения, затем идут охота—27%, оленеводство 17%, сельское хозяйство—9% и проч. занятия—12%. Самый распространенный вид скота—олени, которых в общем насчитывается 168 тыс. голов (взрослых 68% и молодняка—32%); собак 6,4 тыс.; рабочих лошадей 1749 и коров 1861.

В Киренском округе переписью захвачены районы—Усть-Кутский, Чечуйский, Казачинский, Макаровский и Преображенский, с населением в 1536 чел., которое занимается охотой (41%), рыболовством (24%), оленеводством (22%), сельским хозяйством (12%) и т. д.

В Качугском и Бодайбинском районах Иркутского округа, переписано населения 545 душ об. пола, преимущественно тунгусы; занятие их—охота, сельское хозяйство, рыболовство и оленеводство.

В двух последних округах и в Тулуновском переписью обследованы лишь тунгусы и якуты. Необходимо заметить, что переписью не захвачена небольшая часть населения, недоучет составляет, как указывает Сиб. краевой статодел, не более 2,5% от всех переписанных в Туруханском крае семей.

Во II выпуске приводятся материалы похозяйственной карточки по Туруханскому краю. Они систематизированы по волостям, а в округах Киренском, Тулуновском и Иркутском по районам, с подразделением населения по образу жизни—на кочевое и оседлое и затем еще по народностям. Русское население ведет преимущественно оседлый образ жизни, а туземное—кочевой и лишь незначительная его часть—полукочевой. В вертикальных графах, т. е. в сказуемом таблиц, помещаются показатели принятые ЦСУ для разработки приполярной переписи, но некоторые из них выпущены (по тем объектам и явлениям, которых при переписи не встречено в Сибкрае) и в общем вместо 484 граф, принятых ЦСУ, печатается 401.

Здесь зарегистрированы все наиболее важные явления хозяйства жителя тундры и полутундровой полосы, как-то: движение населения (за 1924/25 и 1925/26 гг.), занятия как мужчин, так и женщин, наемный труд, постройки, сухопутный и водно-транспортный, рыболовный, охотничий и с.-х. инвентарь, количество скота и оленей (по группировкам хозяйств и числу оленей в хозяйстве), продукция земледелия, оленеводства, скотоводства, охоты, рыболовства и др. промыслов, покупка продуктов потребления и предметов орудий промыслов и т. д.

Большая часть кочевых хозяйств в Туруханском крае по величине оленьих стад относится к малооленным, но в Хатангской и Дудинской волостях нередко можно встретить хозяйства, имеющие 500—700—800 и свыше тысячи оленей. Но при всем этом данная отрасль хозяйства носит продовольственно-промысловый характер, отчуждение продукции оленеводства на рынок составляет ничтожный процент от валовой. Так, например, по Дудинской и Хатангской волостям поступает на рынок всего лишь по 65% от валовой продукции, по Илимпейской—4,1%; по другим волостям отчуждение совершенно отсутствует. Сравнительно высокую товарность имеет рыболовство: в Дудинской и Монастырской волостях продают на рынок половину всего улова рыбы, в В.-Инбатской—47%, в Тазовской—10% и в Хатангской—5%. Еще большую товарность имеет охотничий промысел: в В.-Инбатской и Монастырской волостях отчуждение равняется 95% от валовой добычи промысла, в Дудинской — 84%, Илимпейской—79%, Тазовской—64% и в Хатангской—58%. Отмечается особенно высокий денежный расход на приобретение продуктов продовольствия (хлеб, крупы, масло, чай, сахар, отчасти одежда, обувь и др.), предметов и орудий промысла.

Расход на одно хозяйство в среднем колеблется от 500 до 920 и выше рублей. По отдельным волостям на одну душу населения расход определяется: по продуктам продовольствия—в Дудинской волости — 70 руб., В.-Инбатской—67,4 руб., Монастырской—66,4 руб., Хатангской—60 руб., Илимпейской—52,3 р. и Тазовской—48,8 руб. и на предметы и орудия промыслов (в том же порядке в рублях)—75; 75; 72; 63,7; 57 и 55,8.

Оба выпуска изданы на хорошей бумаге, с прекрасной четкой печатью.

Ив. Черемных.

Д. С. Артамонов. Транспорт и торговля по восточной границе СССР. Москва, Транспечать НКПС. 1928. 295 стр.

Литература о Советском Востоке вообще, и в частности о Сибири, как известно, растет колоссально; среди моря печатных листов относи-

тельно немного мы встречаем серьезных научных исследований. Не берет нам особенно с печатными «трудами» большого масштаба компилятивного типа; например, крупная, интересная и весьма актуальная тема была взята Сибкрайиздатом—«Экономическая география Сибири» и, как известно, не удалась; точно также крупная и очень интересная тема взята Д. С. Артамоновым для своей компиляции «Транспорт и торговля Советского Востока», но автор по нашему мнению, тоже не справился с ней.

В предисловии автор авторитетно заявляет, что «ни до революции, ни после—не появлялось» такой книги, которая давала бы более или менее полное освещение проблемы транспорта на восточной границе. Это заявление обнаруживает, что автор отнесся к изучению своей темы поверхностно и с серьезной литературой Советского Востока не ознакомился; это подтверждается и списком источников, помещенным на 256 стр., где красуются по преимуществу второстепенные компиляции как дореволюционного, так и пореволюционного периода. Автор не познакомился даже с такой настольной книгой для транспортников на Востоке, как «Материалы Иркутского совещания 1906 г.».

Автор приводит удивительные открытия о каком то «Катунском тракте», связывающем Ойратию с Монголией (стр. 48), о судоходном использовании оз. Убса и прочих Кобдосских озер.

Автор путает также и исторические события. Он заявляет (стр. 23), что национальное движение монголов Халхи вызвано появлением Унгерна в 1920 г. Но как известно, национальное движение есть результат целого ряда глубоких исторических причин и началось за десять лет раньше появления Унгерна и прочих мелких событий. Монголия объявила себя независимым государством еще в 1911 г. и после этого были приняты и разрабатывались чрезвычайно любопытные экономические мероприятия в Сибири и Монголии, которые отчасти были осуществлены задолго до начала мировой войны, отчасти уже после революции. Литература по этому вопросу, также довольно богатая и интересная, осталась автору неизвестной.

После этих предварительных замечаний нас не удивит, что свое исследование торговых и транспортных вопросов, автор связывает, главным образом, с проблемой водного транспорта..

Все пограничные территории на Востоке автор делит на три сектора: Среднюю Азию—как бассейн Аральского моря, Центральную Азию—как бассейн верхних Иртыша и Енисея и Дальний Восток—бассейн Амура. Между тем известно, что ни в Средней Азии р. Аму-Дарья и особенно Сыр-Дарья, ни в Центральной Азии верховья р. Иртыша и Енисея не играли и не играют большой роли в развитии торговых сношений с восточными странами, как водные пути сообщения. Роль верхнего Иртыша и Енисея была значительной, но в другом отношении; как водные торговые пути эти реки уже 25 лет трактуются в качестве проблем будущего¹⁾, но осуществление этих проблем подвигается тихо—и это понятно: требуется затрата больших капиталов, которая еще не оправдывается экономическими интересами.

Деление нашей азиатской пограничной территории с прилегающими к ней зарубежными странами, на три экономических сектора — вполне допустимо, но тогда нужно было взять такую концепцию: 1) Средняя Азия и прилегающие к ней Персия и Афганистан; 2) Сибирь и прилегающие к ней Западный Китай, Монголия и Тунну-Тува и 3) Дальний Восток с Манчжурией, Кореей и Японией.

Совершенно очевидно, что прежде всего было необходимо дать экономико-географический очерк советским пограничным районам, выявив их значение как для советского народного хозяйства, так и для

1) См. очерк моего путешествия через Саяны в Монголию 1904 г.

соседей, и одновременно дать такое же экономико-географическое описание зарубежных стран как для советского народного хозяйства, так и для мирового хозяйства. Только после такого очерка можно было бы выявить, какие пути сообщения нужны на советской территории и для связи соседей с нами и с мировыми рынками. Оценка существующих путей с точки зрения пригодности и экономической целесообразности их могла бы показать, какие же проблемы будущих транспортных вопросов могут быть намечены, и какие торговые проблемы могут быть осуществлены.

Довольно значительный материал по вопросам некоторой части Советской Азии, собранный автором, к сожалению, не систематизирован, разбросан в разных главах и частях книги и поэтому с трудом читается и еще с большим трудом усваивается. Полной картины экономической увязки наших пограничных территорий с союзным народным хозяйством, а равно и соседних стран с приграничными районами и советским хозяйством нет; отсюда и транспортные проблемы не вполне ясны и обоснованы.

Автор, очевидно, знаком с вопросами водного транспорта по преимуществу на Дальнем Востоке и связанными с ними частичными экономическими вопросами.

Посвятив значительную часть книги статистическому материалу и частичному описанию Средней Азии и Дальнего Востока, автор совершенно ничего не сказал о Сибири, т. е. как-раз о самой главной территории, которая имеет хлеб, металл, развивает промышленность и скоро станет основной базой для торгового снабжения не только восточных пограничных соседей для снабжения советских Средней Азии и Дальнего Востока, но и более крупных восточных и тихоокеанских рынков.

Высказанные автором положения, заключения и предпосылки в его описаниях Средней Азии и Дальнего Востока могут быть признаны спорными; что же касается соседних зарубежных стран и особенно Центральной Азии, то материалы об них элементарны, неглубоки и в отношении Монголии даже просто безграмотны. Так, например, автор, подсчитывая в Монголии скот, называет цифру 12 млн. голов и еще дополнительных 26 млн. у «кочующих» монгол.

Тому, кто совершенно не знаком с Советским Востоком, пожалуй можно рекомендовать эту компиляцию, как экономическую хрестоматию для элементарного ознакомления, но для серьезного научного изучения поднятых в книге вопросов этот труд едва ли можно рекомендовать.

В. Л. Попов.

Производительные силы Дальнего Востока. Выпуск седьмой. Транспорт и строительство. Издание Дальневосточной плановой комиссии.

Сборник содержит доклады, читанные на первой конференции по изучению производительных сил Дальневосточного края.

В первой статье «Транспорт Дальнего Востока, состояние железных дорог и эволюция их в перспективе развития экономики края» А. П. Прежешцов тезисно проводит мысль о дальнейшем развитии магистральных ж.-д. путей. При их естественном тяготении к Тихому океану несомненно они имеют широтное направление. Из двух предлагаемых автором вариантов: а) Хабаровск—Советская гавань и б) ст. Бочкарево Амурской ж. д. Караурак и Николаевск на Амуре, нас особо интересует второе направление. Оно, правда, является разветвлением Сибирской магистрали, но амплитуда его по размерам и замыслу шире и глубже первого направления. Нельзя лишь согласиться с мыслью автора, что это хлебо-лесовозная линия. Ценность этого направления, в несколько видоизмененном вари-

анте, уже признана и только финансовые соображения послужили причиной отклонения его краевыми органами; но, учитывая важность этого направления для золотопромышленных целей, утвержденная пятилетка предусматривает постройку грунтового тракта. Связывая две видных системы Селемджи и Амгуни, как базы для образования складов, тракт прорежет золотоносные районы верховий: Селемджи, Нимана, Буреи и Амгуни, служа продолжением водных линий.

Что касается направления Хабаровск—Советская гавань, то крупная затрата средств, ее условная рентабельность и другие причины не дали оснований краевым органам добиваться ее постройки в законченном виде; лишь в колонизационных целях предполагалось провести первые 200 км. Как известно и этот вариант не получил санкции. По утвержденной схеме предусмотрено лишь во втором пятилетии проложить здесь шоссе.

Далее автор останавливается на проектах постройки ряда подъемных путей преимущественно в Южно-Уссурийском крае. В отношении Забайкалья автор выражает пожелание лишь о соединении Кяхты и Нерчинского завода с Сибирской магистралью.

Статья Н. Денисова «К вопросу восстановления и постройки гужевых дорог Далькая», оценивая значение гужевого и особо авто-транспорта, красочно иллюстрирует ту отсталость в дорожном хозяйстве, которая относится именно к области местного транспорта. Теоретически правильный учет уже нашел свое подтверждение в составленной пятилетке, где на нужды дорог государственного значения, помимо местного бюджета, ассигнуется 16 млн. руб.

Статьи В. Т. Айп «Применение механической тяги к службе связи и транспорта в условиях Дальнего Востока» и А. Фогельман «Механизация местного транспорта» как бы дополняют друг друга. Первая дает теоретическое обоснование всех расчетов для применения авто-транспорта, а вторая—возможности его конкретного использования с несомненной рентабельностью.

Статья П. П. Чебышева «Состояние и использование водных путей Амурского бассейна» посвящена изучению природы речных систем, их жизни в разные периоды года и питания, видоизменяемости и методов обслуживания. Построенная на глубоком знании Амурского бассейна, имея теоретическую ценность, статья окажется полезной и для линейных водников.

Дальше следуют две статьи Б. В. Каразина «Порт на западном берегу острова Сахалина» и А. В. Варкулова «Портовые изменения на русском побережье Тихого океана». Ценность первой статьи заключается в богатом исследовательском материале, который уже ныне дает ключ к разрешению вопроса о постройке Александровского порта. Вторая статья вполне своевременно затрагивает вопрос о вовлечении в народно-хозяйственный оборот Союза богатств Тихоокеанского побережья, требующего соответственного обслуживания флотом и приспособленными портами. Положения последнего автора, в расширенном виде, в планах ЦУМОРа нашли уже свое отображение, и предстоящая пятилетка пройдет по двум направлениям: строительство портов Владивостока, Александровска и Усть-Камчатского, с дообследованиями или новыми изысканиями в остальных частях.

Систематично подобранный материал отдела, посвященного транспорту, имеющий частью теоретический характер, а частью—конкретные предложения, дает ясную картину краевых транспортных нужд.

В ином виде дан материал отдела «Строительство»—он несколько оторван от принципиальных установок той же конференции.

Статья Н. Н. Красева «Ханкайская низменность, ее экономические перспективы и технические особенности ее ирригации» в основе разре-

шает ряд вопросов по использованию, считавшихся негодными, заболоченных пространств. Рисосеянию здесь отводится главное место.

Статья А. Н. Лагутина «Водное хозяйство ДВК» служит ценным материалом, библиографически освещая последовательность изучения всех водных систем, включая морское побережье. В конце автор выдвигает совершенно новый вопрос об использовании гидравлической энергии.

Статья П. А. Павлова «К вопросу об использовании климатических данных для хозяйственных и технических надобностей» кратко, но выразительно рисует расплату по всем линиям хозяйства за игнорирование этого особо важного здесь фактора. Приходится сожалеть, что автор, знаток края, не привел примеров влияния на с.-х. жизнь Печалийских муссонов и вечной мерзлоты.

Статья М. Я. Чернышева «Сооружения в мерзлых грунтах» затрагивает новый и важный вопрос, над которым работает современная научная мысль. Мерзлоту автор изучает только в районах Амурской ж. д. и ставит очень узкую цель—сохранение водопроводных труб и исследование силы сцепления мерзлых грунтов при разной влажности с деревом при различных температурах. Вопрос о влиянии той же мерзлоты на каменные сооружения им оставлен в стороне.

Статья С. А. Данилова «Об испытании строительных материалов на Дальнем Востоке и краевой испытательной станции» излагает теоретическое обоснование этого вопроса у нас и за границей, а затем дает краткую ссылку на работы испытательной станции.

И. Х. Бергман в статье «проблема радиовещания» указывает на желательные и возможные методы установки радиовещания, приводит примеры разрешения этого вопроса за границей. Автор подчеркивает необходимость постройки в крае мощной станции.

Последняя статья принадлежит М. Я. Чернышеву и посвящена плану электрификации Владивостокского округа.

В конце книги приложены постановления конференции по изложенным докладом.

П. Захаров.

А. С. Пряшкевич. Сельско-хозяйственные районы Новосибирского округа. Часть I. (Расположение и краткая характеристика с.-х. районов). Новосибирск. 1928. 39 стр.

Работа была заслушана на заседании Сибирского отдела Гос. Научно-исследовательского института с.-х. экономики. Автор в начале дает определение района, останавливается на методах районирования с применением натуральных показателей (по проф. А. П. Челинцеву) и ценностных (по проф. Г. А. Студенскому), затем на характеристике тех и других показателей, на определении системы хозяйства и после этого на основном вопросе—районировании Новосибирского округа.

В результате составленных комбинированных таблиц из основных показателей по сельскому хозяйству автор приходит к выводу, что Новосибирский округ по признакам сельско-хозяйственной деятельности разбивается на шесть районов: 1) Прибарабинский—многокотный и малопосевный; 2) Индерско-Ужанихинский—многопосевный и многокотный, с развитым овцеводством; 3) Салаирский—среднекотный и среднепосевный с развитием льноводством; 4) Приобский—многопосевный; 6) Берско-Черепановский—многопосевный и малоскотный. В районах Ундерско-Ужанихинском, Приобском и Сокурском скотоводство имеет направление молочно-мясное, а в Салаирском—мясомолочное.

Х.

Проф. С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. Москва, изд. М. и С. Сабашниковых. V + 198 стр. Цена 3 руб.

Недавно появившийся в печати труд проф. С. В. Бахрушина по истории колонизации Сибири представляет собой первый выпуск обширной работы, далеко выходящей за пределы изучения собственно колонизационного процесса. Согласно плану, изложенному самим автором, очерки в трех последующих выпусках должны охватить все стороны социально-экономической и политической жизни Сибири XVI—XVII вв. Таким образом, перед нами начало большого исследования, затрагивающего почти все проблемы, поставленные современной сибирской историографией.

Первый вопрос, который после ознакомления с общим планом этого исследования и, более подробно, с планом вышедшего выпуска, является вопрос о том, почему автор придал своей работе характер отдельных самостоятельных очерков? Ответ на этот вопрос нам думается, следует искать в общем состоянии сибирской историографии. Сибирь очень рано, еще в середине XVIII в., нашла своего исследователя в лице неутомимого Герарда Миллера, собравшего в местных сибирских архивах огромный документальный материал, который отчасти был использован им самим в его Сибирской истории, отчасти явился тем основным фондом, из которого черпали материал все последующие историки Сибири, вплоть до конца XIX в. Еще в середине XVIII в. Миллером была создана и общая схема сибирской истории, влияние которой чувствовалось на протяжении более ста лет. Лишь в последней четверти XIX в. было приступлено к изучению богатейшего архивного фонда Сибирского приказа (работы Буцинского), который прежде всего требовал приведения в известность заключающихся в нем материалов и их научного описания; последнее в значительной степени было выполнено Н. Оглоблиным. Однако, русская историческая наука, занятая в это время общими вопросами русской истории, не уделила достаточного внимания историческому быту далекой окраины, и история Сибири продолжала оставаться в том положении, которое было создано трудами Г. Миллера и П. А. Словцова. Несмотря на выдающееся достоинство этих трудов для своего времени, историческая наука выдвинула к началу XX в. такие требования, которым не могли удовлетворять историки, писавшие в середине XVIII в. и в начале XIX в. Таким образом, возникла настоятельная необходимость общего пересмотра схемы Миллера—Словцова на основании изучения богатейших архивных фондов Сибирского приказа. Исследователь, который пожелал бы пересмотреть эту схему, неминуемо должен был столкнуться с необходимостью предварительно разрешить ряд отдельных проблем, каждая из которых требовала монографического изучения. Этой задаче должны ответить очерки по истории колонизации Сибири проф. С. В. Бахрушина.

Вышедший в свет первый выпуск очерков состоит из трех очерков, первый из которых посвящен общему обзору исторической литературы, второй — путям в Сибирь в XVI—XVII вв. и третий — истории русского продвижения за Урал.

В обзоре исторической литературы рассматриваются сибирское летописание и главные течения в сибирской историографии с XVIII в. Научное изучение сибирских летописей, несмотря на ряд исследований, не могло считаться законченным. Нельзя признать вполне разрешенным и основной вопрос — о взаимоотношениях между различными сибирскими летописными памятниками. По схеме Адрианова, предложенной еще в начале 90-х гг. и пользовавшейся до последнего времени наибольшим признанием, первоисточником сибирского летописания является синодик арх. Киприяна, положенный в основу Есиповской летописи, которая, в свою очередь, послужила источником для так наз. Строгановской летописи.

Исследование проф. Бахрушина приводит к иным выводам: синодик арх. Киририя является не первоначальным летописным текстом, а литературной переработкой не дошедшего до нас первоисточника, восходящего к кошке XVI в. или к самому началу XVII в. Строгановская и Есиповская летописи пользовались этим первоисточником совершенно самостоятельно. Таким образом, в основе всех трех древнейших сибирских летописей лежит один и тот же протограф, использованный каждой из них различным образом. Есиповская летопись в конце XVII в. послужила канвой для нового литературного произведения, принадлежащего тобольскому сыну боярскому Семену Ремезову (так наз. Ремезовская летопись). Наиболее интересной стороной этого памятника является внесение в него туземных легенд, раскрывающее самый процесс литературной работы. Весьма интересны также те наблюдения, которые сделаны проф. Бахрушиным над составом Кунгурской летописи, с ее народным стилем и «грубоватым народным юмором», основанной в значительной степени на устном предании, и повести, вошедшей в «Описание новые земли Сибирского государства», послужившей, как выяснил проф. Бахрушин, источником для известного сочинения голландца Витзена «О северной и восточной Тартарии». Весьма ценным является впервые произведенный анализ подлинного текста сочинения Витзена в той его части, которая основана на «повести», очень ясно выяснивший источники голландского текста и приемы их переработки. Нужно признать, что проф. Бахрушину с большой убедительностью удалось разрешить основные вопросы сибирского летописания.

Вторая часть первого очерка посвящена обзору сибирской историографии, от сочинений Миллера до работ последних лет. Написанный очень легко, этот очерк не только показывает общий процесс развития исторической науки в Сибири, но и обрисовывает в конкретных чертах первых сибирских историков.

Второй очерк посвящен изучению тех путей, по которым направлялись колонизационные струи в Сибирь в XVI—XVII вв. Он состоит из двух частей: 1) пути за Урал и 2) пути в Восточную Сибирь. Автор излагает историю каждого пути в отдельности в связи с общими формами колонизационного процесса, выясняет мотивы их проложения и дает ряд чрезвычайно ценных социально-экономических и бытовых характеристик.

Третий очерк посвящен истории передвижения за Урал. По своему содержанию он тесно связан со вторым очерком и дает общий ход открытий и завоеваний до середины XIX в. Уже предшествующий очерк, подробно исследовавший историю и значение каждого пути в отдельности, должен был накопить большой материал для разрешения общих вопросов сибирской колонизации. Докатившись до естественно-географических границ, колонизационная волна перебрасывается за Урал: сначала охотники и купцы проторивали дорогу, а за ними в новые земли шел крупный предприниматель, окончательно укрепивший захват новой территории. Позднее выступает государство, — и Новгородское и Московское, — осторожно используя частную предприимчивость, направляющуюся тенденциями хищнической хозяйственной эксплуатации. Мотивы, заставлявшие, в поисках за дорогом товаром, пробиваться в Сибирь которая манила промышленников своими пушными богатствами, оказываются связанными с общим экономическим развитием страны; оно определяет и переломный момент колонизации, когда она от отдельных разрозненных попыток переходит к планомерному захвату территории и углублению на Востоке—это момент начала торговых сношений в середине XVI в. с Западной Европой, предъявившей спрос на пушной товар. С началом 70-х годов столетия проявляют усиленную деятельность Строгановы, снарядившие ряд экспедиций, в том числе и знаменитую экспедицию Ермака, которая неожиданно привела к захвату Сибирского

царства. В конце столетия конкурентом частной предприимчивости выступает государство, закрепляющее достигнутые успехи и продолжающее планомерное наступление в долину Иртыша, уже по плану, выработанному в столице. С покорением Оби и ее притоков заканчивается первый период в истории завоевания Сибири. Инициатива переходит в руки местной администрации, которая так же, как и центральное правительство, широко использует предприимчивость промышленников и охотчих людей. Последние идут по стопам отступающего соболя, по мере того как хищнически истребляются ценные породы этого зверя. Так происходит завоевание Енисея и Лены. Драгоценный «рыбий зуб» манит промышленников на крайний северо-восток; слухи о сказочных богатствах Даурии приводят к снаряжению военно-промышленных экспедиций на Амур. Последние по своей организации очень близко напоминают первые строгазовские экспедиции. И так же, как при захвате Западной Сибири, появляется государственная власть, укрепляющая новозавоеванную территорию.

Такова концепция завоевания Сибири. В общем виде она была дана проф. Бахрушиным еще в 1922 г. (во 2 выпуске «Очерков по истории колонизации Севера и Сибири», издание Комитета Севера при Русском Геогр. О-ве и Северной колонизационной комиссии) и с этого времени уже успела получить распространение в исторической литературе (см., например, работы Огородникова). По сравнению с указанной работой 1922 г., изложение этой схемы получило большую законченность и ясность, в особенности в отношении выводов, касающихся общих причин русской экспансии на Восток, которая теснейшим образом оказалась связанной с интересами торгового капитала; в зависимости от этого ранняя колонизация Сибири имеет преимущественно торгово-промышленный характер.

Автором произведена огромная научная работа как в отношении богатства привлеченного материала, так и в отношении убедительности и точности достигнутых результатов. Не меньшее значение она будет иметь и в отношении методов исследования, позволяющих автору путем тонкого анализа с успехом разрешить многие спорные и трудные проблемы сибирской истории. Автору удалось объединить весь разнообразный материал в рамках одной большой исторической картины, написанной яркими и сочными красками; в этом отношении особенно обращает внимание второй очерк. Все это заставляет думать, что книга проф. Бахрушина, не ограничиваясь сравнительно небольшим кругом специалистов, проникнет и в широкую читательскую массу, интересующуюся прошлым Сибири. Пожелаем, чтобы дальнейшие обещанные выпуски не заставили себя долго ждать.

К. Б.

Декабристы М. и Н. Бестужевы. Письма из Сибири. Вып. I. Селенгинский период. 1839—1841. Редакция и примечания М. К. Азадовского и И. М. Троцкого. Иркутск. 1929. (Иркутская секция научных работников). Стр. 138. Тир. 500 экз. Цена 2 р. 25 коп.

Последние годы несколько обогатили и освежили трафаретные зарисовки сибирской жизни сыльных декабристов. В свете новых публикаций и исследований из неприятельских строк товарищеских писем уже вырисовываются отдельные кружки и группировки, отдельные фигуры. Встают живые «всамделишные» люди, с их человеческими достоинствами и недостатками, проступающими сквозь линяющую сусальную позолоту подвижничества и великомученичества, в которые упрямо облекала их дореволюционная историография.

Во всем этом оказывается, на первый взгляд, много неожиданного. Приходится раз и навсегда распрощаться со штампованным представлением о сибирских узниках, как об одной дружной семье, единой монолитной громаде. Каждый из сотни людей, рассыпанных по медвежьим углам Сибири, принес с собой свое мировоззрение, свою идеологию, которая еще, так или иначе, по новому перековывалась в условиях каторги. В результате и выкристаллизовались отдельные, более или менее значительные, группировки.

Совершенно очевидно стало, что в дальнейшем предстоит заняться дифференциацией в этом направлении ссыльных декабристов. Изучение данного вопроса стимулирует и политические позиции амнистированных декабристов 60-х гг. и, вместе с тем, отбрасывает свет на далекое прошлое, облегчая ориентацию и уразумение идеологии декабристов в 20-х гг. Все это покуда крайне суммарно и схематично. Отдельные группы, отдельные фигуры, как на смелом полотне большого художника, еще ждут того последнего мазка, который мертвые контуры наполняет жизнью.

К разрешению этих вопросов направлена книга писем М. и Н. Бестужевых. На страницах ее ожили двое ярких представителей декабристского движения, характерные для той, — по выражению редакторов издания, — «скорее разночинной, чем помещичьей группы, в большинстве остающейся верной идеям буржуазной революции в политическом отношении», которая «в личной жизни примыкает к сибирским капиталистическим кругам, превращая вынужденное поселение в сибирских городах и местечках в плодотворную пионерскую работу» (стр. V).

Настоящий I вып. охватывает сравнительно небольшой по времени отрезок богатого эпистолярного наследия Бестужевых. Это — письма к родным за 1839—1841 гг., т. е. за первые годы поселения. Тематически они замыкаются по преимуществу в круг хозяйственных забот, замыслов и предприятий. Таким образом, опубликованные письма как раз и вводят читателя в самый центр, в один из главных штабов этой упрямой пионерской работы декабристов по развитию сельского хозяйства, скотоводства, торговли. В своем повествовании Бестужевы не стесняют себя тесными рамками чисто личных работ и интересов. Последние воспринимаются ими в чрезвычайно широком аспекте, откуда понятными делаются частые длительные экскурсы в область торговли и промышленности вообще Сибири. Для примера укажем интересное письмо № 21, посвященное своеобразным условиям кяхтинской торговли. Это уже выходит из круга узко-декабристских интересов, придавая письмам новую ценность.

Но книга эта вообще изобилует приятными сюрпризами. Так, историк литературы не сможет обойти письмо Н. А. Бестужева к брату Павлу (№ 12), с меткими характеристиками известного журнального триумvirата Греча, Сенковского и Булгарина, с интересными замечаниями по поводу Грамматики Греча и канонов русского разговорного и литературного языка.

В сопутствующих тексту писем примечаниях М. К. Азадовский и И. М. Троицкий отступили от обычного био-библиографического уклона, насытив комментарий историко-этнографическими, краеведческими и историко-литературными разъяснениями.

По замыслу редакторов, в последующие выпуски должна войти переписка Бестужевых и с другими лицами, в частности и в особенности с декабристами. Всякий, кто сколько-нибудь знаком с богатейшими материалами, содержащимися в архиве Бестужевых (находящемся в Пушкинском Доме), не может не приветствовать горячо этого начинания, являющегося ценным вкладом в декабристскую литературу.

Сергей Гессен.

Michał Ianik. Dzieje polakow na Siberji. Krakow, 1928 VIII+472 Str.

Начиная с последнего раздела Польши, т. е. с конца XVIII в. и кончая ликвидацией восстания 1863 г., сотни тысяч поляков были высланы из пределов Польши во внутренние губернии России, на Кавказ и главным образом в Сибирь. Каждая попытка отстаивать свою национальную свободу стоила громадных жертв польскому народу. С 70-х гг. прошлого столетия и до мировой войны, когда вопрос национальной свободы стал тесно переплетаться с новой идеологией, с идеологией польского пролетариата, начавшего революционную борьбу с царским правительством в значительной мере под воздействием русского революционного движения, судьбы польского пролетариата тесно сплелись с судьбами русского, и сибирская каторга получала новые жертвы.

Понятно само собой, что вопрос о связи поляков с Сибирью, так сказать, польско-сибирский вопрос, привлекал внимание исследователей польского революционного движения и борьбы за национальную свободу. За триста с лишком лет, протекших с тех пор как Сибирь стала служить местом ссылки для поляков, накопилось громадное количество литературы, главным образом мемуарной, посвященной Сибири и пребыванию там поляков в качестве ссылных. Явилась необходимость подвести итоги, выяснить роль и значение ссылки в Сибирь для самого польского народа, с одной стороны, с другой — учесть то влияние, которое оказали сотни тысяч польских ссылных на общественную жизнь сибирского населения, среди которого многим приходилось жить долгие годы; явилась необходимость определить степень влияния польских ссылных на экономическое развитие края, учесть заслуги поляков в истории научного изучения Сибири и т. п.

Первую такую попытку дать историю поляков в Сибири мы имеем в пользовавшейся в свое время большой известностью книжке С. Либровича „Polacy w Syberji“ вышедшей в 1834 г. в Кракове. Русских исследователей Сибири, как места ссылки, также интересовал вопрос о ссылных поляках. Следует указать на работу С. Максимова «Сибирь и каторга», ч. I—III Спб., 1871 (глава I части III посвящена целиком ссылке поляков в Сибирь). В «Сибирской библиографии». В. Межова указан ряд работ, касающихся этого вопроса.

Работа М. Яника «История поляков в Сибири», вышедшая в 1928 г., является как бы дополнением и продолжением указанной работы Либровича, которого автор справедливо считает своим предшественником. Яник, как и Либрович, начинает историю польско-сибирских отношений с очень отдаленных времен, с XIII в., с известной экспедиции Платона Карпини и Бенедикта Полонуса, польских францисканских монахов, и доводит ее до революции 1917 г. Работа построена главным образом на польских источниках — рукописных и печатных, кое-где есть ссылки и на русскую литературу. Автор совершенно не пользуется официальными русскими источниками, ссылаясь на то, что они недоступны. Это существенный пробел, так как без критического учета официальных русских источников «История поляков в Сибири» значительно проигрывает в полноте и объективности.

В книге собран обширный материал, изучена громадная литература польских мемуаров, не только напечатанных, но и ряда таких, которые еще ждут своего напечатания.

Ряд мемуаров имеет большое значение и для истории русского революционного движения. Поляки-ссылные встречались в Сибири с деятелями русского революционного движения и в своих мемуарах сохранили ряд любопытных деталей из жизни и быта русской политической ссылки. Большой интерес представляют мемуары Ю. Сабинского, до сих пор не напечатанные («Девятнадцать лет, вырванных из моей жизни или

дневник моей неволи и изгнания с 1838—1858 г.),—автор говорит о декабристах, об их отношении к ссыльным полякам, которых декабристы встречали весьма радушно и во многом им помогали. Сам автор был наставником в доме Волконских, и о нем вспоминает Волконский в своих записках.

В первой главе автор дает описание Сибири, говорит о ее географическом положении, путях сообщения, о сибирских этапах, о населении, русском и туземном, о флоре и фауне Сибири, о минеральных богатствах, условиях развития промышленности и т. п. Автор считает, что описание сибирской жизни, какое мы имеем в различных воспоминаниях ссыльных поляков, имеет и до сих пор актуальное значение, так как в настоящее время, по мнению автора, сибирская жизнь подверглась изменению лишь в мелочах... Только игнорированием русских источников и современной литературы о Сибири можно объяснить подобные утверждения Яника.

Поляки-ссыльные, прибывшие в Сибирь, сталкивались здесь с жизнью, резко отличающейся от жизни их родины, не все им было понятно в жизни сибирского населения, и, сравнивая эту жизнь с жизнью у себя, они невольно впадали в крайности и преувеличения. Без существенных оговорок строить описание Сибири на этих воспоминаниях нельзя, так как получается картина, совершенно несоответствующая действительности. Односторонностью страдает и характеристика населения Сибири, данная автором в предисловии. По мемуарам ссыльных поляков, сибирской крестьянин представляется «мстительным, крайне невежественным, имеющим огромные способности и совершенно лишенным каких бы то ни было моральных чувств». Женщины-сибирячки характеризуются, как существа в большинстве случаев «аморальные, развратные не столько по своему темпераменту, сколько из-за материальных соображений». Идеалом женской красоты для сибиряка являются женщины полные, румяные, огромного роста. В последнее время обычаи и нравы сибирские несколько обогородились, — замечает автор. Характеристики туземного населения Сибири односторонни и наивны. Так, якуты — добры, тунгусы — ловки, татары — народ замкнутый, чукчи — совсем дикие и ненавидят русских, буряты — разбойники и т. д. Экономическое положение Сибири обрисовано в самых общих чертах, и о развитии сибирской промышленности говорится постольку, поскольку в нем участвовали поляки.

Глава II посвящена пребыванию в Сибири первых поляков — посольство папы Иннокентия IV. В III главе рассказывает о ссыльных поляках со времени Стефана Батория до Великой Северной войны. Ссыльные этого периода — военнопленные, взятые во время войн России с Польшей. Один из таких военнопленных был чем-то вроде секретаря у сибирского царя Кучума (стр. 36). Яник высказывает предположение, что этому лицу могла принадлежать написанная в конце XVI в. в Москве «Хроника поляка», изданная в сборнике 1874 г. «Московия, или известия из Московии».

IV глава обнимает события от Барской конфедерации до наполеоновских войн. В главах V—VI говорится о ссылке в эпоху Николая I. Главы VII—IX посвящены мемуарам ссыльных этой эпохи. Особенное внимание автор уделяет мемуарам и работам Агатона Гиллера, которому принадлежит большой труд «Описание Забайкалья», изданный в Лейпциге в 1867 г. в 3 томах. Автор приводит взгляд Гиллера на политику русского правительства в восточном вопросе и замечает, что политика советского правительства есть продолжение политики царской, с той разницей, что прежде действовали силой оружия, а теперь силой пропаганды... Это замечание указывает на определенные политические тенденции, которые проявляются в разных местах рецензируемой работы.

В главе XII Яник дает общий обзор николаевского периода ссылки и пытается нарисовать картину сибирской каторги в этот период. В самых общих чертах говорит о роли поляков в истории сибирской общественной

жизни и приводит любопытные сведения о том, что в картине «Тайная вечеря» Кяхтинского собора, нарисованной польским художником Рейхелем, головы Христа и апостолов представляют портреты ссыльных поляков.

Глава XIII говорит о подготовке восстания 1863 г., в котором отмечаются влияния русского революционного движения. Глава XIV посвящена одному из грустных эпизодов польской ссылки в Сибири, известному и по русским источникам, — восстанию поляков на Байкале в 1886 г. В главах XV—XVI рассматриваются мемуары ссыльных о восстании 1863 г. Мемуары эти интересны, между прочим, и в том отношении, что в них встречаются попытки одмыслить пребывание поляков в Сибири, придать сибирской ссылке мистическое значение, подобное тому, какое придавал А. Мицкевич в период товянизма роли польского народа в мировой истории.

Глава XVII посвящена последнему этапу польской ссылки в Сибирь.

Первые жертвы польского революционного движения связываются с киевским процессом 1876 г. Ряд выдающихся деятелей польского революционного движения был сослан в Сибирь. Говорить о польской ссылке в Сибирь в этот период значило бы перелистывать страницы за страницей историю революционного движения в Польше в последние десятилетия. В книге Яника эта история дана в самых общих чертах.

В заключительной XVIII главе дан очерк изображения Сибири в польской художественной литературе и искусстве. Глава представляет большой интерес, как первая попытка в этом роде.

Заканчивает автор свое исследование следующими словами: «Как некогда под Лигницей мы (т. е. поляки) сыграли роль защитной стены для европейской цивилизации, так в той же роли мы пребывали и в период царских набегов, не изменили мы ей в лице лучших наших представителей в эпохи неволи. Это одно из главных прав Польши на занятие места в вольном собрании народов мира. Поэтому Сибирь является не только местом наших страданий и мученичества, но скорей символом добродетели и силы духа польского народа». Автор, таким образом, является сторонником идеологии, ведущей свое начало с XVI в. и возникшей в среде польской шляхты, презиравшей о какой-то особой культурной миссии Польши, призванной защищать европейскую цивилизацию от варваров, идущих с востока...

Проверить некоторые выводы автора, сделанные им на основании изучения мемуаров, для русского читателя не всегда возможно, так как громадное большинство их недоступны для нас.

Основной недостаток книги (нами уже отмеченный) в том, что автор не использовал русских источников. Отдельные ссылки на русские работы (Максимова, Ядринцева, Кропоткина и др.) не дают по существу ничего нового для уяснения истории поляков в Сибири. Автор занимался больше рассмотрением самих мемуаров и очень мало уделил внимания роли поляков в культурной и экономической истории Сибири. В этом отношении книга Яника дает очень мало нового в сравнении с цитированной выше книгой Либровича, хотя автор располагал значительно большим количеством данных, чем Либрович, писавший свою книгу в 1884 г. объективная история пребывания поляков в Сибири может быть написана лишь тогда, когда будут использованы русские источники и богатый материал хранящийся в архивах.

Поляки, как и русские политические ссыльные, оказали громадное влияние на рост культурного самосознания сибирского населения, но влияние это осталось неразъясненным и после выхода монографии Яника, в которой приведен несистематизированный материал вне связи с историей экономической жизни Сибири.

К. Пушкаревич.

Waldeamorlochelson. Peoples of Asiatic Russia. The American Museum of Natural History. 1918. 277 стр.

Сводки данных о племенном составе, культуре, физическом типе населения Советской Азии мы до сих пор не имели. Проф. В. И. Иохельсон в рецензируемой работе делает первую попытку подобной систематизации¹⁾ этнологических, антропологических, лингвистических и др. данных о населении Советской Азии и сопредельных районов. Книга разбита на 10 глав. В 1-й главе рассматриваются «монголоидные» народы Азии и Европы (Иохельсон выделяет пять основных языковых групп: финскую, самоедскую, турецкую, монгольскую и тунгусскую, делящиеся в свою очередь на подгруппы). Приводятся сведения о численности, расселении отдельных племен. Дается деление Сибирского края до районирования, приводятся данные о процентном соотношении русского и туземного населения, плотности и т. д. Принцип выделения «монголоидной» группы—антропологический. Во 2-й главе автор рассматривает народности Северо-Восточной Азии, обозначаемые им как «американоиды»; эти группы выделены по совокупности культурных и антропологических данных. В 3-ей главе рассматривается вопрос о двух народностях, антропологический тип которых не ясен: айну и кето. 4-я глава посвящена Туркестану. Описываются сначала турецкие народности (без выделения их в особую группу): киргизы, кара-киргизы, узбеки, туркмены, кыпчаки, «сарты»—кара-калпаки, «монгольские» племена: дунгане(?) сарт-калмаки, «арийцы»: таджики, персы и др.; семиты: евреи и др. В заключение дается схема административного деления средне-азиатских республик. В 5-й главе разбирается население степных азиатских губерний (Акмолинская, Уральская, Тургайская, Семипалатинская); киргизы (следует казаки). 6-я глава посвящена Кавказу. Автор выделяет следующие группы: яфетиды (грузинская, абхазско-черкесская, чеченская, лезгинская погруппы), индоевропейцы (курды, персы, таты и др.), семиты, монголоиды (Caucasian mongoloids: Азербайджанские турки, кумыки, карачаевцы, османы, кара-папахи²⁾, туркмены, ногаи); монгольские племена (mongolic tribes): калмыки. В 7-й главе рассматриваются иранские народности Средней Азии и Кавказа. 8-я глава посвящена вариациям некоторых антропологических признаков: роста, головного и лицевого указателя, модуля Шмидта. В 9-й главе разбираются элементы культуры: образ жизни, жилище (приводится классификация), одежда, искусство. В 10-й главе—данные по доистории, истории и краткие сведения о миграциях ряда народностей. В заключение приводятся данные о религиозной принадлежности (по официальным довоенным данным) и о языковом составе населения. К книге приложено 10 карт³⁾: этнографическая карта Азиатской России, карта административного деления Сибири до районирования, распространения антропологических признаков, образа жизни, религия.

Как видно из краткого содержания книги, она охватывает большинство основных моментов, характеризующих население Советской Азии. Но вместе с тем, нельзя обойти молчанием ряд, порой существенных, недочетов. Прежде всего вызывает возражения принцип деления народностей. Вернее, в книге вообще отсутствует единый классификационный принцип. Часть групп выделена по антропологическому принципу (1-я глава), часть—по географическому (5-я глава), часть—по совокупности признаков (2-я глава), наконец, выделена специальная языковая иранская

1) Имевшиеся сводки проф. А. Н. Максимова (1918) ИКИПС (1929) касались преимущественно племенного состава. В «Völkerkunde». Бушва на дается лишь общекультурный очерк.

2) Теперь живут за пределами СССР.

3) В рецензируемом экземпляре из библиотеки I МГУ 10-й карты (религия) не было.

группа (7-я глава). Автор даже внутри этих общих делений не соблюдает единства классификации, смешивая понятия о расовой и этнической принадлежности. В целях последовательности автор должен был подразделять антропологические группы на расовые подгруппы, а не на этнические, а также не соединять в одну языковую группу народности, говорящие на разных языках, но близкие по физическому типу (включение чувашей в булгарскую подгруппу финской группы). С другой стороны нельзя делить народности внутри одной географической провинции частью по языковому, частью по антропологическим данным (так, на Кавказе мы имеем антропологическую группу «монголоидов» на ряду с языковыми группами—арийцами, яфетидами и монголами). Но даже с точки зрения антропологической, объединение указанных групп (см. выше) в «монголоидов» отнюдь не правильно, так как монголоидами являются лишь ногаи (Пашиняне)⁴ и отчасти туркмены (Ярхо)⁴. У азербайджанских тюрков (Курдов, Ярхо)⁴, карачаевцев (Щужин, В. И. Левшин)⁴, кумыков (Свидерский) преобладающее ядро отнюдь не монголоидно. Непонятно, почему автор не объединил эти племена в группу казакских тюрков. Таким образом, основное требование, предъявляемое к классификации — единство принципа деления, автор не выполнил. Было бы естественней провести деление по языковому принципу с выделением географических областей. Самые сведения о численности племен зачастую устарели, так как автор пользуется данными переписи 1897 г. Большой частью сведения о расселении племен приводятся в старых дореволюционных границах. Правда, в конце глав автор дает схемы нового деления, но они как-то оторваны от предыдущего изложения и не всегда точны (схема Кавказа). В номенклатуре народностей автор придерживается старых наименований: киргизы (вместо казаков), кара-киргизы (между прочим, автору осталось неизвестно образование Киргизской АССР, обозначенной Кара-Киргизской Автономной областью), союты (танну-тувинцы), черемисы (мари); последние ошибочно разделены на «лесных» и «горных» вместо «луговых» и «горных» (стр. 21). При обзоре народностей Алтая нечетко выделены теленгеты и телеуты. «Союты», по автору населяют Бийский и Миусинский уезды и лишь часть находится в Монголии. Между тем основное ядро танну-тувинцев живет в самостоятельной республике.

Антропологическая часть книги вызывает также ряд существенных возражений. Так, при выборе признаков автор ограничивается лишь ростом и головным лицевым указателем. Между тем выделение расовых типов на основании исключительно этих признаков невозможно. Впрочем, автор и не пытается провести типологический анализ расовых данных, хотя еще Деникер выделил вполне удовлетворительно расовые типы. Северной Азии. Джуфрида Руджери (1918; автору, по видимому, эта работа неизвестна, так как имеющиеся в ней данные Чаплицкой о западных тугнусах и авамских самоедах не использованы) также сделал попытку систематизировать данные о расовом составе населения Азии.

Приходится выразить сожаление и по поводу того, что в таблицах не приводятся авторы, у которых заимствованы эти цифры. Выбор модуля Шмита для характеристики мозговой коробки также нельзя признать удачным.

Чрезвычайно подробно (в объеме данной книги) разобрано жилище. Автор не ограничивается одним описанием форм, но сопоставляет тип строения с географическими и другими условиями. В общем, это наиболее оригинальный и имеющий большой научный интерес отдел книги. Другие элементы культуры разобраны более поверхностно. Также, как и для расовых данных, автор не выделяет комплексов и культурных наслоений в отдельных районах; даже говоря о миграциях, он ограничи-

⁴) Данные не опубликованы.

зается лишь краткими указаниями о переселениях народов из того или другого места, почти не затрагивая общих вопросов происхождения основных этнических группировок. В классификации народов по религии автор приводит, как мы указывали выше, преимущественно официальную религию. Обращает внимание неправоильное причисление карагасс к буддистам (со ссылкой на проф. Петри). В классификации языков турецкие языки не подразделены на группы.

В конце книги приложена библиография. К сожалению, ряд работ автором не использован (упомянутая выше работа Руджери, работы Хильдена об Алтае, Руденко по казакам, Ошанина по средне-азиатским народностям, весьма существенная работа Тугаринова по камасицам и др.).

Карты, особенно этнографическая, не вполне показательны. Этнографическая карта Сибири в «Народоведении» Бушена дает читателю значительно больше, нежели «мертвая» карта Йохельсона. Мы не можем больше останавливаться на разборе книги; в ней имеется, на ряду с указанными выше моментами еще ряд спорных положений и не всегда точных указаний (так, на странице 23 из примечания явствует, что три рода койбалов по Кастрену остяцкого происхождения. Между тем, Кастрен говорит об енисейско-остяцком происхождении и этих сеоков). Имеется и ряд крупных пробелов, отсутствие характеристики хозяйственного устройства, культурного строительства и др.

В общем, резюмируя сказанное эту книгу нельзя признать научно-исследовательской систематизацией данных по населению Азиатской части СССР, так как в ней момент анализа почти отсутствует. Она непригодна также в качестве справочника, так как приводимые цифровые и некоторые другие фактические данные устарели и, как мы видели, не всегда обоснованы (деление народностей). Поскольку автор первый поставил перед собой задачу составления подобной сводки, несомненно, перед ним стояли огромные трудности, которые не могли не отразиться на результате. Но нам кажется, что основная причина неудачного выполнения замысла автора лежит в оторванности его от практической работы в СССР. Уловить темп быстро совершающихся изменений в быте народностей Союза, находясь за рубежом по меньшей мере трудно. Следует высказать пожелание о возвращении в родную научную среду автора — крупнейшего знатока культуры народов Сибири.

Внешность книги не оставляет желать лучшего. Текст оживляется 52 хорошо выполненными иллюстрациями.

А. Ярхо.

Сборник Музея антропологии и этнографии Академии Наук, VII. Ленинград, 1928. 4^о. 325 стр.

Объемистый том дает обширное и разнообразное содержание по этнографии, археологии и антропологии.

От редакции дан краткий некролог Л. Я. Штернберга, далее В. Г. Богораз дает оценку Штернберга как этнографа, вдова Штернберга останавливается на связи покойного с музеем антропологии и этнографии. Далее следуют научные статьи: Дудина — «Ковровые изделия Средней Азии», В. А. Гордлевского — «Дни Мехаррема в Константинополе», А. Л. Троицкого — «Женский зйкр в старом Ташкенте», Г. Г. Гульбина — «Погребение у желтых уйгуров», М. С. Спириова — «Три случая двойного уродства вида *Protophthoracopagus* человека», Г. И. Петрова — «К вопросу о физическом развитии населения Солигаличского уезда Костромской губ.», Л. А. Мерварт — «Сказание о Паттини-Девии», А. М. Мерварт — «Элементы народного творчества в классической драме древней Индии», А. В. Шмидт — «Отчет о команди-

ровке в 1925 г. в Уральскую область», Н. А. Никитиной — «К вопросу о русских колдунах». После каждой статьи имеется краткое резюме на немецком языке.

Из обширного содержания этого тома к Уралу, Сибири и Дальнему Востоку относится, сравнительно, очень немного. Лишь статья Шмидта об археологии окрестностей Перми, затрагивает отчасти Приуралье. Она является предварительным отчетом о поездке. Ценность ее заключается в том, что она дает материал для составления археологической карты Приуралья. Несмотря на то, что статья С. М. Дудина о ковровых изделиях Средней Азии не затрагивает непосредственно нашей территории, нельзя ее не отметить в виду ее выдающегося интереса. Статья снабжена ценнейшими таблицами орнамента, которые могут служить определителем для ковровых изделий Средней Азии. Работы В. Г. Богораза и С. А. Штернберг, посвященные покойному этнографу, носят слишком индивидуальный характер и лишены объективности. Первый — друг, вторая — вдова покойного, они слишком восторженно трактуют деятельность Л. Я. Штернберга. Считая покойного выдающимся этнографом, мы не можем его все-таки признать «классиком». Что касается статьи С. А. Штернберг, то автор преувеличивает роль Л. Я. Штернберга, приписывая ему лишь одному (и отчасти В. В. Радлову) роль в создании Музея антропологии и этнографии Академии Наук. Известно, что создание археологического отдела — дело рук совершенно другого лица, что библиотека — дело рук исключительно неутомимой Е. М. Романовой, и т. п. Никто не станет, конечно, отрицать громадной работы Л. Я. Штернберга в музее, но он был в нем энергичным работником, делавшим большое дело на ряду с другими сотрудниками. Думаем что в оценке С. А. Штернберг роль В. В. Радлова слишком отступила на задний план. Несмотря на это, оба очерка дают много ценного для истории этнографии в России и для истории этнографических музеев в Союзе.

Б. Адлер.

Eurasia septentrionalis antiqua. IV. Helsinki. 1929. 8°. 339 стр.

Четвертый том прекрасного финского археологического журнала посвящен магистру русскому археологу А. А. Спицыну. Некоторые статьи касаются доистории Северной Азии.

1. В. И. Толмачев, «О палеолитическом периоде в Манчжурии». Автор перечисляет ряд находок костей четвертичных животных и останавливается особенно на двух из них. Первое местонахождение — угольные копи Джалайнора. Выше угольного слоя в перемытых песчаных и глинистых отложениях четвертичного периода на глубине 8,5—9,5 метров найдены кости сибирского носорога, мамонта, быка и некоторых неопределенных млекопитающих. Так как залегание этих костей было в слое вечной мерзлоты, то там сохранился кусок плетенки из ивовых прутьев. Несколько южнее в верхних горизонтальных слоях вечной мерзлоты обнаружены обломки рогов оленя со следами обработки. Третьим доказательством существования человека в четвертичную эпоху автор считает позвонок носорога со следами надразов по свежей кости, найденный в песчаных выдувах близ Хайлера. Все эти находки указывают на существование палеолитического человека в Северной Манчжурии и заставляют ждать дальнейших систематических исследований.

2. О. Кривцова-Гракова, «Находка предметов бронзового века в районе верхнего Тобола». Описание материала из двух разрушенных погребений. Керамика совершенно определенно указывает на принадлеж-

ность остатков к Андроновской культуре. Кроме того найдено много бронзовых вещей—нож, бусы, браслеты, височные подвески. В частности, автор останавливается на браслетах со спирально загнутыми концами, представляющих аналогично с северо-кавказскими браслетами, в частности, Кобанской культуры. Другие вещи — бронзовые трубочки и нож—указывают на параллели со «срубно-хвалынской» культурой южно-русских степей.

3. Б. Н. Граков, «Две могилы скифской эпохи из окрестностей Оренбурга». Погребения VI—IV в.в. до нашей эры. Инвентарь обычный для «скифских» курганов этого района. Очень любопытны сравнения автора с верхне-волжскими культурами ранней железной эпохи, которые приводят его к выводу о возможности влияния на Ананьинскую культуру, именно оренбургских «скифов».

4. Н. Толль, «Бронзовые кинжалы из коллекции Зичи». Описано пять кинжалов среднего бронзового периода Минусинского края. Приводится ряд параллелей с культурами Месопотамии, Туркестана, Северного Кавказа и Южной России. Автор предполагает, что «скифский» круг кочевых культур от Волги до Алтая образовался под влиянием общего центра, лежавшего где-то недалеко от Месопотамии.

5. Г. Мергарт, «Железно-плавильная печь с Енисея». Статья посвящена описанию редкого и малоизвестного памятника доисторической металлургии.

6. Т. М. Минеева, «Два кургана близ станции Шипово». Дано подробное описание инвентаря кочевнических погребений III века до нашей эры.

Г. Дебеч.

Материалы Читинского краевого музея имени А. К. Кузнецова. Вып. I. Археология. Иркутск—Чита. 1929. 80. 22 стр. + 2 таблицы рис.

В первом выпуске напечатаны две статьи. Первая — И. И. Михалкиной и П. П. Хороших, «Опыт указателя литературы по археологии Забайкалья», состоит из 202 библиографических №№ с указателями собственных имен, предметным, этнографическим и географическим. Мы не могли найти пропусков в этом указателе, за исключением одного из выпусков «Материалов по палеоэтнологии Забайкалья» Ю. Д. Талько-Гринцевича, пропущенного, очевидно, по техническому недосмотру. Не включены также редкие и незначительные упоминания о находках каменных орудий в геологических работах В. А. Обручева.

Статья А. И. Малахова «Формы для отливок и бронзовые ножи из Забайкалья» посвящена интересному вопросу о бронзовом периоде в Забайкалье и дает материал для решения некоторых важных проблем доистории.

Литейные формы, как справедливо замечает автор, являются доказательством бытования в Забайкалье до известной степени самостоятельной бронзовой культуры. Одна из форм предназначалась для отливки ножа, очень распространенного в Забайкалье типа; другая — для двух массивных острых предметов, в которых автор хочет видеть наконечники копий. Надо сказать, что бронзовых наконечников такого типа не только в Забайкалье, но и вообще где бы то ни было, неизвестно.

Автор приходит к правильному выводу о близости Забайкальской бронзовой культуры к Минусинскому очагу. Серьезную, тщательно продуманную статью портит неожиданное и необоснованное предположение о распространении бронзовой культуры гуннами или их потомками (sic!) монголами.

Г. Дебеч.

Rocznik Orientalistyczny. Tome IV (1926) Lwow. 1928.

Очередной том польского востоковедного журнала, всегда уделяющего много внимания русскому Востоку, на этот раз почти всецело заполнен статьями русских ученых и материалами, имеющими ближайшее отношение к территории СССР. Открывается книжка публикацией 445 якутских загадок (Е. Piekarsky. *Zagadki jakutskie*), в оригинале и с польским переводом. Текстам предпослано краткое предисловие С. Е. Малова с подробной библиографией загадок туземных племен нашего Союза. Во II томе того же журнала Э. К. Пекарским была опубликована серия якутских пословиц и, таким образом, этими двумя публикациями значительно расширились наши знания о малых формах якутского фольклора. В. Л. Котвич — главный редактор и душа журнала, продолжает начатые также во 01 томе этюды о монгольском летоисчислении; ему же совместно с А. Н. Самойловичем принадлежит описание одного турецкого памятника в Центральной Монголии (*Le monument turk s'ike—khuchotu en Mongolie Centegale*) статья содержит подробное описание памятника и дает попытку расшифровать высеченной на нем эпитафии. Попутно В. Л. Котвич восстанавливает некоторые моменты старинного похоронного обряда турецких племен в первой половине VIII века. Этой же теме посвящена статья Яворского (*Quelques remarques sur les coutumes funéraires turques d'après les sources chinoises*).

Мало разработанную тему (в литературе о наших туземных племенах особенно) затрагивает С. М. Широкогоров в статье об ориентировочных терминах северных тунгусов (*Northern Tungus terms of orientatim*) с дополнительной заметкой В. Л. Котвича об аналогичных монгольских терминах.

Необходимо подчеркнуть одну любопытную деталь. В предыдущих книжках *Rocznik'a* преобладающим языком был польский; в рецензируемом же выпуске, в противоположность прежним, уже преобладают западно-европейские языки (французский и английский).

М. А.

М. Н. Забанов. Бытовые черты в эпических произведениях эхиритбулагатов. С предисловием, краткой биографией, написанной А. Бадмаевым, и портретом М. Н. Забанова. Верхнеудинск. Издание Бурят-монгольского Ученого комитета. 1929. 8^о. V + 58 стр. Приложение на 36 страницах.

Устная литература бурят-монголов, в частности, эпос, хотя и привлекали внимание многих русских и иностранных исследователей, но все же она до сих пор мало изучена; есть еще такие районы Бурятии, о которых у нас нет совершенно сведений о героическом эпосе и др. произведениях народного творчества. Между тем, эпические произведения с каждым днем все более и более исчезают. В данное время очень редко где-либо в улусе можно встретить сказителя или певца героических поэм. Поэтому с собиранием и изучением народного эпоса необходимо спешить. Изучение эпических произведений весьма важно для восстановления прошлого бурят-монгол, их быта, культуры. В особенности это необходимо в данное время, «в связи с оформлением бурятской народности в Бурят-монгольскую республику, в связи с организацией национальной школы, в которой история бурят, как оформившаяся научная дисциплина, еще не преподается. Писаний, научной истории бурятской народности еще нет. Анализ материалов исторического характера в социологическом аспекте является одним из главнейших условий для построения научной истории». Разбираемая нами книга, на-

писанная по поручению Буручкома, является посмертной работой М. Н. Забанова. Чрезвычайно интересным человеком был автор работы. Лишившись еще в 1918 г. зрения, М. Н., несмотря на это, не оставил свою научно-исследовательскую деятельность и в течение 8 лет неустанно собирал материалы по истории бурят-монголов. За это время, будучи абсолютно слепым, М. Н. успел окончить Иркутский государственный университет и совершить ряд специальных командировок по территории Бурятии и в Ленинград. Трудности работы усугублялись еще постоянной нуждаемостью М. Н. и частыми заболеваниями. Только благодаря исключительной силе воли, работоспособности, колоссальной памяти, большой эрудиции в области социально-экономических и философских наук и постоянной помощи со стороны его друзей—М. Н. мог справиться с данным ему поручением.

Умер М. Н. в 1926 г. в Ленинграде от перитонита. Буручком в своем предисловии отмечает, что «М. Н. Забанов написал работу в основном не узко-историческую, а социологическую, в силу чего он, не ограничиваясь одним описанием, ввел в свой труд нормативные элементы. Поэтому историческая часть его работы имеет производное и, так сказать, прикладное значение, но не основное. В силу этого, порядок расположения исторического материала в этой работе определялся целями не чисто-исторического, а социологического изучения».

Работа распадается на 12 глав. В введении автор приводит краткие сведения о территории и населении Бурятии, пытается выяснить, кто такие были эхирит-булагаты и высказывает общие замечания об эпосе эхирит-булагатов. Далее автор знакомит читателя с географией эпоса, с отражением в былинах систем хозяйства, жилища, предметов домашнего употребления, пищи, одежды, хозяйства, снаряжения, сбруи, средств передвижения, сословий, семьи и религии.

В общих чертах автор приходит к таким выводам.

Географические признаки в анализируемых былинах, в большинстве случаев, носят неопределенный поэтизированный характер. Эти признаки трудно приурочить к каким-либо исторически известным местностям. Со стороны бытовой быliny эхирит-булагатов представляют ряд культурных наслоений, и в них сочетаются элементы различных эпох, начиная с самых архаических форм общегития и кончая формами современной жизни. Со стороны исторической быliny с некоторою рельефностью отражают эпоху, когда буряты представляли ряд разрозненных родов. Быliny отражают состояние бурятского общества, аналогичное тому, в каком находились обитатели Монголии эпохи Чингисхана. Быт межродовых распрей и войн ясно вырисовывается в былинах, и главные герои былин являются знатными родовичами, владеющими многочисленными подданными. Эти герои обладают боевыми конями, иногда наделенными человеческими и даже сверхчеловеческими качествами: умом, дальновидностью, могуществом и т. п. Со стороны культурно-исторической, содержание былин отражает охотничье-скотоводческий быт бурят с облавной охотой и пушной торговлей. Позднейшим наслоением к этой основной картине хозяйства являются предметы торговли русского производства, проникшие к бурятам после завоевания Сибири русскими. В былинах часто встречаются весьма красочные описания жилищ-дворцов героев. Пищей по былинам у эхирит-булагатов служили главным образом, продукты скотоводства, охоты и рыболовства. Общественный быт отразился в былинах значительно слабее, он представляется неясными штрихами в виде родового строя с родоначальником во главе, с оформившейся моногамной семьей. Со стороны духовной культуры, быliny отражают типичное шаманистическое мировоззрение с вполне развитым политеизмом и с пантеоном личных богов. В былинах находим группу небожителей — небесных кузнецов.

Замечается в былинах влияние буддизма и вообще культуры Тибета и Индии, но это влияние случайное и чисто-внешнее. В языке былин встречается ряд слов русского языка, в большинстве случаев искаженных и порою трудно узнаваемых.

В приложениях приведены: краткое содержание былин Аламжи Мэргэн, Айдурай Мэргэн, Иренсей, а также легенды о происхождении эхирит-булагатов, хоринцев и тункинцев.

Очень жаль, что данная работа писалась М. Н. Забановым в спешном порядке, из-за малого срока, предоставленного ему Буручкомом. Эта спешка не позволила автору использовать многочисленные былин-ные материалы, хранящиеся в рукописях Академии Наук СССР.

П. Хороших.

Роальд Амундсен. На корабле «Мод». Экспедиция вдоль северного побережья Азии. Сокращенный перевод с норвежского Л. Г. Кондратьевой. Под ред. А. М. Лаврова. Москва—Ленинград, Гос. Изд-во. 1929. 80. 310 стр. Цена 2 р. 75 коп., в пер. 3 р.

Путешествие на корабле «Мод» в 1918—1920 гг. представляет для нас особый интерес. Амундсену на корабле «Мод» в третий раз в истории (после Норденшельда на «Веге» и Вилькицкого на «Вайгаче» и «Таймыре») удалось пройти северо-восточным проходом из Атлантического океана в Тихий (Вилькицкий прошел из Тихого в Атлантический).

Для самого Амундсена плавание на «Мод» означало, что он впервые и единственный раз в мировой истории совершил кругосветное путешествие по Полярному морю. 23 июля 1920 г. Р. Амундсен имел возможность записать в своем дневнике следующие строки: «Дойдя до Scedge Island северо-восточным проходом, я тем самым сомкнул этот путь с путем, которым я шел, открывая северо-западный проход в 1906 г., и, таким образом, впервые осуществил кругосветное плавание Арктическим Океаном. В наше время рекордов подобное плавание имеет свое значение» (стр. 308).

Книга Амундсена по своей структуре распадается на две части. Первая состоит из ряда глав, специально написанных для книги на основании материалов. Вторая часть составлена из необработанных отрывков записей в дневниках.

Главы первой части следующие: 1) Христиания—Хабарово. 2) Хабарово—Гавань Мод. 3) Зимовка. 4) Весна и санная поездка; часть этой главы составлена также из непосредственных записей участников санной поездки на собаках от места зимовки по побережью и в глубь материка. 5) Лето. Первая часть книги охватывает период 1918 и лета 1919 г., т.-е. до момента выхода «Мод» с зимовки у мыса Челюскина. Дальнейшее путешествие от мыса Челюскина до острова Аион (места зимовки «Мод» в 1919—1920 гг.) и путь до г. Ноче (Аляска) освещен выдержками из дневника (стр. 213—310). Лаконическим языком дневников можно объяснить то обстоятельство, что вторая часть пути, не менее интересная, чем первая, изложена на количестве страниц, вдвое меньшем.

Что же является основным содержанием книги Амундсена? С какой стороны она представляет наибольший интерес? Сам Амундсен главнейшее внимание уделяет тому, как была организована жизнь и работа участников экспедиции. С большой любовью останавливается он на характеристике всех девяти своих спутников. Каждый из них является важным винтиком в работе целого. Особенно отчетливо в книге выступает на повышение внимание ко всяким мелочам, которое так характерно для испытанного исследователя Арктики. А так как из мелочей состоит вся жизнь и от них она всецело зависит, то по существу

понятие мелочь у Амундсена исчезает, и все является одинаково важным для достижения великих целей. Таков основной вывод Амундсена. Недаром он замечает, что главные обязанности в экспедиции несут начальник-руководитель и... повар.

Сквозь строки книги явственно проступает облик того, кто одержал величайшие победы над полярными пустынями. Амундсен очень много пишет о будничном, о каждодневном, а в результате получается впечатление опромного спокойствия, выдержки и силы воли, которая проявляется не в натиске, а в умении выжидать, предусмотреть, заботливо обеспечить каждый шаг. Видимо, эта выдержка и помогла Амундсену достичь полюсов и совершить плавание «вокруг света» по «непроходимому» арктическому морю.

Глубоко правдивы и мудры признания Амундсена о том, что он в связи с экспедицией строил много планов, из которых многие были переименованы. «Я не принадлежу к тем людям, — говорит о себе Амундсен, — «которые, если выработали план, то считают во что бы то ни стало необходимым выполнить его» (стр. 121). Это признание человека, который, быть может, как никто другой умел осуществлять свои планы и добиваться поставленных целей, звучит очень поучительно. Закрывая книгу о плавании «Мод», ясно представляешь себе облик этого старика, проникшего в наиболее таинственные области обеих полярных стран, неторопливого, спокойного, одинаково внимательного и к движению льдов и к новорожденным щенкам полярной лайки. Фотография, помещенная на стр. 27, хорошо дополняет этот браз.

Переводчице удалось найти для передачи книги Амундсена подходящий язык, зато иллюстрации выполнены очень плохо (в большинстве случаев, — особенно на стр. 113, 117, 151 и др.). К книге приложена карта северной части п/о Таймыра и схематическая карта северного побережья Европы и Азии с нанесенным маршрутом корабля «Мод».

Н. Леонов.

Э. Арнгольд. По заветному пути. Воспоминания о полярных плаваниях и открытиях на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач» в экспедициях 1910—1915 гг. Под ред. М. С. Боднарского. Москва—Ленинград, Гос. Из-во 1929. 80. 196 стр. Цена 1 р. 25 к.

Среди многочисленной литературы, посвященной северным экспедициям, книжка Э. Арнгольда не должна затеряться. Замечательно плавание двух русских ледоколов, прошедших впервые (и притом единственный раз в мировой истории) северо-восточный проход с востока на запад. Только мировая война помешала своевременно оценить результаты этой длительной и весьма серьезно подготовленной экспедиции. Ряд крупнейших географических открытий закрепил почетное место за «Вайгачом» и «Таймыром» в истории полярных плаваний. Но широкие слои читающей публики весьма мало знают об этом. Все, что мы имели до сих пор, заключалось в небольшой брошюре доктора Л. Старокадонского, врача ледокола «Таймыр», изданной в 1915 г.

Арнгольд, автор рецензируемой книги, — врач ледокола «Вайгач». Издание является посмертным, так как Арнгольд умер еще в 1920 г. В обработке книги для издания принимали участие В. Н. Хомутов и в качестве редактора известный географ М. С. Боднарский.

В книге семь глав. Вот их заглавия: 1) Возникновение гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана и ее работы в 1910/11 г.; 2) Работы экспедиции в 1912 г.; 3) Работы экспедиции в 1913 г., открытие новых земель и возвращение во Владивосток; 4) Работы экспе-

диции в 1914 г. Плавание из Владивостока в г. Ном на Аляске и оттуда к земле (острову) Врангеля; 5) Продолжение работ экспедиции в 1914 г. Плавание от земли Врангеля к Северной Земле и мысу Челюскина; 6) Зимовка у мыса Челюскина в 1914/15 г.; 7) Отбытие к острову Диксона и затем в Архангельск.

Уже самый перечень глав показывает охват материала и обуславливает тот интерес, с которым берешься за книжку Арнгольда. Интерес этот в значительной степени оправдывается. Книга Арнгольда—ценный вклад в нашу популярную литературу о полярных странах. Просмотр книги М. С. Боднарским отвечает за ее достоверность. На ряду с этим приходится отметить довольно крупный ляпсус, допущенный, повидимому, по недосмотру. Рассказывая о добыче золота на Аляске, автор говорит: «Употребляют еще при промывке (золота) ртуть, которая амальгамирует золото, сворачиваясь в шарики, в каждом таком шарике ртути находится немного золота в растворенном виде (стр. 93). Ртуть, действительно, собирает крупинки золота, но не растворяет его!.. На стр. 159 говорится: «кругом корабля плавали белуги». Думаю, что речь идет о белухах, а не белугах. Недоумение вызывает также упоминание о трех зимовках Амундсена на корабле «Мод» (стр. 168—169).

Книга снабжена: 1) словарем иностранных слов и технических терминов, 2) указателем собственных имен, лиц, мест и кораблей, 3) картой и целым рядом неплохих иллюстраций. Цену книги следует признать невысокой.

Н. Леонов.

Павел Ушаков. На Новую Землю! Научно-популярный очерк. (Из экспедиционного дневника). Ленинград, издание Государственного Гидрологического Института. 1929. 8^е. 107 стр. Цена 1 р. 50 к.

Рецензируемая книжка принадлежит перу участника гидрологической экспедиции Института, работавшей в проливе Маточкин шар и в районе Поморской губы в 1926 г. Как известно, состояние льдов в этом году было особенно тяжелым, вследствие чего задание обследовать залив Шуберта (на восточном берегу Новой Земли) экспедиции выполнить не удалось. Книжка представляет собою выдержки из путевого дневника (автор напрасно называет свою книжку «очерком»), рисующие очень просто, но достаточно выпукло безуспешную попытку пройти Маточкин шар на корабле «Ошкуй», а также и обстановку работы в районе Поморской губы.

Дневник охватывает период в два месяца (считая все плавание в оба конца). Наблюдения автора ограничиваются очень живописным, но сравнительно небольшим районом. Уже одно это обстоятельство лишает книжку права называться очерком о Новой Земле, что впрочем и оговаривается автором (см. примечание на стр. 10—11). Чувствуя ограниченность круга своих наблюдений, автор вынужден попутно привлекать ряд сведений и описаний из книг известных.

Приятной чертой автора является его глубокая любовь к Северу. Это сообщает записям известную живость. Как страничка в книге больших и малых странствий по полярным странам, книжка П. Ушакова представляет собою несомненный интерес и легко прочтется.

Наиболее любопытны главы: «Поход на корабле к радио-станции», «Ледяные заторы», «На льдине», «В ледяной ловушке» (стр. 21—31 и 34—42). Вторая часть книжки в значительной степени составлена на основании книжного материала. В книжке есть две схематические карты и фотографии (на отдельных листах), прилично выполненные, но

очевидно весьма удорожившие книгу. Цену книжки надо признать очень высокой. На это повлиял, конечно, и малый тираж (2.000).

Вообще остается не вполне понятным, почему за издание этой книжки взялся Гидрологический Институт. Уместнее было бы видеть эту книжку в издании Гиза или «Молодой Гвардии». Во всяком случае, издательская марка Института на работе Ушакова вводит в некоторое заблуждение. Ждешь не то, что находишь. Но в качестве книжки о Севере для широкого читателя отрывки из дневников П. Ушакова вполне приемлемы.

Н. Леонов.

Н. С. Михеев. Каменные угли восточного склона Среднего Урала. Вып. I. Материалы по разведке каменных углей б. Алапаевского горного округа. Свердловск. 1928. 8°. 39 стр., со схематич. картой и чертежами к тексту.

Во введении автор останавливается на тектонике угленосных осадков восточного склона и в ней видит причину неудачи многих разведочных работ на каменный уголь. Эти разведки попадали большей частью на опрокинутые крылья складок, где слои угля сильно раздавлены, разорваны и перемяты. Необходимо при разведках отыскивать нормальные крылья складок, где слои угля сохраняют сравнительную правильность своего залегания, как в известном Егоршинском антрацитовом месторождении. Автор отмечает также недостаточную глубину разведок, которую желательно доводить до 300 и даже до 600 м.

Дальше следует очерк разведок в бассейне р. Синячихи, где в разорванных и сильно нарушенных пластах опрокинутого крыла работы производились в разное время, начиная с 1879 г. Всего было обнаружено до 14 слоев угля общей мощностью в 7,5 м., при чем разведками была захвачена только незначительная часть угленосной толщи. Автор считает необходимым продолжение разведок в более спокойно и нормально залегающих пластах.

В конце статьи кратко описаны разведки около д. Подосиной и д. Табор. В первой местности обнаружено несколько пластов жирного коксующегося угля, во второй — уголь типа антрацита. Автор указывает на рациональность продолжения разведок.

К сожалению, в работе нет общих геологических разрезов описываемых местностей, столь необходимых для понимания их сложной тектоники. Автор мало останавливается и на столь важном вопросе, как изменение качества угля с глубиной, хотя, повидимому, и располагает соответствующим материалом.

А. Ч.

Аболин, Р. И. Геоботаническое и почвенное описание Лено-Вилюйской равнины.—Л. 1929. 4°, 372 стр., с 56 рис., 30 чертежами и английским резюме. (Академия Наук СССР. Труды Комиссии по изучению Якутской АССР, т. X). Ц. 10 руб.

Рассматриваемый труд представляет результат исследований автора, произведенных им в 1912 г. в составе экспедиции быв. Переселенческого управления в центральную Якутию. Кроме автора в экспедиции участвовал почвовед Г. И. Доленко и некоторые другие лица, имевшие отчасти самостоятельные задания. Ценные материалы, собранные экспедицией, были вполне уже обработаны и сданы в печать. Однако, события военного и революционного времени прекратили печатание в

самом начале. В настоящее время работа печатается снова и с некоторыми дополнениями.

Автор начинает свою работу с краткого обзора весьма немногочисленных исследований Центральной Якутии, затем дает очерки устройства поверхности, геологии и климата Лено-Виллюйской равнины, составляющей часть Центральной Якутии. В особой главе отмечается роль населения в жизни природы. Наконец, дано описание почв и растительности изученной местности.

Собственно геоботаническое описание Лено-Виллюйской равнины состоит из следующих 3 частей:

1) Долина р. Лены в окрестностях г. Якутска лично автором исследована только мимоходом. Описание района составлено, главным образом, по данным финского ботаника Кааяндера и почвоведом Г. И. Доленко. Автор останавливается более подробно на работе Кааяндера, хотя она относится к 1901 г., ввиду большого ее значения, малой известности и недоступности для широких читательских кругов.

2) Восточная часть плато Лено-Виллюйской равнины исследована самим автором. Других исследований в этом районе вообще никогда не было. Поэтому данные автора представляют собой интерес.

3) Западная часть Лено-Виллюйской равнины. Описание района сделано по исследованиям Доленко, Дробова и Никифорова, относящимся к экспедиции 1914 г. того же Переселенческого управления.

Таким образом, собственно исследования автора относятся к восточной части Лено-Виллюйской равнины. Ей именно и посвящена большая часть книги. Для этого района автор дает следующую схему микроландшафтов края:

I. Первичные леса (тайга): 1) боровая тайга, состоящая из лиственных и смешанных лесов, 2) брусничная тайга с лиственницей, реже с примесью ели;

II. Вторичные леса и кустарники состоят, главным образом, из березняков;

III. Травянистые пространства: 1) приречная полоса водоемов, 2) влажные кочкарники; 3—5) луга, сырые, влажные и сухие, 6) луго-степи, 7) солончаки и 8) усадьбы и посевы.

По этой схеме дается описание почв и растительности изученной местности, производятся анализы пробных площадок и даются сводные таблицы. Нельзя не отметить только, что указанная схема является лишь геоботанической, внутреннее строение сообществ она мало затрагивает. С фитосоциологической точки зрения она слишком обща.

В особой главе приведены наблюдения над экологией важнейших древесных пород. Из хвойных разобраны лиственница, сосна и ель, а из лиственных — береза, осина и др.

Большой интерес представляет заключительная глава. Автор обращает внимание на то, что, несмотря на суровость климата, зимняя стужа в сущности не имеет значения для растительности и почвообразовательных процессов, как период полного покоя. Вегетационный же период лишь немного короче, чем в более южных местах (в Чите и Иркутске на 2 недели длиннее, чем в Якутске). Средняя же температура летних месяцев мало отличается от указанных местностей. Гораздо важнее, — говорит автор, — число годовых осадков, которые для Якутска составляют 200 мм. Такое малое количество осадков свойственно полупустыням. Автор доказывает дальше, что если бы в Центральной Якутии не существовал водонепроницаемый слой вечной мерзлоты, то и в Якутии вместо тайги была бы полупустыня или даже пустыня. Вмешательство же человека коренным образом изменяет физиономию страны. Вековые леса истребляются. На их месте появляются сперва богатейшие луга. С постепенным исчезновением лесов почва и весь

климат постепенно высыхают. Требуется уже искусственное орошение. Между тем,—говорит автор, местное население почти незнакомо с техникой земледелия. Настоятельно необходима агрономическая помощь и длительное изучение этого богатого края опытным путем.

Таково в кратких чертах содержание и основные выводы ценного исследования автора.

Ю. Филиппов.

Дальневосточный край. Настольный справочник. Владивосток, изд. Кубуч. 1929. 40. 167 + 78 стр. 1.000 экз. Цена 7 р. 50 к.

Справочник состоит из следующих отделов: 1) История Дальневосточного края (от завоевания края русскими), 2) Этнографический очерк ДВК, 3) Физико-географический очерк ДВК (климат, флора, фауна, природные ресурсы, моря ДВК, береговая линия ДВК, исчисление времени на Дальнем Востоке), 4) Пути сообщения Дальнего Востока, 5) Колонизация Дальнего Востока, 6) Сельское хозяйство, 7) Лесное хозяйство (статья Бронишко), 8) Рыбное хозяйство (Б. Редько), 9) Охотничий промысел ДВК (И. Д. Добровольского), 10) Промышленность, 11) Торговля (внутренняя и внешняя), 12) Кооперация, 13) Здравоохранение в Дальневосточном крае, 14) Народное образование в ДВК (Н. Иванова), 15) Административное деление Дальневосточного края, 16) Округа Дальневосточного края (с указанием важнейших учреждений в окружающих центрах с их адресами), 17) Камчатка, 18) Советский Сахалин, 19) Бурято-Монгольская Республика. Таков первый раздел справочника. Во втором разделе помещены статьи о сопредельных странах. Раздел так и озаглавлен «Сопредельные страны ДВК» (Япония, Северная Манчжурия, Китай, Монголия). В конце справочника приложено «Расписание железнодорожных и пароходных сообщений на 1929 г. и тарифы железнодорожные, морские и речные».

Таково содержание рецензируемого справочника.

А как он оставлен? Многие статьи справочника не написаны, а взяты из популярных брошюр или книг. Это лишает их справочного характера, уменьшает за счет литературного оформления количество фактов и сведений, а вместе с тем обрекает всю книгу на ряд пробелов.

«Популярная брошюра» и «настольный справочник» разные по типу своему книги. Перепечатывать отрывки из таких брошюр в книгах справочного характера неуместно (за очень редкими исключениями). Книжки и брошюры, из которых взяты отрывки (при чем это как-будто бы не всегда указывается в подстрочных примечаниях, как например, отрывок о Камчатке), уже подверглись соответствующей оценке и не место сейчас входить в детальное их рассмотрение. В целом же следует сказать, что почти ни одна из них для справочника не годится. Лучшей из статей нам кажется очерк о лесном хозяйстве (Бонишко). Очень мало о рыбе. Вообще отдельные очерки отличаются разнотипностью.

Очень слабо оттенено в деловых статьях то обстоятельство, что Дальневосточный край весьма пестр по составу населения.

Расписание и тарифы составлены неумело, занимают много места и не отличаются особой точностью (по крайней мере, речные тарифы разнятся с официальными таблицами Амурского пароходства).

Совершенно непонятно, зачем перечен одних и тех же ж.-д. станций понадобилось повторять пять раз по расписанию каждого поезда. Непонятно также, почему сохранена старая нумерация поездов (№ 3 и № 4). Пользование справочником затруднительно также из-за отсутствия оглавления. Цена справочника крайне высокая (7 р. 50 к.).

Очевидно, книга издана в целях благотворительных (издание Кубуч'а). Этим же обстоятельством можно объяснить и заполнение справочника перепечатками из популярных брошюр (чтобы не платить гонорара). Но все это дела не меняет. Хороший справочник по ДВК, составленный по единому плану и выпущенный по более умеренной цене, мог бы принести Кубучу больше выгоды, так как имел бы шансы разойтись в большом тираже.

Н. Л—в.

Новости урало-сибирской литературы 1).

Книги, изданные в 1929 г.

Продолжение 2)

01 Библиография.

1798. Курлов, М. Г. Библиографический справочник по сибирской бальнеологии. — Томск, Томск. госуд. физио-терапевтич. институт. 1929. 4°. III + 165 стр. 2 р.

1799. Михалкин, И. И. и Хороших, П. П. 1. Опыт указателя литературы по археологии Забайкалья. — 2. Махалов, А. И. Формы для отливок и бронзовые ножи из Забайкалья. — Иркутск - Чита Читинский краев. музей им. А. К. Кузнецова. 1929. 8°. 22 + [2] стр., с илл. 25 к. (Материалы Читинск. краев. музея им. А. К. Кузнецова. Вып. I. Археология).

03 Энциклопедии.

1800. Сибирская советская энциклопедия. [В четырех томах]. Под общей ред. М. К. Азадовского, А. А. Ансона, М. М. Басова... [и др.]. Т. I. А - Ж. — [Новосибирск], Сибирское краевое изд-во. [1929]. Типография газеты „Правда“, Москва. 4°. XXX + 988 стб., с илл., портр., карт. и план. + [25] вклад. лист. красочн. илл. и карт. [Б. ц.].

В коленкоровом переплете с серебрян. тиснением.

Библиография: Н. В. Здобнов „Библиография“ (на 16 столбцах). — А. Н. Турунов, А. Д. Кирж-

ниц, З. Н. Матвеев и Б. Н. Голубчик, „Газеты“ (на 28 столбцах). — С. Н. Дурьлин, П. К. Казаринов, А. Д. Киржниц, З. Н. Матвеев, М. А. Слободской. „Журналы и временники“ (на 20 столбцах).

308 Социография.

1801. Кушнер, П. Горная Киргизия. (Социологическая разведка). — М., Комму. ун-т трудящихся востока им. И. В. Сталина. 1929. 8°. 132 + [3] стр., с илл. и карт. 1 р. 90 к. (Труды науч.-исследов. ассоциации при Комму. Ун-те трудящихся востока им. И. В. Сталина. Вып. II).

1802. Муртазин, М. В Красной Башкирии. — М. - Л., Гиз, 1929. 16°. 64 стр., с илл. 20 к.

31 Статистика 3).

1803. Бюджет крестьянских хозяйств на Урале за 1925-26 год. — Свердловск, Уральск. обл. стат. упр-ние. 1928. 4°. IV + 51 + 273 стр. 3 р. (Труды Уральск. обл. стат. упр-ния. Статистика сельск. хоз-ва. Серия V. т. 6).

1804. Дальневосточный край в цифрах. Справочник. Под ред. Р. Шишняникова, А. Рясенцева, Г. Мевзоса. — Хабаровск, „Книжное Дело“. [1929]. 16°. 281 стр. 1 р.

1805. Итоги 10% выборочного обследования отдельных хозяйств в 1928 году по Сибирскому краю. — Новосибирск, [Сибкрайстатотдел]. 1929. 8°. [5] + VII + 165 стр. 1 р. 50 к.

1) В прямых скобках помещены дополнения к данным заглавного листа. Страницы, заключенные в прямые скобки, нумерованы.

2) См. „Сев. Азия“ кн. I—IV за 1925 г., кн. I—VI за 1926 г., кн. I—VI за 1927 г., кн. I—VI за 1928 г. и кн. I—IV за 1929 г.

3) См. также №№ 1815 и 1825.

1806. Статистический ежегодник 1926/7 оп. г. Вып. II, Промышленность⁴⁾ — Хабаровск - Благовещенск. 1929. 4°. [5] + 175 стр. [Б. ц.] (РСФСР. ЦСУ. Д-Вост. краев. стат. упр-ние).

1807. Жилой и нежилой фонд городов и поселений городского типа Уральской области. По данным разработки всесоюзной переписи населения 17-го декабря 1926 года. Т. IV. Жилой и нежилой фонд и новое строительство в период 1923-1926 г. г. — Свердловск, изд. Уралстатуправления. 1928. 4°. [3] + 202 стр. 3 р. 50 к. (... Серия 6-я, том IV).

1808. Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г. Краткий статистический справочник. Год 4-й. — Свердловск, Уральск. обл. стат. отдел. 1929. 16°. XXIII + 587 стр. 2 р.

312 Демография.

1809. Список населенных пунктов Уральской области⁵⁾. Издан под общ. руководством А. М. Плешкова и М. П. Антонова. Под ред. И. Н. Гридина, А. А. Колупаева и Ф. Н. Лебедева. При ближайшем участии: Д. М. Бобылева, В. В. Дидковского и А. Ф. Теплоухова. — Свердловск, Орготд. Уралоблисполкома, Уралстатупр. и окр. исполкомы. 1928. 8°.

Т. VIII. Пермский округ. — XXXVI + 482 стр., с карт. 6 р.

Т. XII. Тобольский округ. — XLIX + 231 стр. + 1 вклад. лист красочн. карт. 2 р.

1810. Список населенных пунктов (в том числе и аулов-кстау) и схематическая 10-ти верстная карта Казакстана⁶⁾. Вып. XVIII. Каркаралинский уезд Семипалатинской губернии (по административному делению на 1-ое января 1927 г.). С прилож. карты уезда на четырех планшетах. — Кзыл-Орда, Стат. упр-ние Казакстана. 1928. 4°. X + 113 стр. + [3] вкладн. лист. табл. 2 р. 25 к. (... Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г.).

⁴⁾ Вып. I, III и IV см. „Сев. Азия“, кн. 2 за 1929 г. № 1581.

⁵⁾ Начало см. „Сев. Азия“ кн. V—VI за 1928 г. № 1324 и кн. 1 за 1929 г. № 1486.

⁶⁾ Начало см. „Сев. Азия“ кн. 3 и 4 за 1929 г. № 1668.

324 Выборы.

1811. Каврайский, Б. и Хамармер, И. Уроки классовой борьбы. Итоги выборов советов Сибири 1928-29. — Новосибирск, [Сибкрайиздат]. 1929. 4°. 120 стр., с илл. и портр. 1 р. 50 к.

325 Колонизация. Переселение.

1812. Списки переселенческих участков, открываемых для зачисления в 1929 г. в Дальневосточном крае. — Хабаровск, ДВ район. переселенческое упр-ние. [1929]. 4°. 30 стр. + [1] стр. „О чем необходимо знать...“ на обл. + [4] вкладн. лист. карт. [Б. ц.]. Без тит. листа.

331 Рабочий вопрос.

1813. Итоги работы профсоюзов Сибкрая. 1927-1929 года. К третьему съезду. — Новосибирск. 1929. 8°. 97 стр. [Б. ц.] ([Сиб. краев. совет проф. союзов]).

1814. Труд и социально-культурное строительство Урала в пятилетнем плане 1928/29—1932/33. — Свердловск, Уралплан. 1929. 8°. 101 + [2] стр. 60 к. (К VII Уральск. обл. съезду советов).

334 Кооперация.

1815. Колхозы на Урале в 1928 г. Итоги сплошного обследования коллективных хозяйств на Урале в июне—августе 1928 г. — Свердловск, Уральск. обл. стат. отдел. 1929. 4°. 46 + 25 стр. 2 р. (РСФСР. ЦСУ. Уральск. обл. стат. отд. Серия V. Т. VII).

1816. Потребительская кооперация Урала за 1927-28 хоз. год. Цифровой обзор с прилож. списка потребобществ на 1 октября 1928 г. — Свердловск, Уральск. област. союз потребительских об-в. 1929. 4°. 120 + XLI + [3] стр. Бесп.

1817. Потребительская кооперация Южного Урала в цифрах за 1927—28 хоз. год. — Златоуст, Южно-Уральск. союз потребительских об-в. 1929. 8°. VI + (3—35) + [2] стр. Бесп.

1818. Сельско-хозяйственная кооперация Урала в цифрах за 1927—28 хоз. год. — Свердловск, [Союз

союзов с.х. кооперации]. 1929. 4°. 34 стр. + [1] стр. „Оглавление“ на обл. Беспл.

1819. **Сибирская потребительская кооперация 1926-28 годы.** [Отчетные материалы]. — Новосибирск. 1929. 8°. 68 стр. + [1] стр. „Содержание“ на обл. Беспл. (Сиб. краев. союз кооперативов „Сибкрайсоюз“).

1820. **Узелков, М.** Пять лет. 1924-1929 г. Обзор работы кооперации инвалидов. 1924-1929 г. Составил М. Узелков. Под ред. И. Бурикова. — Уфа, Башкоопинсоюз. 1929. 8°. [3] + 27 стр.; с илл. 1 р. 15 к. На обл. загл.: „Пять лет кооперации инвалидов БАССР 1924—1929 г.“.

333 Экономика промышленности и сельского хозяйства 7).

1821. [Альтшуллер, М. И.]. Пути и перспективы развития Пермского округа в системе Уральского хозяйства. — Пермь. 1929. 8°. [4] + 124 + [4] стр., с схем. и карт. + [1] вклад. лист. карт. в 2 кр. [Б. ц.]. (Пермск. Окр. Исполн. Комитет).

1822. **Контрольные цифры хозяйства Урала на 1928—29 год.** — Свердловск, Уралплан. 1929. 4°. [390] стр. разд. пагинации. 3 р.

1823. **Корнев, В. С.** Урало-Кузнецкая проблема. — Новосибирск, Сибкрайиздат. 1929. 16°. 32 стр. 20 к.

1824. **Материалы по составлению 5-летнего плана развития хозяйства округа.** 1928-29 — 1932-33 г. г. Вып. I. — Кунгур. 1929. 8°. 60 стр. с карт. и картогр. [Б. ц.]. (Кунгурск. Окр. Исполн. Комитет советов. ... Окружная комиссия по составлению 5-летнего плана округа).

1825. **Мелкая и ремесленная промышленность Сибирского края.** — Новосибирск. 1929. 4°. [4] + XXXV + 126 стр. 1 р. 25 к. (Сиб. краев. исполн. комитет. Стат. отдел).

1826. **Пятилетний план хозяйства Урала на 1928/29 — 1932/33 г. г.** (Краткое изложение). — Свердловск, Уралплан. 1929. 8°. VI + 102 + [2] стр. 90 к. (К IX Уральск. обл. конференции ВКП(б) и к VII Уральск. обл. съезду советов).

7) См. также №№ 1881, 1884, 1889, 1901 и 1903.

1827. **Районы Уральской области.** Схематические характеристики районов и округов, основные статистические показатели, карты районов и округов. — Свердловск, Орготд. Уралоблсполкома и Уралстатуправление. 1928. 8° [396] стр., с карт. + [1] вкл. лист. красочн. карт. 1 р. 60 к. Отд. оттиск из издания „Населенные пункты Уральской области“.

1828. **Реттель, И. и Веденяпин, В.** Состояние сельского хозяйства Сибири и вопросы коллективизации. — Новосибирск, Сибкрайиздат. 1929. 16°. 64 стр. 30 к.

1829. **Сельско-хозяйственные районы Пермского округа.** — Пермь, Пермск. окр. зем. упр-ние. 1929. 4°. VII + 267 стр., с картогр. в 2 кр. 4 р. 20 к.

1830. **Токтабаев, К. Д.** Проблема зернового хозяйства в Казакстане. (Тезисы к докладу на VII съезде советов КССР). С прилож. Постановления ЦИК СССР по вопросам зернового хозяйства. — Кызыл-Орда, журн. „Народное хозяйство Казакстана“. 1929. 4°. 37 стр. [Б. ц.] (Казакский ЦИК и Наркомзем Казакстана).

1831. **Усов, М. А. и Брянцев, Н. Я.** Урало-Кузнецкая проблема. [Сборник статей].. Под ред. В. Д. Вегмана, И. М. Залесского и Г. И. Черемных. — Новосибирск, [Сибкрайиздат]. 1929. 4°. 102 стр. + [1] вклад. лист. карт. 1 р. 25 к. (Труды о-ва изучения Сибири и ее производительных сил. Т. I, вып. 1).

1832. **Экономика Урала в таблицах и диаграммах за 1925/26—1928/29 г. г.** — Свердловск, „Уралполиграф“. 1929. 8°. [48] отдельн. карточек диagr. и табл. с текстом. 1 р. Без тит. листа. В картонной папке.

352/3 Местное Управление.

1833. **Два года работы Дальне-Восточного краевого исполнительного комитета советов р.к.к. и к.д.** За 1926/7—1927/8 г. г. (Материалы к отчету 3-му краев. съезду советов. Под ред.: П. И. Незнахина, М. П. Копытина, Р. А. Шишлянникова). — Хабаровск, 1929. 8°. XII + 401 + [20] стр., с диagr. [Б. ц.].

1834. Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета с.р.к.к. и к.д. VI созыва. 1927 - апрель - 1929. К VII съезду советов. — Свердловск, Уралоблисполком. 1929. 4°. 229 стр. Беспл.

1835. Отчет о работе Коми обл. исполкома за 1926-27 и 1927-28 г. г. — Устьысьольск, Коми облисполком. 1929. 8°. VI + 246 + [2] стр. [Б. ц.].

354 Республиканское Управление.

1836. Отчет правительства БАССР и резолюции VII-го Всебашкирского юбилейного съезда советов. 1919-1929 г. — Уфа, БЦИК. 1929. 4°. III + (7-72) стр. [Б. ц.]. (Башкирская АССР. Совет народных комиссаров).

353. 72 Местный бюджет.

1837. Местный бюджет Урала на 1928-29 год. — Свердловск, Уралобл. финотдел. 1929. 4°. 64 стр. Беспл.

1838. Местный бюджет Сибирского края на 1928-29 год. III-му краевому съезду советов. — [Новосибирск], Сиб. краев. фин. отдел. [1929]. 4°. 47 стр. + [1] стр. „Оглавление“ на обл. Беспл. Без тит. листа.

1839. Отчет по исполнению местных бюджетов Сибирского края за 1927-28 год. — Новосибирск. 1929. 4°. 65 + LIII стр. + [1] стр. „Оглавление“ на обл. Беспл. (Сиб. краев. фин. отдел).

355 Военное дело.

1840. Белли, В. А. Борьба за Тихий океан. Политическо-стратегический очерк. С введением и под ред. проф. Б. Жерве. — М. - Л., Гиз. 1929. 8°. 205 + [3] стр., с карт. + [4] вклад. лист. карт. 2 р. 25 к.

Библиография: „Источники“ (24 назв.).

1841. Туракаев, И. Башкирские части в гражданскую войну. — Уфа [„Башкирская“]. 1929. 8°. 40 стр., с илл. и портр. 35 коп.

38 Торговля. Транспорт.

1842. Итоги работ Первого дорожного съезда Сибирского края. (11-15 февраля 1929 г.). С предисл. ва, П. Е. Под ред. Агеева, П. Е.,

Прокофьева, И. Г. — Новосибирск, 1929. 4°. 52 стр., с илл. и портр. Беспл. (НКПС., ЦУМТ. Сиб. краев. упр.ние местн. транспорта „Сибкраймес“). На обл. загл.: „Бездорожье Сибири“.

1843. Проблема Сибирской сверхмагистрали. Сборник статей: Н. Н. Колосовского, И. К. Либина, Н. Г. Розанова и Н. М. Тоцкого. Под общ. ред. Г. М. Кржижановского и П. С. Осадчего. — М., изд-во „Плановое хозяйство“ Госплан СССР. 1929. 8°. XI + 194 стр., с график. и схем. + [7] вклад. лист. диагр. и картогр., карт. и табл. 2 р.

4 Языковедение.

1844. Предварительный отчет лингвистической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. — Л., изд-во Акад. наук СССР. 1929. 8°. [3] + 74 стр. + II вклад. лист. илл. I р. 25 к. (...Материалы комиссии по исследованию Монгольск. и Танну-Тувинск. народных республик и Бурят-Монгольск. АССР, в. 4).

1845. Программа по собиранию лингвистических (языковых) материалов, необходимых для составления словаря хакасско-тюркских говоров Хакасского округа, Сибирского края. — [Минусинск. 1929]. 16°. 8°. [Б. ц.]. Без тит. листа и обложки. (Хакасский окр. музей краеведения. Хакасское о-во краеведения).

526 Геодезия.

1846. Бух, В. В. Каталог геодезических и астрономических пунктов Дальнего Востока (без Забайкалья). — Владивосток, Дальневост. отд. Геол. Комитета. 1929. 4°. 178 стр. + 1 вклад. лист. карт. в 2 кр. 3 р. (...Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальнего Востока. № 54. 1929 год).

55 Геология⁸⁾.

1847. Горский, И. И. Детальная геологическая съемка окрестностей с. Сухоложского. С 1 карт. и 2 табл. — Л., Геол. Комитет. 1928. 4°. [3] + 54 стр.

⁸⁾ См. также № 1831.

с черт. и план + II вклад. лист. илл. + 1 отдельн. вклад. лист. карт. 2 р. 30 к. (Труды Геол. Комитета. Новая серия. Вып. 182). Резюме на англ. языке.

Библиография: „Список цитированной литературы“ (28 назв.).

1848. **Кантор, М. И.** Уральское (Пачкуно-Липовское) фосфоритовое месторождение. — [М., Индустриально-педагогич. инст-т им. К. Либкнехта. 1929]. 4°. 23 стр., с карт. 50 к. (Науч. труды Инд.-педаг. ин-та им. К. Либкнехта. Физ.-матем. серия. Вып. 3). Резюме на немецком яз.

1849. **Кузнецов, С. С.** Река Тюнг и ее левобережье. (Геологический очерк). С 24 рис., 1 карт. и англ. резюме. — Л., [изд.-во Акад. наук СССР]. 1929. 8°. [5] + 79 стр., с илл. и черт. + 1 вклад. лист. красочн. карт. 1 р. 50 к. (... Материалы Комиссии по изучению Якутской АССР. Вып. 26. Отчет Вилюйск. комплексного отряда Якутской экспед. Акад. наук СССР в 1926 г. под нач. А. А. Григорьева II).

1850. **Лебедев, А.** Экономический очерк каменноугольных месторождений в Печерском крае и их будущие перспективы. — Устьсысольск, [Коми обл. исполком]. 1929. 4°. 24 стр. + 4 листа график. [Б. ц.]. На обл. загл.: „Каменноугольные месторождения в Печерском крае и их будущие перспективы“.

1851. **Материалы по исследованию Прикамского соленосного района.** Вып. IV. 1. Г. Бюллер и В. Скок. Технические данные по некоторым скважинам, проведенным вблизи г. Соликамска при разведке калийных солей. С 1 табл. — 2. П. А. Слесарев. Несколько особых случаев при буровых работах в Прикамском калийном районе на разведках Геологического Комитета. С 2 табл. — Л., Геолог. комитет. 1928. 4°. 37 стр., с черт. и график + [3] вклад. лист. илл. и черт. 55 к. (... Материалы по общ. и прикладной геологии. Вып. 107).

1852. **Падалка, Г. Л.** Белоусовский рудник на Алтае. С 2 карт. и 6 табл. — Л., Геол. комитет. 1929. 4°. IV + 155 стр., с черт. + III вклад. лист. черт. + [5] отдельн. вклад. лист. красочн. черт. и карт. 4 р. 40 к. (Труды Геолог. Комитета. Новая серия. Вып. 163). Резюме на англ. яз.

Библиография: „Литература“ (27 назв.).

1853. **Яговкин, И. С.** Успенское медное месторождение Акмолинской губ., в Казакской АССР. С 9 карт. и 8 табл. — Л., Геол. Комитет. 1928. 4°. [3] + 83 + [19] стр., с черт. и карт. + X вклад. лист. красочн. илл. и карт. + [7] отдельн. вклад. лист. красочн. план. 3 р. 30 к. (Труды Геол. комитета. Новая серия. Вып. 165). Резюме на англ. яз.

Библиография: „Библиография“ (30 назв.).

551. 4 Физическая география 9).

1854. **Дягилев, В. Ф.** Прибайкалье. Физико-географический очерк. 8 черт., 8 рис. — [Иркутск], Сибкрайиздат. 1929. 8°. 132 + VI стр., с илл., черт., диагр. и карт. + 1 вклад. лист. карт. в 2 кр. 1 р. 25 к. (Вост.-Сиб. отд. Гос. русск. географич. о-ва). [К изучению Сибири].

Библиография: „Литература“ (на 3 стр.).

1855. **Кузьмин, А. М.** Материалы к расчленению ледникового периода в Кузнецко-Алтайской области. — Томск, [Сиб. отделение Геол. Комитета]. 1929. 4°. [2] + 62 стр. + [1] вклад. лист. карт. и черт. 1 р. 25 к. ([Известия Зап.-Сиб. отд. Геол. Комитета. Т. VIII, вып. 2]). Резюме на англ. яз.

Библиография: „Список использованной литературы“ (71 название).

1856. **Маштаков, П. Л.** Схема и шифр бассейнов внутренних вод восточной Европы и северной Азии. — Л., Госуд. гидрологич. инст-т. 1929. 16°. 36 стр. 60 к.

1857. **Северный Урал.** Предварительные итоги Северо-Уральской экспедиции Академии наук СССР и Уралплана по исследованиям 1926 и 1927 г. г. — Л., Акад. наук СССР и Уралплан. 1929. 8°. [3] + 75 стр., с илл. и карт + 1 вклад. лист. карт. 1 р. 20 к. (... Материалы Комиссии экспедиционных исследований. Вып. 7. Серия Уральская). Резюме на немецк. языке.

Библиография: „Упомянутая литература“ (17 назв.).

9) См. также № 1894.

551.5 Метеорология. Климатология.

1858. Леонтьевский, Н. Краткие сведения о климате Сибирского края. — Новосибирск, Сибкрайиздат. 1929. 4°. 26 стр., с карт. 50 к.

Библиография: указания литературы в тексте (10 назв.).

1859. Метеорологические и аэрологические наблюдения в Якутии. 1925 г. Часть II. Наблюдения аэрологических станций: Якутск и Петропавловское. С 2 рис. и немецк. резюме. — Л., [изд-во Акад. наук СССР]. 1928. 4°. [6] + VIII + 57 стр., с илл. 2 р. (... Труды Комиссии по изучению Якутской АССР. Т. VIII).

1860. Тарунин, М. П. Календарь Тобольской природы. — Тобольск. 1929. 8°. 44 стр., с концовками + [1] стр., „Оглавление“ на обл. 45 к. (Кабинет народного просвещения при Тобольско-Крону. Бюро школьного краеведения).

572+39 Этнография. Фольклор.

1861. Каргер, Н. Г. и Козьминский, И. И. Гарино-Амгунская экспедиция 1926 года. Предварительный отчет. — Л., изд-во Акад. наук СССР. 1929. 8°. [3] + 48 стр., с карт. + VI вклад. лист. илл. 65 к. (... Известия Комиссии по изучению племенного состава СССР и сопредельных стран. 3).

1862. Радлов, В. В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Перевод с немецкого проф. Н. Н. Козьмина. — Иркутск. 1929. 8°. 26 стр. 25 к. (Иркутск. госуд. Ун-т. Кабинет монгольск. яз. и культуры).

1863. Требуховский, П. Ф. I. Булал Шулул биритских бурят. II. Свадьба балаганских бурят в прошлом и настоящем. — Верхнеудинск. 1929. 4°. 31 стр., с илл. 35 к. (Нар. Ком. просвещения БМАССР).

Библиография: „Литература“ (9 назв.).

58 Ботаника.

1864. Крылов, П. Н. Флора западной Сибири. Руководство к определению западно-сибирских растений. 2-е дополн. и расширенное изд. „Флоры Алтая и Томской губернии“

П. Крылова при сотрудничестве Б. К. Шишкина, Л. П. Сергиевской, Л. Ф. Вердатто и Е. И. Штейнберг. Вып. III. Superaceae-Orchidaceae. — [Томск], Томск. отд. Русск. ботанич. о-ва. 1929. 4°. (377-718) + XIII стр. 4 р. 70 к.

1865. Предварительный отчет ботанической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. — Л., изд-во Акад. наук СССР. 1929. 8°. [3] + 131 стр. + [17] вклад. лист. илл. и карт. 2 р. (... Материалы Комиссии по исследованию Монгольск. и Танну-Тувинск. народн. республик и Бурят-Монгольск. АССР, в. 2). Резюме на англ. яз.

1866. Рожанец-Кучеровская, С. Е. Растительность района Оренбургской сельско-хозяйственной опытной станции. С 2 карт. — Л. 1929. 4°. 141 + [1] стр. + [2] вклад. лист. карт. 3 р. (РСФСР. Оренбургск. окр. зем. упр. Труды Оренбургск. Почвенно-ботанич. бюро и сель-хоз. опытной станции. Вып. IV). Резюме на немецк. яз.

1867. Скворцов, Б. В. Материалы по изучению водорослей Приморской губернии. Диатомовые водоросли озера Ханка. — Владивосток. 1929. 8°. 66 + IX стр., с илл. 3 р. 50 к. (Записки Южно-Уссурийск. отдела Госуд. русск. географич. о-ва... 1929 г. Вып. 3). Текст на русск. и латинск. яз.

Библиография: „Literature“ (на 2 стр.).

1868. Сукачев, В. Н... [и др.], Флора Забайкалья. Папоротникообразные, голосеменные, покрытосеменные-однодольные.. Под ред. проф. Б. А. Федченко. Составили проф. В. Н. Сукачев, проф. Б. А. Федченко и Р. Ю. Рожевич. Вып. 1. С карт. и 78 рис. в тексте. — Л., Троицко-савск. отд. Госуд. географич. о-ва. 1929. 4°. 104 стр., с илл. и карт. в 2 кр. 2 р.

1869. Тюлина, Л. Н. К эволюции растительного покрова предгорий Южного Урала. — Златоуст, о-во краеведения. 1928. 8°. 16 стр. 50 к. Без тит. листа.

59 Зоология.

1870. Емельянов, А. А. Змеи Дальнего Востока. — Владивосток, Влади-

вост. отд. Госуд. русск. географич. о-ва. 1929. 8°. 208 стр., с илл., черт. и карт. 4 р. 50 к. (Записки Владив. отд. Госуд. русск. географич. о-ва (О-ва изучения Амурск. края). Т. III. (XX). Вып. 1). Резюме на англ. яз.

Библиография: „Список использованной литературы“ (77 назв.)— Обзор литературы и исследований офидиофауны Дальневосточного края (на 7 стр.).

1871. **Иванов, А. И.** Птицы Якутского округа. С 14 рис., 1 карт. и англ. резюме.— Л., [изд-во Акад. наук СССР]. 1929. 8°. 5+II+206 стр., с илл., схем. и карт. + III вклад. лист, илл. 3 р. 50 к. (...Материалы Комиссии по изучению Якутской АССР. Вып. 25).

Библиография: „Список использованной и цитированной литературы“ (52 назв.).

1872. **Предварительный отчет Зоологической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год.**— Л., изд-во Акад. наук СССР. 1929. 8°. [3] + 236 стр., с илл., черт. график и схем. + [14] вклад. лист. илл. и карт. 2 р. 25 к. (...Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинск. народных республик и Бурят-Монгольск. АССР, в. 3).

Библиография: указания использованной литературы в конце каждой статьи.

61 Медицина.

1873. **Мицкевич, С. И.** Мэнэрик и эмиряченье. Формы истерии в Колымском крае. С 3 рис.— Л., изд-во Акад. наук СССР. 1929. 8°. [5] + IV + 53 стр., с илл. 1 р. (...Материалы Комиссии по изучению Якутской АССР. Вып. 15).

Библиография: „Литература“ (46 назв.).

1874. **Переводчиков, И. Н.** Материалы к вопросу о венерических заболеваниях бурят.— Верхнеудинск, ред. журн. „Жизнь Бурятии“. 1929. 8°. 30 стр. 50 к.

Библиография: „Литература“ (13 назв.).

1875. **Скородумов, А. М.** Очерки по эпидемиологии чумы в Забайкалье и Монголии. С предисл. академика Д. К. Заболотного.— Верхнеудинск,

журн. „Жизнь Бурятии“. 1928. 4°. [3] + 111 + 3 стр. + [17] вклад. лист. илл., схем. и карт. 1 р. 50 к. (Нар. Ком. Здрав. Б.-М. АССР). Резюме на франц. яз.

Библиография: „Литература“ (63 назв.).

63 Сельское хозяйство.

1876. **Достижения сибирских опытных учреждений.** Под общ. ред. И. М. Жуйкова.— Новосибирск., Сибкрайиздат. 1929. 4°. IV + (5-223) + [3] стр., с илл. и диагр. 3 р. (НКЗ. Сиб. краев. зем. упр-ние).

1877. **Как вести сельское хозяйство переселенцу в засушливой полосе Троицкого округа Уральской области.** Под ред. агр. Урал-облзу Г. Д. Филиппова.— Свердловск, Уральский район. Переселенческое упр-ние. 1929. 8°. 135 стр. Беспл.

1878. **Любарский, Е. И.** К вопросу о технических свойствах соевых бобов в Приморьи.— Владивосток. 1929. 4°. 14 стр. 25 к. (Труды Дальневост. краев. науч.-исследоват. инст-та. Т. 1, вып. 2. 1929).

1879. **Материалы сплавного совещания лесосплавающих организаций Уральской области в навигацию на 1929 год**— Свердловск, Упр-ние сплава Уралобласти. 1929. 16°. 316 стр., с илл. + [2] вклад. лист. черт., красочн. карт. и план. 1 р. 55 к.

1880. **Неупокоев, Вяч.** Метизация овец в Бурятии.— Верхнеудинск., Бур-сельскосоюз. 1929. 4°. 20 стр. 30 к. Без тит. листа.

1881. **Очередные вопросы сибирского молочного хозяйства.** Сборник статей. Под ред. агроном. А. Куликова и А. Порываева.— Новосибирск, [изд-во „В помощь земледельцу“]. 1929. 8°. 70 стр., с илл. 40 к. (Сиб-маслосоюз).

1882. **Тихонов, Н. Н.** Шелководство и ее культура в Уссурийском крае для нужд шелководства. Под ред. А. З. Федорова.— Владивосток, Организационно-инструкторский отд. Примселькредсоюза при Опытной шелководственной станции. 1929. 8°. 37 + [1] стр., с илл. 75 к. (Южн.-Уссурийский отд., Госуд. русск. географич. о-ва гор. Никольск-Уссурийский).

639. 2 Рыболовство.

1883. Борисов П. Г. Предварительные данные о рыбном промысле в низовьях реки Колымы. — Л., [изд-во Акад. наук СССР]. 1929. 8°. 14 стр. 25 к. (...Материалы Комиссии по изучению Якутской АССР. Вып. 32).

Библиография: „Главнейшие литературные источники“ (9 назв.)

1884. Соллертинский Е. С. Очерк рыбного хозяйства Бур.-Монг. А.С.С. республики. — Верхнеудинск. 1929. 8°. 69+11 стр. 60 к. Без тит. листа. (Организационное бюро Секции Рыб-охот-союза Бурсельсоюза)

72. Архитектура.

1885. Атлас чертежей к проекту Тельбесского металлургического завода. — Л., Гос. инст-т по проектированию новых металлзаводов. 1929. 4°. [28] лист. черт., карт. и план + [1] стр. „Перечень чертежей“ на обл. Беспл. Без тит. листа.

1886. Новые поселения в Казахстане. Под ред. Д. К. Чудинова. С 259 рис. и черт. — Кызыл-Орда, Госплан КАСР. 1929. 4°. [3] + 235 стр. с илл., черт. и план 5 р.

Библиография; „Литература“ в конце глав.

9 История.

1887. Матвеев З. Н. Бохай. (Из истории Восточной Азии VIII-X в.в.) — Владивосток. 1929. 4°. 34 стр. + 1 вклад. лист. карт. 50 к. (Труды Дальневост. Госуд. ун-та. Серия 6 № 7). Резюме на англ. яз.

Библиография: „Важнейшая литература“ (на 2 стр.).

91. География. Общее краеведение¹⁰⁾

1888. Арнольд Э. Е. По заветному пути. Воспоминания о полярных плаваниях и открытиях на ледоколах „Таймыр“ и „Вайгач“ в экспедициях 1910-1915 г. г. Под ред. М. С. Боднарского. — М.-Л., Гиз. 1929. 8°. 196 стр., с илл. + 1 вклад. лист. карт. 1 р. 25 к.

1889. Васильев В. В. Река Демьянка. Экономическо-этнографический очерк. — Тобольск, Комитет содействия народностям сев. окраин при Президиуме Тобольск. окр. исполн. к-та советов (Ком-т Севера) и О-во изучения края при Музее Тобольск. севера. 1929. 8°. 36 стр. 50 к.

1890. Ежегодник Государственного музея имени Н. М. Мартынова в г. Минусинске. Т. VI. Вып. 2. 1928. — Минусинск. 1929. 8°. 185 стр. + [1] стр. „Оглавление“ на обл. + [5] вкл. лист. с илл. [Б. ц.]. Без тит. листа.

1891. Островских П. Е. Народы СССР. Очерки труда, быта и природы. Объяснительный текст к картинам 1 серии: Народы Севера, Алтая и Средней Азии. — М.-Л., Гиз. 1929. 8°. 124 стр., с илл. и карт. 9 р.

Библиография: „Литература“ в конце каждой главы.

Стенные таблицы. [10] отдельн. лист. красочн. илл. вложенных в карт. трубку (54×73).

1892. Отчет о деятельности Западно-Сибирского отдела Государственного русского географического общества за 1927/28 год. — Омск, Зап.-Сиб. отд. Гос. русск. географич. о-ва. 1929. 4°. 28 стр. [Б. ц.].

Библиография: „В отчетном году Отделом изданы...“ (5 назв.).

1893. Отчет о деятельности с 1 октября 1926 г. по 1 января 1929 г. — Верхнеудинск. 1929. 8°. 55 стр. Беспл. Без тит. листа. (Бурят-Монгольское научное о-во им. Доржи Банзарова).

Библиография: указания трудов о-ва в тексте.

1894. Пархоменко С. Г. Отчет о поездке в Вилойский округ. С 1 черт., 1 карт. и франц. резюме. — Л., изд-во Акад. наук СССР. 1928. 8°. 65 стр. с илл. и карт. 1 р. (...Материалы Комиссии по изучению Якутской АССР. Вып. 14).

1895. Спутник туриста по Сибирскому краю. Составили: В. Дягилев, Б. Митропольский, В. Мрачковский.. [и др.] под общ. ред.: Н. Ауэрбах, П. Казаринова, В. Пупышева. — Новосибирск, Сибкрайиздат. 1929. 8°. 155 + [3] стр., с илл. и карт. + 1 вклад. лист. карт. 1 р. 50 к. (Сиб. краев. бюро туристов и Бюро краеведения)

¹⁰⁾ См. также №№ 1854 и 1857.

при О-ве изучения Сибири и ее производительных сил).

Библиография: указания рекомендуемой литературы в тексте.

1896. Сынтин В. А. В тунгусской тайге. (Впечатления участника экспедиции за метеоритом Л. А. Кулика). С предисл. Н. А. Морозова. — Л., изд-во „П. П. Сойкин“. 1929. 4°. 56 стр., с илл., портр., черт. и график. 75 к. ((Природа и люди. Кн. 2. 1929. Ежемесячн. прилож. к журн. „Вестник знания“)).

1897. Чижов В. Куда и как проводить экскурсии по городу, округу и Уралу. — Пермь, ОБПС. [1929]. 16°. 30 стр., с илл. 15 к.

1898. Ушаков П. В. На новую землю. Научно-популярный очерк. (Из экспедиционного дневника). — Л., [Госуд. гидрологич. инст-т]. 1929. 8°. 107 + [1] стр. + [29] вклад. лист. илл. и карт. 1 р. 50 к.

1899. Эббель Б. и Войтинская Н. На север. История полярных экспедиций от давних времен до наших дней. — Л., изд-во „Красная газета“. [1929]. 8°. 232 + [2] стр., с илл., порт. и карт. 1 р.

912 Картография.

1900. Белавин А. Ф. Карта Азиатской части СССР. [С алфавитным указателем населенных мест]. Составил А. Ф. Белавин. Таблицы и статистическая обработка — С. И. Сулькевич. Равновеликая (сохраняющая поверхность участков) проекция Альберса, видоизмененная проф. Ф. Н. Красовским. Масштаб 1:9.000.000; 90 км. в см.; дополн. карты: „Этнографический состав СССР“. „Плотность населения СССР, на основании переписи 17/XII-1926 г.“ и „Рельеф СССР“. Все три в масштабе 1:32.000.000 — М. - Л., Гиз. 1929. 4°. 15 стр. [Указатель] + 1 отдел. вклад. лист. многокрасочная карта 79×109. (Административно-политическое строение союза ССР на 15-е апреля 1929 года). Указатель изд. отд. брошюрой.

Статистич. таблицы на карте: „Площадь и население СССР и РСФСР в целом и по республикам, губерниям, областям и округам.“

„Народности СССР по переписи 17/XII-1926 г.“ „Население СССР по исчислению на 1/I-1929 г.“ „Размеры градусной сетки земного шара (в километрах)“ и „Главнейшие вершины гор и их высоты в метрах“.

1901. Карта промышленности СССР. Азиатская часть. Исполнена Геодезическим Комитетом [в конформной проекции Гаусса, под ред. Особой ред. коллегии президиума ВСНХ СССР. Рельеф редактировал проф. А. А. Борзов]. Масштаб 1:5.000.000; 50 км. в см. — М., изд. Президиума ВСНХ - СССР. 1929. Печатано в Карт. отд. Г. Г. К. в 1929 г. 54,5×86, четыре подлежащих склейке листа, многокрасочная. 30 руб.

На карту нанесены: рельеф изогипсами (с раскраской в восемь оттенков); пути сообщения и связь; промышленные пункты, имеющие по данным ЦСУ на 1/X 1926 г. цензовые пром. предприятия (фабрично-заводская и горная промышленность, а также месторождения полезных ископаемых); административные пункты до волостных вкл., а в северных районах — и мелкие н. п., отдельные юрты, зимовья, заимки, стойбища, фактории и т. д.; леса устроенные или исследованные, тайга с незаснятыми лесными площадями, лесотундра; хлопковые районы; северная граница земледелия; административные границы по данным на 1-е января 1928 года.

Приложение к карте промышленности СССР. Азиатская часть. Ч. I. Промышленные пункты. Ч. II. Фабрично-заводские предприятия. Ч. III. Алфавитный указатель географических наименований. — М., Гостехиздат. 1929. 4°. 150 стр. (ВСНХ - СССР) Издано отдельной книгой.

Библиография: „Список материалов, использованных при составлении карты Азиатской части СССР“ (на 9 стр.).

1902. Карта СССР. Составлена Картографическим отделом Геодезического Комитета ВСНХ - СССР. [В конформной проекции Гаусса. Под ред. М. А. Цветкова, при участии проф. Ф. Н. Красовского. Рельеф составлен под ред. проф. А. А. Борзова]. Масштаб 1:5.000.000; 50 км. в см.; до-

полн. карта: „Картограмма исследованности СССР в топографическом отношении“. Масштаб 1:30.000.000. — М., изд. Главного Геодезического Комитета. Печатано в Карт. отд. Г.Г.К. ВСНХ-СССР в 1929 г. 54,5×86 четыре, подлежащих склейке листа, многокрасочная. 5 р.

Карта составлена как географическая основа для Азиатской части карты промышленности СССР. Нанесены: рельеф — изогипсами (с раскраской в восемь оттенков), пути сообщения, населенные пункты, административные границы по состоянию на 1-е апреля 1929 г.

1903. Ручимский Б. А. Карта Владивостокского округа. Составлена картографом Б. А. Ручимским. Редакция: А. Г. Коровин, Г. П. Орленко, П. М. Правдин и П. И. Алексеевский. Масштаб 4,2 км. в см. (10 верст в дм.). — Владивосток, изд. „Кубуча“. 1929. Типо-литография „Книжного Дела“. 85×58, два листа в 5 кр. Со списком населенных мест помещенных на карте.

Нанесены: пути сообщения и связь; лесные дачи, с границами лесных участков; рельеф (раскраской); полезные ископаемые; паромные рейсы; рыболовные участки.

92. Биографии. Мемуары.

1904. Бестужевы М. и Н. Письма из Сибири. Редакция и примечания М. К. Азадковского и И. М. Троцкого. Вып. I. Селенгинский период. 1839 — 1841 — [Иркутск], Иркутск. секция научных работников. 1929. 8° XII

+ 137 + [1] стр., с илл. + [3] вклад. лист. илл. портр. и факсимиле. 2 р. 25 к. На обл. загл.: „Письма из Сибири декабристов М. и Н. Бестужевых“.

1905. Клевенский М. М. И. А. Худяков революционер и ученый. — М., изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и сс.-поселенцев. 1929. 8°. 128 стр. 55 к. (Научно-популярная 6-ка по истории рев. движения в очерках, воспоминаниях и биографиях. 1929 г. № 4).

Библиография: „Литература о Худякове“ (57 назв.).

1906. Левин Ш. М. Дмитрий Александрович Клеменц. Очерк революционной деятельности. — М., изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и сс.-поселенцев. 1929. 8°. 128 стр. 60 к. (Научно-популярная 6-ка по истории рев. движения в очерках, воспоминаниях и биографиях. 1929 г. № 5.).

Библиография. „Литература о Д. А. Клеменце“ (на 6 стр.).

1907. Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. [Сборник]. — Чита, „Печатное дело“. 1929. 16°. 72 стр. + 1 вклад. лист. портр. [Б. ц.] (Забайкальск. отд. Госуд. русск. географич. о-ва, Читинск. краев. музей им. А. К. Кузнецова и Читинск. отд-ние Всесоюзного о-ва б. политкаторжан и ссыльно-поселенцев).

Библиография: „Печатные труды А. К. Кузнецова“ (8 назв.). — „Рукописи“. (6 назв.). — „Статьи об А. К. Кузнецове“ (6 назв.).

П. Коногоров.

ТЕМ, КТО ЛЮБИТ СВОЮ РЕКУ.

(Письмо в редакцию).

Необходимость исследования режима рек не только со стороны научного интереса к этому явлению, но и по чисто практическим мотивам начинает завоевывать все большее и большее признание.

Наиболее крупные материалы вложения в дело исследования водного режима рек вносят комиссариаты Путей Сообщения, Земледелия и Народного Хозяйства. Но их усилия в этом отношении устремлены только на реки, имеющие в настоящее время серьезное практическое использование или намечаемые к таковому в ближайшем будущем, в пределах пятилетнего плана..

Между тем в том же практическом отношении приобретают нередко большой интерес гидрологические характеристики рек, более или менее неожиданно включаемых в круг хозяйственного их использования, в то время как по самому своему существу режим рек требует многолетних наблюдений, чтобы установить все многообразие режима отдельных лет, обусловленное изменчивостью от года к году метеорологических условий.

В чисто же научном отношении широкое освещение режима рек на столь обширной площади земной поверхности, как наша страна, представляет собой интерес совершенно исключительный по своему значению.

Сравнительная бедность и малонаселенность нашей страны не позволяет надеяться еще очень долго достигнуть той полноты в специальной сети гидрологических станций, которая необходима для достаточно точного и широкого освещения режима большинства наших рек. Поэтому сначала Академия Наук (с 1908 г.), а затем преимущественно Государственный Гидрологический Институт остановились на доступном нам, по нашим материальным возможностям, анкетном методе сбора сведений о режиме рек, методе, опирающемся на местное знание реки, любовь к ней и на уверенность встретить искреннюю и дружную поддержку в этом вопросе со стороны общественности. Двадцатилетнее применение этого метода дало настолько хорошие результаты, что в настоящее время уже нет сомнения в целесообразности его применения. В связи с этим Институт стремится все к более широкому и полному охвату анкетным методом наших речных систем.

Собранные анкетные материалы систематизируются и обрабатываются, данные их сводятся в таблицы и картограммы, и на основании их ежегодно составляются «Обзоры режима рек СССР».

В настоящее время Г. Г. И. выпущены в печати «Обзоры» за 1924—25 г. и за 1925—26 г. и подготовлен к печати за 1926—27 г.

Необходимым условием применения анкетного метода является массовый характер получаемого материала. Вполне естественно, что наибольшее затруднение по получению массовых материалов представляют такие малонаселенные районы нашей страны, как северо-восточный угол Европейской части СССР и вся северная зона Азиатской части Союза.

Поэтому активность культурных работников, населенных пунктов этих районов в деле помощи Институту по сбору необходимых гидрологических характеристик режима рек этих районов могла бы оказать ценнейшую услугу как науке, так и хозяйству страны.

Институт питает надежду, что через дружеское посредство органов периодической печати ему удастся получить отклик местных жителей Севера Сибири и краеведческих обществ, которые пришли бы на помощь Институту в этой работе и приняли бы на себя труд как по заполнению анкет о режиме протекающих вблизи их жительства рек, так и по распространению их среди местного населения.

Анкеты будут высланы по получению предложений о сотрудничестве, каковые надлежит направлять по адресу: Ленинград, Государственный Гидрологический Институт, Речной Отдел, Вас. остр., 2-я линия, д. № 23.

П. В. Иванов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: проф. Б. Ф. Адлер, Н. Н. Баранский, М. И. Басов, проф. С. А. Бутурлин, Н. В. Здобнов, В. Н. Кучербаев, Н. И. Леонов, акад. П. П. Маслов, акад. В. А. Обручев, Ф. Н. Петров, Б. И. Эвенчик, А. В. Сегаль, А. Н. Черкунов.
Ответственный редактор Ф. Н. ПЕТРОВ.

6-й год
издания

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

6-й год
издания

на 1930 год

НА ОБЩЕСТВЕННО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

„СЕВЕРНАЯ АЗИЯ“

издаваемый Обществом изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока
(в Москве)

Под редакцией:

проф. Б. Ф. Адлера, Н. Н. Барановский, М. М. Басова,
проф. С. А. Бутурлина, Н. В. Здобнова, В. Н. Кучер-
баева, Н. И. Леонова, академ. П. П. Маслова,
акад. В. А. Обручева, Ф. Н. Петрова, Б. И. Эвен-
чика, А. В. Сегалю, А. Н. Черкунова

Ответственный редактор Ф. Н. Петров.

**ЖУРНАЛ ПОСВЯЩЕН ВСЕСТОРОННЕМУ ИЗУЧЕНИЮ
ПРИРОДЫ, НАСЕЛЕНИЯ и ЭКОНОМИКИ
УРАЛА, СИБИРИ и ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

Годовые подписчики получают бесплатно „Систематический
указатель статей и материалов, напечатанных в „Северной
Азии“ за пятилетие с 1925 по 1929 г.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА с ДОСТАВКОЙ и ПЕРЕСЫЛКОЙ:

на 1 год (6 книг) — 7 руб., на 1/2 года (3 книги) — 4 руб.,
за границу на 50% дороже.

Цена отдельного номера 1 р. 50 к.

Комплекты «СЕВЕРНОЙ АЗИИ» за	{	1925 г. распродан
		1926 г. 7 руб.
		1927 г. 7 руб.
		1928 г. 7 руб.
		1929 г. 7 руб.

Подписку и подписные суммы адресовать: Москва, Ки-
тайский проезд, Политехнический музей, 88. Издательству
«СЕВЕРНАЯ АЗИЯ». Телеф. 1-22-68.

Принимается подписка на 1930 г. на журнал

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ, ПОСВЯ-
ЩЕННЫЙ ЭКО-
НОМИКЕ ДВКрая

Цена 1 экзем-
пляра 1 руб. 25 к.

ГОДОВАЯ ПОД-
ПИСКА 12 РУБ.,
ПОЛУГОДО-
ВАЯ 6 Р. 50 К.

- Перспективы развития народ-
ного хозяйства ДВКрая
1928—1932 г. 3 р. — к.
- Районирование ДВКрая, кн. I. (Продана)
- Районирование ДВКрая, кн. II. 5 р. — к.
- Районирование ДВКрая, кн. III. 3 р. — к.
- Контрольные цифры н. х.
ДВКрая на 1925-26 г. . . 1 р. 25 к.
- Контрольные цифры н. х.
ДВКрая на 1926-27 г. . . 1 р. 25 к.
- Контрольные цифры н. х.
ДВКрая на 1928-29 г. . . 1 р. 25 к.
- Обзор хозяйства Китая и
Японии за 1926 г. 1 р. 50 к.
- Обзор хозяйства Китая и
Японии за 1927 г. 2 р. — к.
- Обзор хозяйства Китая и
Японии за 1928 г. 2 р. — к.
- Хозяйство Японии (статисти-
ческий сборник) 2 р. — к.
- Капитальное строительство
ДВКрая 4 р. 50 к.
- Карта ДВКрая на 21 пл. (мас-
штаб 10 км. в сант.) . . . 12 р. — к.
- Карта ДВКрая на 2-х план-
шетах (масштаб 60 в.
в дюйме) 3 р. — к

Все издания высылаются наложенным
платежом. Хабаровск — Издательство
Далькрайисполкома и Крайплана.

Н А
1930
Г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Н А
1930
Г.

на политико-экономический журнал

УРАЛ С О В Е Т А

„ХОЗЯЙСТВО УРАЛА“

VI-й год

издания

Под редакцией: Дидковского, Б. В., Истомина, Я. А.,
Казанского, Ф. М., Бобылева, Д. М.
и Соловова М. А.

„ХОЗЯЙСТВО УРАЛА“—помещает руководящие статьи по
всем отраслям хозяйства Урала.

„ХОЗЯЙСТВО УРАЛА“—дает обзоры и конъюнктурные свод-
ки по промышленности, сельскому
хозяйству, торговле, финансам, транс-
спорту и пр.

„ХОЗЯЙСТВО УРАЛА“—обращает особое внимание на во-
просы окружного хозяйства (отд.
„НА МЕСТАХ“)

„ХОЗЯЙСТВО УРАЛА“—является незаменимым пособием
каждого советского учреждения,
каждого ответственного работника
и научного деятеля.

У С Л О В И Я П О Д П И С К И :

В переплете:

Без переплета:

на 12 мес. 18 руб.

на 12 мес. 12 руб.

„ 6 „ 10 руб.

„ 6 „ 7 руб.

Подписка принимается во всех почтовых отделениях
и в конторе редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: г. Свердловск, Пушкинская ул. № 15.

ПРОБЛЕМЫ КИТАЯ

ТРЕХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ПО
КИТАЮ ПРИ КОММУНИСТИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ТРУДЯЩИХСЯ КИТАЙЦЕВ
ВТОРОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

У С Л О В И Я П О Д П И С К И :

На 1 год — 10 руб.

На 6 мес. — 5 руб. 50 коп.

Журнал является теоретическим органом воинствующего марксистско-ленинского китаеведения и ставит своей задачей оказывать посильную помощь в деле теоретической защиты китайской революции от реакции, в последовательной критике всех буржуазных националистических концепций китайской революции, в борьбе с теоретическим прислужничеством империализму международной социал-демократии, в разоблачении контрреволюционной деятельности китайской разновидности троцкизма и в отпоре правым мелкобуржуазным патаньям и уклонам внутри китайского революционного движения.

В ПРОГРАММУ ЖУРНАЛА ВХОДИТ:

Разработка основных экономических проблем китайской революции и специального аграрного вопроса.

Теоретический анализ проблем перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, в соответствии с особенностями исторического развития Китая (вопрос о некапиталистическом пути развития Китая).

Разработка вопросов империалистических противоречий в Китае и их роли в экономическом и политическом положении страны.

Анализ социально-экономической основы современной реакции в Китае и основных классовых противоречий современного Китая.

Опыт вооруженной борьбы и массовых движений китайского рабочего класса и крестьянства.

Критика господствующих реакционных и мелкобуржуазных идеологий и, в первую очередь, критика экономических, философских и социологических основ сунятэнизма.

Разоблачение оппортунистических и буржуазных влияний в коммунистическом движении Китая.

Исследования по общим проблемам китайской истории.

Обзоры текущей экономической жизни и политической борьбы в Китае.

Систематическая библиография всей марксистской и немарксистской русской и иностранной литературы о Китае.

Цена 2 р. 50 к.

6-й год
издания

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

6-й год
издания

на 1930 год

НА ОБЩЕСТВЕННО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

„СЕВЕРНАЯ АЗИЯ“

издаваемый Обществом изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока
(в Москве)

Под редакцией:

проф. Б. Ф. Адлера, Н. Н. Баранского, М. М. Басова,
проф. С. А. Бугурлина, Н. В. Здобнова, В. Н. Кучер-
баева, Н. И. Леонова, академ. П. П. Маслова,
акад. В. А. Обручева, Ф. Н. Петрова, Б. И. Эвен-
чика, А. В. Сегалья, А. Н. Черкунова

Ответственный редактор Ф. Н. Петров.

**ЖУРНАЛ ПОСВЯЩЕН ВСЕСТОРОННЕМУ ИЗУЧЕНИЮ
ПРИРОДЫ, НАСЕЛЕНИЯ и ЭКОНОМИКИ
УРАЛА, СИБИРИ и ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

Годовые подписчики получают бесплатно „Систематический
указатель статей и материалов“, напечатанных в „Северной
Азии“ за пятилетие с 1925 по 1929 г.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА с ДОСТАВКОЙ и ПЕРЕСЫЛКОЙ:

на 1 год (6 книг) — 7 руб., на 1/2 года (3 книги) — 4 руб.,
за границу на 50% дороже.

Цена отдельного номера 1 р. 50 к.

Комплекты «СЕВЕРНОЙ АЗИИ» за

1925 г.	распродан
1926 г.	7 руб.
1927 г.	7 руб.
1928 г.	7 руб.
1929 г.	7 руб.

Подписку и подписные суммы адресовать: Москва, Ки-
тайский проезд, Политехнический музей, 88. Издательству
«СЕВЕРНАЯ АЗИЯ». Телеф. 1-22-68.